

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

И. И. Муллонен

**ТОПОНИМИЯ ЗАОНЕЖЬЯ:
СЛОВАРЬ
С ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫМИ
КОММЕНТАРИЯМИ**

Петрозаводск
2008

УДК 801.311 (03)
ББК 81.2–3
М90

Муллонен И. И. **Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями.** Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.: ил. 17. Библиогр. 110 назв.

ISBN 978-5-9274-0334-9

В словаре представлены географические названия Заонежского полуострова – уникальной территории Русского Севера. Русские говоры Заонежья, с одной стороны, сохраняют древнее новгородское наследие, с другой – включают значительный карельский и вепский пласт, сформировавшийся в результате многовекового русско-прибалтийско-финского контактирования. Материал словаря собирался в течение четверти века в полевых экспедициях.

Словарь включает более 300 словарных статей, в которых выявляется происхождение около 2500 топонимов Заонежья, от названий крупных, широко известных мест (Кижы, Онежское озеро, губа Святуха, Космозеро и др.) до наименований отдельных урочищ, болот, ручьев.

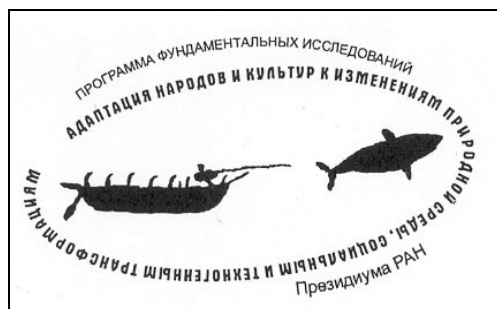
Словарь снабжен целым рядом карт, а также ценными историко-культурными комментариями. Он знакомит с обширным материалом по языку, культуре, истории и географии Заонежья и позволяет высказать новые для этноисторической интерпретации языка и культуры Заонежья гипотезы.

Рецензенты:

доктор филол. наук **А. С. Герд**
кандидат филол. наук **К. К. Логинов**

Исследование выполнено при поддержке РГНФ-Русский Север (проект № 01-04-49006а/С) и Академии наук Финляндии (проект № SA 208153).

Издание осуществлено при поддержке программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Топонимический атлас Карелии»).

ISBN 978-5-9274-0334-9

© Муллонен И. И., 2008
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2008
© Карельский научный центр РАН, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ЛАНДШАФТНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ	11
ХАРАКТЕРИСТИКА МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ	42
ФЛОРА ЗАОНЕЖЬЯ	53
КВАЛИТАТИВНЫЕ ТОПОНИМЫ	61
ДОРОЖНАЯ ТОПОНИМИЯ	83
ГРАНИЦЫ В ТОПОНИМИИ ЗАОНЕЖЬЯ	102
ТЕРМИНЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ ТИПОВ ПОСЕЛЕНИЙ	115
КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. СИСТЕМА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ	124
ЧЕЛОВЕК И ЕГО ИМЯ В ТОПОНИМИИ ЗАОНЕЖЬЯ	146
СААМСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТОПОНИМИИ ЗАОНЕЖЬЯ	160
ИНТЕГРАЦИЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ТОПОНИМИИ В РУССКУЮ ТОПОСИСТЕМУ ЗАОНЕЖЬЯ	170
СЛОЖЕНИЕ ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЫ ЗАОНЕЖЬЯ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ ТОПОНИМИИ	187
ЛИТЕРАТУРА	217
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	224
Приложение 1. РЕГИСТР ТОПООСНОВ	225
Приложение 2. СПИСОК ТОПОНИМОВ	228

ВВЕДЕНИЕ

Заонежье или Заонежский полуостров, расположенный на северном побережье Онежского озера, – уникальная в смысле историко-культурного наследия территория. Именно здесь была открыта в XIX веке русская былинная поэзия. Заонежье известно шедеврами деревянной архитектуры, среди которых всемирно известный Кижский ансамбль. В Заонежье были открыты уникальные археологические комплексы, свидетельствующие о богатой древней культуре региона.

Культура Заонежья возникла на стыке двух культурных традиций – прибалтийско-финской и русской и явилась результатом их взаимодействия, взаимопроникновения, сплава. Русское освоение Заонежья происходило несколькими удаленными друг от друга по времени волнами в течение первой половины II тыс. н. э. и, с одной стороны, накладывалось, с другой, сопровождалось прибалтийско-финским (вепсским и карельским) освоением. На протяжении столетий в Заонежье происходили активные этноязыковые процессы, отразившиеся в топонимии, которая, будучи русской по употреблению, буквально пронизана названиями прибалтийско-финского происхождения. Последние составляют в некоторых локальных территориях Заонежья до 10–15 % общего топонимного фонда и характерны не только для устойчивой во времени гидронимии, но и для относительно подвижной микротопонимии.

Благодаря открытию былинной традиции Заонежье уже рано привлекло к себе внимание целого ряда лингвистов. Здесь работало не одно поколение исследователей. Говоры Заонежья рассмотрены подробно и всесторонне. Предметом исследования были фонетические, грамматические и лексические особенности говоров, внутреннее говорное

членение и его границы, история образования, участие прибалтийско-финского компонента в формировании языка Заонежья. Подробный обзор исследований приведен в фундаментальной работе С. А. Мызникова [Мызников 2003б], поэтому ограничимся здесь только общими результатами многолетних лингвистических исследований.

Говоры Заонежья сформировались в результате двух основных процессов: миграции представителей единого псковско-новгородского диалекта на север и перехода на восточнославянский тип речи местного прибалтийско-финского населения [например, Герд 1979: 212]. При этом последнее с точки зрения исходного языкового типа может быть охарактеризовано как людиковско-ливвиковское [Мызников 2003б: 433]. Еще один существенный вывод состоит в том, что говоры Заонежья делятся на две группировки: Кижско-Шунгскую (по терминологии А. А. Шахматова), или якающую, и Толвуйскую, или екающую [Гринкова 1947], при этом при генезисе этих групп не исключается их связь с разными источниками: носители екающего говора признаются потомками древних новгородцев, в то время как якающего могут быть связаны со Псковом [Ардентов 1955, Мещерский 1963]. Деление Заонежья на западное и восточное, проведенное по данным фонетики, подтверждается, кажется, и этнографическим членением [Логинов 1993]. В то же время анализ лексики (особенно заимствованной) не дает такого четкого деления [Мызников 2003б: 39].

На фоне активного исследования заонежского диалекта обращает на себя внимание отсутствие систематического анализа топонимии Заонежья. Исследование топонимии представлено набором этимологий отдельных топонимов, в основном, с прибалтийско-финскими источниками. Эта традиция восходит уже к авторам XIX века (например, Рыбников, Барсов, Шайжин, Майнов и др.), в работах которых появляются первые попытки объяснения (не всегда верные) известных заонежских топонимов *Кижы*, *Толвуй*, *Кузаранда*, *Палеостров* и некоторых других. Значительное количество этимологических интерпретаций топонимов Заонежского полуострова приведено В. А. Агапитовым. Опубликованные вначале в виде отдельных статей, они были затем объединены в книгу [Агапитов 2000].

Свое место в публикациях по топонимии Заонежья занимают работы В. В. Витова, в которых наименования поселений привлекаются для исследования заселения и формирования поселенческой структуры. Автор, в частности, отмечает субстратный характер наименований большинства гнезд поселений Заонежья, связывая его с прибалтийско-финским этапом в истории полуострова [Витов 1962: 160]. Им же выделены три основных семантических типа в наименованиях поселений Заонежья: локативный, посесивный и квалитативный – и прослежена их смена в связи с процессом освоения территории [Витов, Власова, 1974: 184–190].

Топонимика привлекалась в качестве дополнительного источника этнических исследований и В. В. Пименовым [Пименов 1965], доказывавшим с ее помощью вепское прошлое Заонежья. На вепские истоки субстратной топонимии Заонежья указывает также Н. Н. Мамонтова [Мамонтова 1977].

Наш словарь призван восполнить тот пробел, который имеется в исследовании заонежской топонимии.

Коллекция географических названий этой компактной (приблизительно 70 км на 40 км), однако бывшей еще столетия назад одним из самых густонаселенных районов Карелии территории включает около 12 тыс. топонимов. Ее основу составляет объединенная картотека полевых материалов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Санкт-Петербургского университета, собранных на протяжении 1970–1990-х годов. Помимо полевых данных использованы и материалы, извлеченные из письменных, картографических, архивных источников прошлых веков и соотнесенные с полевыми данными. Привлечение их продиктовано тем, что в XX столетии произошли значительные изменения в системе расселения, исчезли сотни мелких деревень, хуторов, выселков, топонимия окрестностей которых фрагментарно сохранилась в исторических источниках. Помимо формирования более целостного представления о топонимической системе Заонежского региона и выявления эволюции отдельных топонимов использование хронологически разных источников по-

зволяет решать проблему реконструкции как языкового, так и историко-географического ландшафта.

При составлении словаря мы ориентировались при привязке материала на довоенное административно-территориальное деление Заонежья на три района – Великогубский, Шунгский и часть Кондопожского, которые, в свою очередь, включали в себя семь (Шунгский), восемь (Великогубский) и два (Кондопожский) сельсовета с общим количеством населенных мест около 500. В отличие от современного, это членение достаточно адекватно отражает традиционную культурно-историческую ситуацию в Заонежье. Обращение к довоенному членению оправдано и тем, что подавляющая часть полевого материала собиралась от информаторов старшего поколения, жителей исчезнувших к настоящему времени поселений, и отражает в значительной степени ситуацию середины века.

Представленные в словаре топоосновы объединены в несколько групп по семантическому признаку. Отдельные группы образуют основы, восходящие к ландшафтной терминологии, терминам из мира флоры, отражающие расположение на местности, связанные с формированием дорожной сети, а также границ Заонежья. Выделяются также группы топонимов, образованных от антропонимов, связанных с терминологией экономической деятельности, а также отражающих формирование поселенческой структуры. Такое построение в отличие от сквозного алфавитного списка топооснов дает более цельное представление о принципах и особенностях наименования, а также о том ландшафтно-географическом и историко-культурном фоне, на котором происходило формирование топонимии Заонежья. Алфавитный же регистр топооснов помещен в приложении к словарю. Он необходим для поиска топооснов, разнесенных по семантическим группам, а также по языку происхождения (прибалтийско-финские и русские топоосновы).

Этимологический словарь топооснов включает как прибалтийско-финские, так и русские по происхождению топонимические элементы. В словарь включена интерпретация более 300 (соответственно 150 русских и 150 прибалтийско-финских) наиболее фрек-

вентативных и одновременно этимологически затемненных топооснов Заонежья.

В русском разделе этимологического словаря представлена интерпретация топооснов, восходящих к редким русским диалектным лексемам. В русских диалектных терминах отмечается семантика, известная в Заонежье, или – если слово утрачено из заонежских говоров – в онежских или шире – русских говорах. Приводится источник – соответствующие словари или картотеки, в том числе полевых материалов (в последнем случае указание на источник отсутствует), а также некоторые примеры топонимного функционирования с указанием вида объекта и административной привязкой на уровне волости/сельсовета (как правило, по одному примеру из списка топонимов волости/сельсовета) (рис. 1).

Анализ прибалтийско-финских и саамских топооснов Заонежья заключается в поиске и реконструкции этимонов, проводящихся на основе широкого комплекса методов сравнительно-исторического языкознания (стратиграфический, этимологический, структурный анализ, реконструкция праформ и значений). Используются также статистические и ареальные методики. В ходе анализа решается проблема более четкой этноязыковой привязки истоков топоосновы в рамках прибалтийско-финских языков. В статье приводятся возможные прибалтийско-финские этимоны, причем в силу этноисторических причин, связанных с прибалтийско-финским освоением Заонежья, заглавными являются карельские (ск. – собственно-карельский; люд. – людиковский) и вепские (вепс.) данные. Материалы других прибалтийско-финских языков приводятся в случае отсутствия (вызванного, например, утратой лексемы) этимона в карельском и вепском. В данном разделе словаря уделяется значительное внимание адаптации (фонетическая, грамматическая, лексическая, выражающаяся в калькировании) прибалтийско-финских оригиналов к особенностям русского употребления. Понятно, что примеры топонимов с прибалтийско-финскими истоками не носят столь массового характера, как в случае с русскими топоосновами, поэтому приводятся, как правило, все зафиксированные случаи бытования искомой топоосновы с обозначением типа объекта и географической привязки на уровне сельсовета.

Рис. 1. Карта Заонежья с делением на районы

Словарная статья не носит строгого характера. В том случае, когда этимологическая интерпретация топоосновы не вызывает особого затруднения, приводятся исходные апеллятивные данные (русские или прибалтийско-финские) и примеры топонимного функционирования. Однако в случае затемненной основы предпринимается более расширенный поиск. К примеру, активно ис-

пользуются экстралингвистические факты, из которых особенно важна ландшафтная характеристика названного объекта, расположение его на местности в окружении других объектов. Привлекаются данные исторического и этнографического характера и в целом круг сведений о народной культуре Заонежья.

В заключение сделана попытка обобщить результаты анализа отдельных топооснов по двум направлениям, выводящим в конечном итоге на проблемы формирования историко-культурной зоны *Заонежье*. Во-первых, выявляются механизмы контактирования «финской» и русской топонимных систем Заонежья, которые являются на самом деле проекцией этнического и языкового контактирования. Во-вторых, на основе топонимных ареалов анализируется сложение этноисторической карты Заонежья.

ЛАНДШАФТНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

В данном разделе представлены в алфавитной последовательности прибалтийско-финские и русские топоосновы, восходящие к ландшафтной терминологии, которая, как известно, отличается значительной продуктивностью в топонимии. В ряде случаев, когда термин с прибалтийско-финскими истоками усвоен в русские говоры (корба, мандера, салма и др.), возникали сложности при отнесении топоосновы к числу прибалтийско-финских или русских. В ряду прибалтийско-финских представлены термины, участвовавшие в образовании прибалтийско-финских топонимов (*Корбозеро*, *Сюдьярга* из **Syvä/orgo*), в то время как к русским отнесены лексемы, не подтвержденные убедительными примерами их бытования в прибалтийско-финской топонимии Заонежья. Понятно, что избранный принцип носит формальный характер, и такие топонимы, как *Мандера*, *Нюра* или *Салма*, могут иметь как прибалтийско-финское, так и русское происхождение.

Русские топоосновы

Буй: буй ‘высокое открытое место’ [СРГК]. Слово не получило широкого распространения в топонимии Заонежья. Оно известно в наименовании двух расположенных на возвышенности сельскохозяйственных полей *Боевня* и *Бувещина* (Карас) в центральном Заонежье, *Буяностров* в Уницкой губе (Униц).

Бочага: бочага ‘вязкое, топкое место в лесу, болоте, трясина’ [СРГК]. *Бочага* поле (Паян), *Бочага* поле (Выр), *Бочага* болотистый сенокос у дер. Любосельга (Сенн).

Веретя: веретя ‘возвышенное сухое место на низменности’ [СРНГ], веретье ‘песчаный участок земли, непригодный для вспашки’ [СРГК]. Словари русских говоров не фиксируют данную лексему в Заонежье, географически ближайшие фиксации относятся к Вытегорью и Каргополю. Единичность примеров топонимного употребления лексемы в Заонежье также указывает на малую продуктивность ее в этом ареале.

Веретя или *Долгая Веретия* поле (Сенн), *Крутая Веретья* угодье (Велик).

Горб-: используется в названиях мест, которые «идут горбом», т. е. горкой.

Горбуха или *Горбуша* поле (Кузар), *Горбачиха* поле (Толв), *Горбунья* гора (Косм).

Городок: городок ‘возвышенность на ровном месте’ [СРГК]. Геологическое описание скалы Городок в окрестностях дер. Паяницы выглядит следующим образом: «Здесь наблюдается выступ скальных пород длиной 750 м, шириной 150 м и относительной высотой до 40 м. ... Северный, восточный и западный борта выступа представляют собой отвесные сбросовые уступы. Вдоль уступов отмечаются локальные сейсмодислокации: ... обвалы скальных пород, валы выпирания по периферии сейсмообвалов» [Природный парк «Заонежский», с. 31].

Городок гора (Выр), *Городок* скала (Кажем), *Городок* скала (Паян, Дериг), возможно также *Городец* покос (Велик), *Городюха* покос (Паян), *Задний Город* поляна (Кузар), *Городок* скала между Шитиками и Засележьем (Толв), *Городок* горка за деревней Ключино (Яндом) и др.

Дыбун: дыбун ‘топкое болото, трясина’ [СРГК].

Дыбун болото (Выр), *Добыжий Мост* покос (Выр).

Железные Ворота: метафорический топоним, который используется в Заонежье для называния скал, точнее, расщелин между двумя высокими скалами, по дну которых проходит дорога. Иногда по дну такого ущелья течет ручей.

Железные Ворота покос (Кузар), *Железные Ворота* скала (Фойм), *Железные Ворота* – место на северной оконечности обширного скального массива Еськина Щельга. Здесь проходит дорога между двумя высокими скалами, по дну ущелья течет Гарьюсручей, в котором полоскали белье. Вариант названия *Красные Ворота* (Толв). *Железные Ворота* (вариант *Чертовы Ворота*) – высокие скалы, между которыми проходил зимник из Кажмы на Ладмозеро (Кажем).

Зыбун: зыбун ‘болото, трясина, покрытые слоем растительности’ [СРГК].

Зыбун болото (Лебещина Толв).

Клоч-: клоч ‘кочка, бугорок (на болоте, поляне)’ [СРГК].

Клочья, *Клочняк* покосы (Выр), *Клочуха*, *Клочняк* поля (Фойм), *Клочуха* покос (Кузар), *Клочняг* мыс (Паян), *Клочуха* покос (Толв), *Клочняги* покос (Дериг), *Клочиха* покос (Типин), *Клочницкий остров* (Косм), *Клочняк* с вариантом *Клочняги* сенокос (Карас).

Креж: креж ‘возвышенное место, гора, холм’.

Креж выгон (Паян), *Крежевуха* покос (Фойм), *Боровушный Креж* лес (Дериг), *На Крежу* поляна (Кажем), *Креж* гора (Сенн), *Крутой Креж* гора (Пегрема Велик).

Ламба: ламба, ламбина, ламбушка ‘небольшое лесное озеро без истоков’ [СРГК]. Термин заимствован в русские говоры Карелии: ск. *lampi*, *lampi*, люд. *lamp*, *lampi* ‘небольшое лесное, обычно непроточное озеро; ламба’. В вепсских говорах термин неизвестен, не оставил он следов и в вепсском топонимическом употреблении, в связи с чем его можно считать дифференцирующим карельским элементом. Часть топонимных примеров связана с употреблением слова в Заонежье для обозначения специально выкапываемых на краю выжигаемого пала ям с водой, в которых в ходе сжигания участка тушили одежду [Логинов 1993: 20].

Ламба залив на оз. Викшезеро (Униц), *Ламбушкино болото* (Фойм), *Ламбина* поле (Толв), *Ламбушка* озеро (Кузар), *Кислая ламба* озеро (Фойм), *Ламбина* окно в болоте (Толв), *Заламбина* по-

ле за заполненной водой ямой на краю болота (Дериг), *Ламба* низина (Карас) *Ламба* глухое лесное озерко (Косм), *Ламбина* небольшой залив Уницкой губы, отгороженный от последней островом (Пегрема Велик), *Ламба* колодец в дер. Любосельга (Сенн), *Ламба* озеро (Типин), *Ближняя Ламба* и *Дальняя Ламба* залив (Яндом), залив *Ламба* на острове Тамбич (Сенн).

Лема: лема, лемина ‘болото, зарастающее озеро, зыбун, трясина’ (в Заонежье термин не зафиксирован). Слово заимствовано севернорусскими говорами: ск. *lemi* ‘топь, топкое место на болоте, трясина’, люд. *lemi*, *lemu* ‘ил, трясина, мох в болоте’.

Лема болото (Дериг), *Лема* болото (Типин).

Лог: *Ложина* сенокос под горой вдоль ручья (Красная Сельга Карас), *Ложинка* поле (Усть-Река Велик), *Лога* покос (Униц).

Лом: лом ‘валежник, бурелом в лесу’ [СРГК].

Моисеев Лом покос (Кузар), *Ломы* покос (Выр), *Ломовая нива* урочище (Толв), *Ломы* покос (Дериг), *Заломье* поляна (Типин), *Лом* узкий длинный сенокос между сельгами (Косм), *Ломовица* ручей (Велик).

Луда: луда ‘каменистая мель, отмель’. В русские говоры распространилось из прибалтийско-финского источника [см. разбор лексемы: Мызников 2003б: 254–257].

Лудуша луда, *Лудыша* поляна (Велик).

Мандера: в русских говорах Заонежья мандера известна в нескольких значениях: ‘полуостров; большой лес; подсека; ровное безлесное место’ [СРГК]. Слово усвоено из прибалтийско-финского (карельского) источника: ск. *mantere*, *mandere* ‘материк (в противоположность острову)’. Изначальная семантика лучше сохранилась, судя по данным СРГК, в пудожских говорах, где мандера ‘материковая часть суши’.

Мандерское поле (Кажем), *Мандера* – лесное урочище между заливом Великая губа и Яндомозером (Велик), *Маньера* – противоположный от дер. Сибово берег залива Великая губа (Велик).

Мох: мох ‘болото’ [СРГК].

Замошье покос (Кузар), *Замошье* болото (Фойм), *Моховое озеро* (Фойм), *Замошье* покос (Толв), *Мох* болото (Толв), *Моховое болото* (Сенн), *Мхи* болото (Типин), *Мошок* болото (Велик).

Наволок: наволок ‘узкая полоса суши, мыс’ [СРГК].

Наволок поле на мысу (Кузар), *Наволок* мыс на Путкозере (Паян), *Наволок* поле на мысу (Дериг), *Наволок* поле дер. Пигмозеро в конце деревенского мыса (Кажем), *Наволоки* сенокос на берегу р. Калей, причем в месте, где ее течение образует большой мыс (Выр), *Наволок* часть дер. Артова, расположена на мысу Космозера (Косм), *Телячий Наволок* мыс (Сенн), *Наволок* поле на мысу (Типин), *Наволок* мыс Яндомозера напротив дер. Саньки (Яндом). Используется в качестве детерминанта сложных топонимов: *Гутарнаволок* мыс (Косм), *Полнаволок* мыс в дер. Сибово (Велик) и др.

Нюра: основа активно используется в Заонежье в наименованиях озерных луд и островов и восходит, очевидно, к известному в заонежских говорах географическому термину нюра ‘подводная мель’ [Куликовский]. При этом в этимологической литературе его принято возводить к карел. *jukkä, jukkü* [SKES]. Однако наиболее близкое соответствие находится в ск. и ливв. *ñuogi, ñuogo* ‘песчаная отмель вытянутой формы’ [KKS].

Нюра луда в Заонежском заливе (Паян), *Нюра* луда (Толв), *Нюра* луда в Святухе (Кажем), *Нюра* остров у юго-западной оконечности Климецкого острова (Сенн), *Нюра* луда (Типин). В этом же ряду название узкого и длинного островка *Нёра*, от которого тянется мель к острову Долгий в архипелаге Уймы (Киж). Представленный ряд топонимов, сформированный простыми по структуре наименованиями, может иметь и русские, и прибалтийско-финские истоки.

Песок: в топонимии закрепился целый ряд фонетических вариантов и производных от данной основы: *Песьянка* и *Письяха* поля (Кузар), *Пичеха* луда (Кузар), *Песьянка* покос (Паян), *Песьянка* по-

кос (Толв), *Пичеха* хутор (Толв), *Песьяница* поле, *Письяницы* покос (Дериг), *Песочная Губка* залив (Дериг), *Песьянка* поле (Кажем), *Песчуха* поле (Сенн), *Пески* берег Онежского озера (Типин), *Песьянка* поляна (Велик).

Повежа: повежа ‘узкий залив, заросший осокой и затянутый тиной’ [СРГК].

Остров *Повежий* в заливе Кортегуба (Карас).

Рамень: рамень ‘большой лес, обычно хвойный, растущий на возвышенном сухом месте’ [СРНГ]. Судя по словарным данным, лексема непродуктивна в Заонежье. В топонимии отразился один пример ее употребления:

Раменники ягодник (Кузар).

Салма: ск. *salmi*, люд., вепс. *salm* ‘пролив’. Прибалтийско-финское слово было в древнерусское время усвоено в русские говоры в виде соломя и в этом виде сохранилось в Заонежье (см. статью **Соломя**). Судя по топонимным фиксациям, говорам Заонежья мог быть известен в качестве ландшафтного термина также вариант салма.

Сало/салмский пролив (Толв) с вариантом *Салоостровская Салма* между Салоостровом и Гарьюснаволоком, *Салма* болотистая низина на узком перешейке между озерами Гахкозеро и Чужмозеро (Дериг), *Проездная Салма* пролив (Яндом), *Узкая Салма* между материком и Липовскими островами в заливе Большое Онего (Липовицы Киж).

Сельга: сельга ‘гора, возвышенность вытянутой формы’ (см. в прибалтийско-финской части Словаря сельга).

Сельга поле (Фойм), *Горелые Сельги* поляна (Кузар), *Баран/сельга* (Выр), *Сельга* покос (Толв), *Засележье* деревня (Толв), *Засележная поляна* (Дериг), *Сельский наволок* мыс на восточном берегу оз. Ладвозеро, вдоль которого тянется гора (сельга) (Кажем), *Белая Сельга* гора (Косм), *Березовая Сельга* покос (Сенн), *Еремеева Сельга* покос (Типин), *Сельга* гора (Велик).

Соломя: соломя ‘пролив’ (см. также **салма**), представляющий собой полногласное заимствование прибалтийско-финского *salmi*, которое произошло еще в древнерусское время. Первые фиксации слова датируются 1391 г. [Срезневский], при этом, судя по полному тексту документа, термин зафиксирован на восточном, пудоожском берегу Онежского озера, точнее, на границе земель Водлозера, Купецкого озера и Риндозера: «...а отъ той ламбы въ Куко озеро въ болшое Соломя впрямь на трубу, а с Куко озера съ болшого Соломяни на Тетервиной мох в Зиленой островъ впрямь на трубу» [Грамоты, с. 287].

По данным С. А. Мызникова, термин соломя известен прежде всего в Западном Заонежье – в Ламбасручье, Черкасах, Космозере, Колгострове, в форме соломечко – в Лонгасах Сенногубского сельсовета [Мызников 2003б: 286–287]. Топонимные фиксации подтверждают и уточняют западный ареал слова в Заонежье (рис. 2):

Узкое Соломе покос, *Соломенное* пролив между Матгубой и Уницкой губой (Униц), *Соломенная губа* на Космозере между мысами Судочий Наволок и Медведица (Косм), пролив *Соломени* и острова *Соломенские* в окрестностях Ламбасручья (Велик), *Соломя* пролив между материком и островом Коткоостровом в окрестностях дер. Вигово (Велик), *Соломенная губа* залив, *Малая Соломя* пролив между северной оконечностью Большого Леликовского острова и материком (Сенн), *Черная Соломя* в районе Сенной Губы (Сенн).

Помимо Заонежья лексема известна на смежной территории северо-западного побережья Онежского озера, в частности, в Тулгубе Кондопожского района. В топонимии этот ареал несколько шире и тянется от Петрозаводска: пос. *Соломенное*, который упоминается как «деревня на Соломене озере» в XVI веке [ПМК]. Между прочим, из этого следует, что *Соломенным озером* или, иначе, озером *Соломялахта* называлась прежде Петрозаводская губа Онежского озера.

На остальных смежных территориях – в Беломорье, Прионежье, Пудожье – закрепился вариант салма, который справедливо считается более поздним в русских говорах и к тому же появившимся адстратным путем [Мызников 2003: 25], т. е. в результате обрусения местного прибалтийско-финского населения. Он, видимо, бытовал и в Заонежье, что отразилось в топонимии.

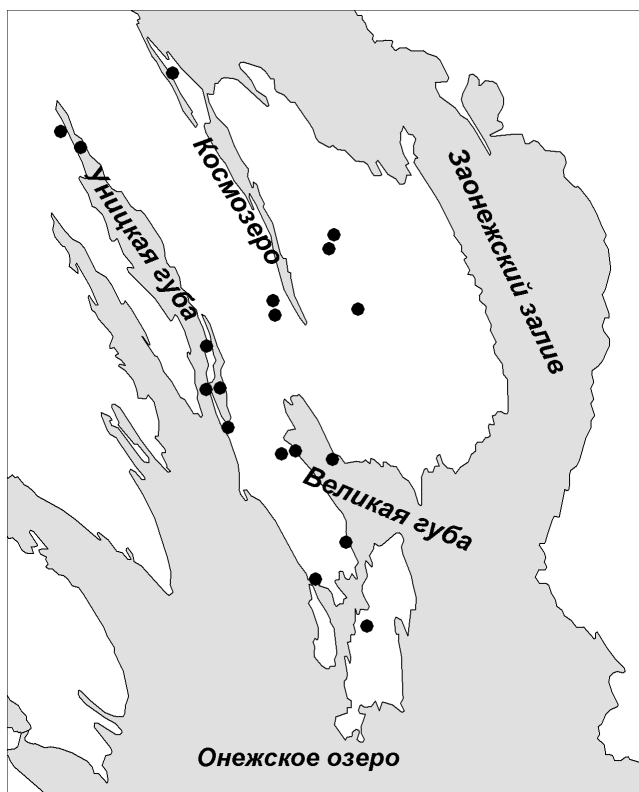

Рис. 2. Топонимы с элементом «солomia» в Заонежье

Как объясняется сугубо западный для Заонежья ареал древней заимствованной лексемы солomia? Ведь многие этноисторические и языковые факты говорят о том, что северо-западное побережье Онежского озера вплоть до конца XIX – начала XX века продолжало оставаться территорией со значительным карельским населением. Об этом недвусмысленно свидетельствуют списки населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1873 год. Как же возник такой парадокс: на карельской этнической территории бытует раннее русское заимствование?

По-видимому, ответ на вопрос надо искать в том, что первоначально термин закрепился точечно, на ограниченной территории, а уже впоследствии по мере обрусения людиковских поселений распространился на более обширную местность. Ареал бытования указывает на то, что термин тяготеет к тому древнему водно-волоковому пути, который проходил по центральному Заонежью из залива Великая губа на юге полуострова в узкое и длинное Космозеро, из которого есть выход в Повенецкий залив, омывающий полуостров с севера. Путь был известен как прибалтийско-финскому, так и русскому населению Заонежья (см. подробнее в разделе «Дорожная топонимия»). Он, по-видимому, сформировал деление Заонежья на западное и восточное и выделение так называемой кижско-шунгской языковой зоны в западном Заонежье, которую некоторые исследователи, как отмечалось во «Введении», склонны связывать с преобладанием псковского компонента в речи русских первоначальников края [Мещерский 1963]. В восточной части Заонежского полуострова полногласный вариант термина соломя не закрепился, хотя то, что в ранних документах он употреблен применительно к пудоожскому берегу Онежского озера, говорит о принципиальной возможности его бытования и в восточном Заонежье. Видимо, свою роль в данном случае сыграл ландшафтный фактор: в восточном Заонежье, в отличие от западного, характеризующегося сложной конфигурацией береговой линии, нет лежащих вдоль водных путей заметных заливов. Немногочисленные фиксации употребления позднего заимствования салма привязаны к объектам, не игравшим существенной роли на ранних этапах освоения полуострова русскими переселенцами.

Солон-: производные от основы солон- распространены в наименованиях сырых болотистых мест, что позволяет связывать топонимы с севернорусским солоть, солоница и др. в значении ‘болото’.

Солонуха болото (Кузар), *Усолонье* поляна (Выр), *Солодежка* поляна рядом с болотом Узкий мох (Велик).

Студенец: студенец ‘родник’.

У *Студенца* покос (Кузар), *Студенец* поляна (Выр), *Студенец* поляна (Толв), *Студенцы* поле (Дериг), *Большой Студенец* выгон (Кажем), *Студенец* лесной покос (Карас), *Студенцы* покос (Сенн), *Студенец* покос (Яндом).

Наряду с этим термином заонежская топонимия указывает также на бытование термина рудник ‘родник’, закрепившийся в названии ручья *Рудница*, в истоках которого располагалось угодье *Рудники* (Никитинская Типин), а также угодья *Рудники* в окрестностях дер. Пургино (Велик). На фоне студенца, получившего в Заонежье повсеместное распространение, рудник встречается, судя по топонимическим фиксациям, лишь спорадически, при этом в местах позднего, вторичного заселения.

Всего в Заонежье геологами выявлено примерно 40 родников, из них бо́льшая часть в западном Заонежье, между Святухой и Уницкой губой [Природный парк «Заонежский», с. 36].

Сыпун: термин сыпун не отразился в словарях русских говоров, однако исходя из характеристики объектов, в названиях которых присутствует слово, а также из семантики однокоренного термина сыпуха арх. ‘осыпчивый, песчаный берег’ [Даль], сыпун обозначал крутой осыпающийся берег реки или озера. В Заонежье он воплотился в нескольких топонимах:

Сыпун скала (Фойм), *Сыпуха* отмель (Выр), *Сыпун* скала (Великон), *Сыпун* берег оз. Ванчозеро, а также *Сыпунгора* на берегу оз. Турастомозеро (Кажем), *Сыпунгора* и *Подсыпунское болото* на берегу оз. Падмозеро (Онежский Погост Паян).

Чур-: чура ‘гравий, крупный песок, земля, перемешанная с камнем’ (< ск., люд. *čiuigi*, вепс. *čigi* ‘крупный песок, гравий, дресва’) [ПФГЛК].

Чуроватица поле (Выр), *Чургуба* залив (Паян), *Чурное поле* (Фойм), *Чургора* гора (Кузар), *Чургора* гора (Толв), *Чура* поле (Дериг), *Чургуба* залив в Святухе (Кажем).

Шелом: шелом ‘горка, пригорок, холм, возвышенность’ [Даль].

Шелом гора (Паян), *Шеломки гора* в уроч. *Климгора* (Толв), *Шелом гора* (Дериг), *Шеломские болота* (Яндом), *Шеломки покос* (Велик).

Щелье: щелье ‘скала’.

Щелейное поле (Паян), *Подщеленица покос* (Кузар), *Гладкие Щельги поляна* (Выр), *Щельги покос* (Фойм), *Щельостров* (Толв), *Щелейка поле* (Дериг), *Щелейка поле* (Кажем), *Щельговатый остров* (Сенн), *Щелейки скала* (Типин).

Прибалтийско-финские топоосновы

Вар-: ск. *voaga*, *vuaga*, ливв. *vaaga*, *voagu*, *vuaga*, люд. *vuaga*, *vuare* ‘гора, поросшая лесом’. При анализе топоосновы в Заонежье в принципе нельзя исключать и саамский источник ее появления, ср. саам. *varge*, *vāga*, *varg* ‘лес; гора, сопка’ [ПФГЛК]. Термин заимствован в русские говоры, распространенные в основном к северу от Заонежья. В Заонежье бытовало варака ‘скала, гранитный гребень, каменистое место’ [Куликовский]. Отмечено также варака ‘глухое место в лесу с буреломами’ [Мызников 2003б: 220], которое, однако, может быть топонимом, тем более что есть только одна фиксация в дер. Белохино Медвежьегорского района.

В топонимии Заонежья отложилась, очевидно, карельская топооснова, на что указывает, например, использование ее в роли атрибутивного элемента сложного по структуре топонима: *Варнаволок* (Толв), *Варгуба залив* (Дериг), *Варгуба залив оз.* Ладмозеро (Кажем), *Варнаволок мыс* (Типин). В данное гнездо входит, по всей видимости, и название обширной возвышенности *Барансельга* (Яндом), в котором мена *в* – *б* могла быть спровоцирована не только бытующим в Заонежье закономерным фонетическим развитием, но и народноэтимологическим сближением основы с понятным русским баран. Если предложенная интерпретация верна, то исходный карельский вариант должен был выглядеть как *Vaaranselkä, в котором конечный *-n* атрибутивного элемента – окончание генитива. В названии возвышенности *Репонварская гора* (Репный Посад Велик) термин выступает

в роли детерминанта сложного прибалтийского топонима *Rero(i)noara.

В свою очередь, использование термина в простых по структуре топонимах указывает, скорее, на ее русские истоки: *Вараки* (Паян).

Ват-: ск. *vata*, *vataja* ‘куст, обычно низкий и широкий’ [SSA]. Впрочем, при этимологии основы в топонимии Заонежья следует исходить, скорее, из семантики, зафиксированной в финских говорах: *vataja* ‘болотистое, поросшее кустарником место, используемое иногда под покосы’ [SSA]. В вепсской и карельской топонимии сохранились многочисленные следы бывшего бытования слова с той же семантикой, которая известна в финском языке [Муллонен 1994]. Кроме того, подтверждением прежнего бытования слова в прибалтийско-финских языках Карелии служат русские говоры Обонежья, которым известны вадога и вадега для обозначения болотистого места [ПФГЛК].

Рассматриваемая основа может быть реконструирована в названии расположенного в окрестностях дер. Гарница на Климецком острове залива *Ватлекша*. Географическим обоснованием этимологии служит то обстоятельство, что побережье залива заболочено, причем здешние болота регулярно выкашивались. В свою очередь, фонетический облик второго элемента этого сложного по структуре прибалтийско-финского топонима (< **Vat/lekši*) позволяет реконструировать усеченный атрибут до первоначального **vatai-*. В собственно-карельских говорах происходило закономерное выпадение конечного *-i*, сопровождавшееся палатализацией следующего за *-i* согласного [Rapola 1966, Itkonen 1968]. Этапы развития топонима могут быть представлены следующей схемой: **Vataja/lakši* > *Vatailakši > *Vatoilakši > *Vatolekši > *Vatlekši > *Ватлекша*.

Видимо, в одном ряду с *Ватлекша* надо рассматривать и истоки топонимов *Ватгуба* (с вариантом *Вадьгуба*) и *Ватнаволок* на Климецком острове (Сенн), *Вадгуба* залив с заболоченными берегами (Типин).

Вид-: ск. *viita, viida* ‘густой ельник на сухом месте’, люд. *viid* ‘частый мелкий ельник’, вепс. *vida* ‘еловая чаща, молодой ельник’ [ПФГЛК]. Звонкость/глухость финального согласного основы определяется характером следующего за ним звука.

Виднаволок мыс (Яндом), *Витсельга* покос (Велик), *Витсельга* поле (Липовицы Киж).

Вирем-: залив *Виремгуба* располагается на восточном берегу Святухи (Косм). В основе топонима карельский географический термин *vieremä* ‘осыпающийся крутой песчаный берег’ [Nissilä 1939: 139, Nissilä 1975: 26, 27], *vieremü* ‘оползень, обвал’ [Макаров]. Русским эквивалентом является получившая относительно широкое распространение в Заонежье модель *Сыпун* (см.). В свою очередь, название крутого песчаного берега Падмозера *Катучий Креж* может быть переводной калькой прибалтийско-финского оригинала. Варианты *Вилемгуба*, *Виренгуба* и *Веренгуба* (для *Виремгуба*) вписываются в закономерности диалектной фонетики Заонежья.

Вонг-: из всего широкого спектра значений, свойственных прибалтийско-финской лексеме *vonka* (ск. *vonga*, ливв. *vongu*, люд. *vong, vonge*, вепс. *vong*), в топонимии Заонежья отразилась семантика ‘излучина, глубокая и широкая часть водоема’. Именно она закрепились в наименовании изогнутого в виде дуги берега Онежского озера у полуострова Клим *Вонги* (Толв).

Гарьюс-: ск.-ливв. *harju* ‘вершина горы, хребет’. В топонимии Заонежья выступает в виде деривата *harjus*, суффиксального образования от основы *harju*:

Гарьюснаволок – узкий длинный мыс на северной оконечности полуострова Клим (Толв), *Гарьюсручей* (Толв) (протекает под самым высоким урочищем округа Еськина Щельга), сельскохозяйственное угодье *Гарьюсница*, протянувшееся вдоль сельги (Велик).

Гиж- (< *hiž*-): слово *hiisi* известно всем прибалтийско-финским языкам, кроме вепсского, прежде всего в значении ‘черт, леший’, а также ‘отдаленное, наводящее страх место’. В эстонском языке, а

также в старописьменном финском отразилась более древняя семантика слова ‘священная роща, кладбище’ [SSA]. Топонимные данные с вепсской территории указывают на то, что слово бытовало в прошлом и в вепсском языке, при этом с учетом вепсских фонетических закономерностей, а также облика топоосновы вепсская лексема имела вид *hiž (в отличие от ск. hiisi), т. е. близкий к тому, который выступает в топонимии Заонежья. Некоторые косвенные данные об объектах, в наименованиях которых присутствует основа (возможные места древних культов), позволяют предполагать для hiž- в Заонежье древнюю семантику ‘священная роща, место поклонения предкам’.

Гижезеро (Паян), *Фиш/наволоок* (< *Хиж/наволоок) на Путкозере, *Ижгора* ~ *Хижгора* – гора (вариант Игримый Креж) на полуострове Клим (Толв), *Хижгуба* залив на Челмужском берегу (Толв).

Еряюмя: ск. jūgāhmä ‘небольшая горка’.

Остров *Еряюмя* с вариантами *Еряймя*, *Яряймя* (Еглово Киж), порог *Юрема* (Униц).

Кайв-: ск., ливв. kaivo ‘колодец, родник; яма с водой’, люд., вепс. kaiv ‘колодец’.

Кайбостров (Вегорукса Велик), *Кайба* яма с родниками на дне на окраине с. Типиницы.

Кал-: ск., ливв. kallivo, люд. kallivo, kal’to, kalli, kal’f, вепс. kal’f ‘скала’. Термин заимствован в русские заонежские говоры в виде кальга ‘каменистое высокое место’, так что для части топонимов можно предполагать русский источник. В ряде случаев прибалтийско-финский термин сохранился в топонимах, воспринятых в русское употребление в ходе прямого усвоения сложных по структуре прибалтийско-финских оригиналов (*Нот/калья*), где он выступал в роли детерминанта.

Калий наволоок мыс (Униц), *Каля* поле (Полежаевская Выр), *Калейручей* ручей, вытекающий из оз. *Кальезеро* (Толв, Кузар), *Кальяки* поляна на скалистом берегу Онежского озера, на мысу

Толстик (Выр), *Карьяка* луда, *Кальнаволок* мыс в Заонежском заливе (Паян), *Кальнаволок* мыс (Яндом), *Нот/калья* скала (Паян), *Кальяка* пастбище (Фойм), *Кальяга* покос (Толв), *Калий нос* скалистый мыс оз. Тельпозеро (Дериг), *Кальяка* поле (Дериг), *Калейгуба* залив Святухи со скалистыми берегами (Кажем), *Кальяки* поле (Кажем), *Кальезеро* озеро (Карас); *Нот/калье* обрывистый скалистый берег оз. Путкозеро (Шабалино Дериг), *Рад/колье* остров (с вариантом Скалистый остров) в Заонежском заливе, а также скалистый мыс *Рад/колье* у юго-восточного побережья Большого Леликовского острова (Сенн), скалистый мыс *Каль/наволок* на берегу Яндомозера (Яндом), *Кибре/колье* гора (Яндом), *Калейгуба* залив и рядом *Калейнаволок* мыс в окрестностях дер. Вигово (Велик), *Тер/калье* скалистое урочище у Великой губы.

Кар-: вепс. *кага*, люд. *kuag*, *kuare* ‘бухта, залив’ [ПФГЛК]. Слово заимствовано в русские говоры Карелии, в частности в повенецкие, где кара ‘залив на реке или озере’ [СРГК].

Топонимы на кар- группируются в окрестностях Толвуи: *Кара* залив у дер. Лебещина, *Кара* залив у дер. Масельга, *Кара* – поле у дер. Обалковщина на берегу Заонежского залива, *Каргуба* ~ *Карагуба* и рядом *Карнаволок*, на котором располагается центр Толвуи. Модель известна на смежной территории Вырозера: *Кара* покос на берегу Онежского озера (Выр). Показательно, что в толвуйской топонимии отразился и полногласный «окающий» вариант топоосновы, оформленный концовкой -вина, свойственной ландшафтной терминологии, в том числе заимствованной (боровина, кедовина, кугровина, лахтовина, шаймовина и др.): *Коровина* (в таком виде термин известен в говорах на русской Ояти в южном Присвирье [Мызников 2003б: 227–228]) или *Корова* залив на оз. Падмозеро (Толстиково Толв), а также *Коровушка* залив в Толвуйской губе (Погост Толв). Оба топонима подверглись явной народноэтимологической интерпретации.

Приведенные примеры топонимного функционирования указывают на то, что в прошлом заимствованный прибалтийско-финский термин кара (коровина) бытовал и в говоре Толвуи. Вместе с тем в названии того самого мыса *Карнаволок*, в основании которо-

го стоит старинное село Толвуя, и омывающего его залива *Карнаволох* топооснова закрепилась еще в прибалтийско-финский период истории Заонежья. На это указывает сложная структура топонимов, возникших путем калькирования прибалтийско-финских оригиналов. Обращаем на это обстоятельство внимание специально, поскольку в противном случае может возникнуть предположение о том, что слово кара могло быть принесено с собой русскими переселенцами, например, со Свири, где оно хорошо известно. Присутствие топоосновы в названии значимых с точки зрения исторического прошлого и заселения объектов говорит о том, что она традиционна для толвуйской округи. И это заставляет тем более внимательно отнестись к этноязыковой трактовке того примечательного ареала, который образует топооснова в Заонежье. Какие обстоятельства сформировали данный локальный ареал, не выходящий в Заонежье за пределы толвуйской округи?

Во-первых, поскольку сама оригинальная прибалтийско-финская лексема в виде *кага* или *каг* бытует в вепских говорах и неизвестна карельским (из людиковских говоров она известна только михайловскому, в котором является вепским наследием), в топооснове заманчиво видеть отчетливый вепский след в северо-западном Заонежье. Другое дело, почему он сохранился именно здесь? Поиски ответа на вопрос выводят за пределы собственно Заонежского полуострова, на противоположный берег Заонежского залива, где в русских повенецких говорах для обозначения речного или озерного залива до сих пор бытует заимствованный ландшафтный термин кара. И толвуйский, и повенецкий берег лежат на древнем пути в Беломорье из вепского Присвирья и южного Обо-нежья, так что вепский рудимент в языке может быть знаком былого вепского присутствия на этом транзитном пути. Если при этом принять во внимание, что топооснова *кар-* довольно убедительно представлена в топонимии Пудожского берега Онежского озера, то не исключено, что именно оттуда она проникла и в окрестности Толвуи и отражает, таким образом, локальные ареальные связи северо-восточного Заонежья с восточным побережьем Онежского озера.

Кив-: ск., ливв., люд., вепс. *kivi* ‘камень’. Малая продуктивность основы в топонимии Заонежья вызвана ее калькированием в ходе русской адаптации.

Кив/ручей (Фойм), *Кибручей* (Выр), *Кивсельга* урочище (Велик), *Кибручей* (Типин). В наименовании деревни *Кибитка* (Типин) закрепился, по всей видимости, прибалтийско-финский оригинал в виде *Kivikko из *kivikko* ‘каменистое место’. Для русских говоров Заонежья характерно усвоение приб.-фин. геминаты -kk- как тк-.

Корб-: ск. *korpi*, *korbi*, ливв. *korbi*, люд. *korbi*, *korb* ‘глухой лес, обычно еловый, растущий на низком сыром месте’, вепс. *korb* ‘глухой лес, сырая низина’. Слово заимствовано в русские говоры Карелии и, судя по старым диалектным записям, бытовало на территории русского Заонежья: корба ‘глухой еловый лес с валежником, обычно на низком сыром месте’. В топонимии закрепилось и как прибалтийско-финское наследие, например, в сложных по структуре названиях, и в качестве усвоенной в русские говоры лексемы – прежде всего в тех случаях, когда топоним выражен географическим термином в самостоятельном употреблении:

Корба урочище (Толв), *Корба* поле (Дериг), *Корбозеро* (Кажем), *Корба* бывшая деревня (Киж), *Корбинская нива* поляна (Типин), *Корбозеро* (Яндом), *Вардо/корба* урочище (Велик).

Котк-: ск. *kuotkuo*, *kuotkut*, *kuotkuva* ‘узкий перешеек’. Слово заимствовано из саамского, ср. саам. *guotko* ‘перешеек’ [ПФГЛК].

Коткостров – остров в Виговской губе, разделенный глубоким заливом на две части (Велик), *Котков мост* проложен в месте, где проходит узкий перешеек между болотами Новочисть и Плавники (Вигово Велик). В свою очередь, *Коткиламбы* (Вигово Велик) – два небольших озера в топком болоте, состоящем из двух частей, соединяющиеся между собой узким болотистым перешейком.

Не исключено, что основа скрывается за русским топонимом мыс *Орловец* на северной оконечности острова Еглов (Киж). На возможность такого генезиса указывает ландшафтная характеристика мыса, который разделен перешейком на две части. Это дает основание для реконструкции карельского ландшафтного термина,

который позднее мог быть переосмыслен и сближен с карел. *kotka*, *kotku* ‘орел’, а впоследствии переведен на русский.

Подобная интерпретация возможна и для других топонимов Заонежья с основой орел.

Кук-: прибалтийско-финская основа *kukku* воплотилась в целом ряде производных, ср. фин. *kukkula*, *kukkura* ‘вершина (горы)’, карел. *kukkula*, *kukkura*, *kukkuri* ‘крутая гора; холм; вершина горы или сопки’, вепс. *kukkaz* ‘холм, горка’ [ПФГЛК]. Топонимное функционирование показывает, что основа в виде *kuk-* была продуктивна в вепском ареале [Муллонен 1994: 67], что дает основание видеть вепские истоки у названия *Кукая гора* в центре Вегоруксы (Велик).

Кульпега: болото на острове Кижы под Нарьиной горой. С точки зрения ландшафтной характеристики уместно сопоставление с известным в восточных финских говорах ландшафтным термином *kułppa* ‘яма, лужа, небольшая ламбушка’ [SSA], хотя эта этимология не объясняет конечного -га в названии. Возможно, в данном случае произошло развитие по аналогии, и топоним вошел в ряд заимствованных из прибалтийско-финского источника слов (галога, аляга, варега, гормага, гудега, лудега, карега, кердега, кичуга, кортега и др.), за которыми далеко не всегда стоит прибалтийско-финский оригинал с конечным -eh или -eg. В их образовании значительная роль принадлежала аналогии [Доля, Суханова 1975].

Однако ландшафтная характеристика позволяет предполагать и другой возможный путь возникновения топонима, а именно: исходя из сложного по структуре оригинала **Kuľ'jurohja* ‘конец оврага’. На картах XIX века название относится к сельскохозяйственным полянам, расположенным у восточной оконечности узкой низины, которая, судя по ландшафтной характеристике, вполне может быть охарактеризована карельским термином *kuľ'ju*. В результате происшедшего на стыке структурных элементов топонима фонетического опрощения, сопровождавшегося палатализацией /п/ во втором элементе, вызванного, видимо,

мягкостью предшествующего согласного, родился современный облик названия.

Кумб-: ск. *kumru, kumbu* ‘холм, пригорок; возвышенное сухое место на болоте’ [ПФГЛК]. В топонимии Заонежья топооснова является дифференцирующим карельским элементом.

Кумбовинья покос (Сенн), *Кумбыша* поле «на сопочке» (Выр), *Кумбово поле* (Кажем), *Кумбушка* поляна (Паян), окруженная болотом возвышенность *Кумбыши* (Вигово Велик).

Ладв-: ск. *latva, ladva*, люд. *ladv, ladve*, вепс. *ladv* ‘верховье, исток реки, ручья’. При этом в людиковских говорах в данной позиции возможен переход *v* в *m*.

Ладмозеро (Кажем), *Ладгуба* и *Ладнаволок* (Конда Сенн).

Лакша: ск. *lakši* (с основой *lahte-*) ‘залив’. В Заонежье является этнодифференцирующей собственно-карельской топоосновой (ср. вепс. *laht*, ливв. *lahti*, люд. *lahti, laht* ‘залив’).

Путкалакша залив в Заонежском заливе, *Кида/лакша* залив в Путкозере (Паян), *Кида/лакша* залив в Заонежском заливе (Кузар), *Лактопога* (< *Lahdenrohja ‘конец залива’) поле в северном конце оз. Хашезеро, *Кудлакша* залив Святухи (Кажем), *Муда/лакша* залив у Вегоруксы (Велик), *Ват/лекша* залив в с. Гарницы (Сенн), *Вой/лакша* залив (Велик).

Лехт-: ск. *lehto* ‘лиственный лес, роща’ [KKS].

Лехостров (Толв), *Лехостров* (Дериг). Выпадение конечного согласного основы могло произойти как в прибалтийско-финское время на стыке двух элементов сложного топонима **Leht/saari* (-*saari* ‘остров’), так и из русской полукальки (*Лехостров > *Лехостров*) вследствие диссимилиации с *m* основного элемента названия. Реконструкция данной основы возможна в названии острова *Лехкостров* (Униц), где также произошла диссимилиация.

Лит-: ск. *liete*, люд. *liete, lieteh*, вепс. *lete* ‘песок; низкий песчаный берег’.

Литеренда (-ренда < *-ganda ‘берег’ по аналогии с переднерядной огласовкой предшествующих слогов) берег Путкозера (Паян), *Литеги* поле (Дериг), *У Литяга* поле (Сенн), *Летелакса* урочище (с вариантом *Пески*) (Велик).

Ловги: ск., люд. louhi, louhikko ‘груда камней, каменистое место’.

Ловги – крутой скалистый обрыв в истоках одноименного ручья (Селецкая Карас).

Масельга: ск. moanselgä ‘горный хребет, служащий водоразделом водных систем’.

Масельгская Гора деревня (Толв) на водоразделе рек Царевка и Калейручей, *Масельга* деревня (Типин) на водоразделе рек Тамбицы и Падмы.

Мяг-: ск. mäki, mägi, люд., вепс. mägi ‘гора, холм, возвышенность’.

Мягостров самый высокий остров в гряде островов Заонежского залива, разделяющих толвуйский и челмужский берега (Кузар), *Мягозеро* (Фойм).

Нем-: ск. niemі ‘мыс, полуостров’, niemēs ‘мыс (особенно участок леса, вдающийся в болото)’, люд. niem, niemі, niemak, вепс. nem, nemak ‘мыс, полуостров’ [ПФГЛК]. Топонимное функционирование свойственно, кажется, преимущественно ск. niemēs, что может быть связано с тем, что в то время как для niemі, обозначававшего озерный или речной мыс, существовал русский диалектный эквивалент наволоок, для niemēs, имевшего специфику в семантике, корректного русского соответствия не было. Видимо, сказалась и звуковая специфика niemēs (с конечным -s).

Немеш или *Немежа* озеро на мысу, образуемом оз. Пигмозеро и Уницкой губой Онежского озера (Униц), *Немецкий бор* – лес на мысу, образуемом оз. Чиркозеро и Чирболотом (Карас), *Немекса* – лесистый относительно сухой полуостров, вдающийся в обширное

болото Римбозерский Мох (Великон)¹, *Немецкий мыс* и *Немецкая губа* (Леликово Сenni).

Орга: ск. *orgo*, *orgo* ‘ложбина; глухой ельник на низком сыром месте’, люд. *org* ‘низкое сырое место, поросшее лесом’, вепс. *org* ‘дремучий лес, чащоба; овраг, низина’. Слово усвоено в русские говоры Карелии, в том числе известно в Заонежье: орга 1. Глухой непроходимый участок леса, чащоба; 2. Густой ельник, еловая чаща; 3. Поросшая лесом низина; 4. Поросшая травой низина, используемая для покоса [СРГК]. В топонимии Заонежья встречается как в самостоятельном употреблении (в этом случае предпочтительнее предполагать русские истоки географического названия), так и в составе сложных по структуре топонимов, имеющих прибалтийско-финское происхождение. Топонимия подтверждает наблюдение этнографов о том, что в оргах часто размещались сенокосные участки [Логинов 1993: 16].

Ген/орга урочище (Фойм), *Орга* поле (Фойм), *Орги* покос (Паян), *Габ/орги* покос (Паян), *Пад/орги* поле (Паян), *Габ/орги* поляна (Дериг), *Орожки* покос (Кажем), *Орга* узкая и длинная низина под полями дер. Мунозеро (Карас), *Орга* покос в болотистой низине (Кондобережская Велик), *Орги* покос (Сenni), *Горелая орга* лес (Яндом). Основа -орга скрывается и в названии урочища *Сюдьярга* на Климецком острове, в основе которого восстанавливается прибалтийско-финский оригинал *Süväorga ‘глубокая орга’. Появление *д* в атрибутивном элементе вызвано фонетическими особенностями заонежских говоров.

Палтега: ск. *palte*, *palteh* ‘склон горы, сопки’, люд. *palte* ‘склон, косогор’, вепс. *raute*, *raude*, *roude* ‘склон, косогор; края поля, межа’ [ПФГЛК].

Балтега или *Балтига* поляна на склоне, спускающемся к реке Калей (Никитинская Выр), *Палтега* деревня (Великон) на крутом берегу р. Путкозерки.

¹ Топоним *Немецка*, упомянутый в описании границ Шунгского погоста, не дожил до наших дней, ландшафтные особенности называвшегося им объекта устанавливаются в результате наложения описания на карту.

-пога: ск. pohja, pohd'a, люд. pohj, pohje, pohju, pohd', pohde, pohdu, вепс. pohj, pohd', pohg' 'дно; конец залива; отдаленная местность' [ПФГЛК].

Лахтопога (< *Lahdenpohja 'конец залива') поле в северном конце оз. Хашезеро (Кажем), *Черные Сáпоги* покос на берегу небольшой ламбы, расположенной на краю болота, что дает основания предполагать приб.-фин. оригинал *Suorohja 'конец, край болота', *Умпога* (Косм) – залив Уницкой губы, приб.-фин. источник *Umpirohja > *Umprohja > *Umprohja 'замкнутый конец залива'. Топоним, видимо, нес информацию о том, что из этого значительного по размерам залива нет выхода в виде впадающей в залив реки, по которой возможно было продолжить путь по воде. В одном ряду с данными топонимами может быть и название болотистой низины *Кульпега* на острове Кижы (см. подробнее в статье Кульпега).

Пурд: люд., вепс. purde 'родник, ключ'. Исторический облик приб.-фин. термина *purdeg, что хорошо передают топонимы.

Пурдега поле, *Бурднаволок* покос (Кажем), *Пурдега* деревня на водоразделе между озерами Мунозеро и Мягрозеро, в которой источником воды служил родник (Кажем), *Пурдега* поляна (Косм), *Бурта* угодье (Яндом).

Ранд: ск. ranta, ganda, люд. gand, gande, вепс. rand 'берег'.

Куза/ранда село, *Лите/ренда* (< *Lieteranda 'песчаный берег') берег Путкозера (Паян), деревня *Рамполе* < *Randpuoli 'Бережная сторона' на берегу Вегорукской губы (Велик).

Рим: ск. räme, rieme, люд., вепс. rämiik, rämeğišt 'болото, поросшее чахлым лесом; бурелом'. Фонетический облик топоосновы в Заонежье указывает на ее собственно-карельские истоки. Анализ заонежской топонимии показывает, что приб.-фин. *ï* при русской адаптации передавалось через *я* ['а] или *е* (*Сяргозеро* или *Сергозеро*), но не через *и*. В то же время приб.-фин. сочетание *ie* последовательно преобразовывалось в русское *и* (*Литеги*, *Пиньनावолок*). Очевидно, в ряду последних примеров стоят и заонежские топонимы:

Отримошье поле, расположенное по дороге от болота (*Риммох) к деревне (Фойм), *Рим* – деревня на краю обширного болота Залебежский Мох (Выр). Фонетический облик топоосновы дифференцирует ее как собственно-карельскую.

Римб-: ск. *gimbi* ‘большое открытое болото’, *gimmi* ‘болото, трясина’ [ФГЛК].

Название расположенного в окрестностях Яндомозера лесного озера *Лимбозеро* кажется достаточно загадочным, если не знать, что существовал параллельный вариант названия *Рымбозеро*, отразившийся, в частности, в документах XVI века [Витов 1962: 175]. Сосуществование вариантов *Лимбозеро* и *Рымбозеро* (из *Римбозеро) связано с известным фонетическим явлением мены *р* – *л* в русских говорах Заонежья. Помимо *Лимбозера* она отразилась в таких топонимах окрестностей Яндомозера, как река *Нулица* ~ *Нурица* или урочище *Лигачевица* ~ *Ригачевица*. Ее следы отмечены и в лексике, в частности, в областном слове *ольга*, зафиксированном П. Рыбниковым, а затем попавшем в словари В. И. Даля и Г. Куликовского. В действительности, как показал убедительный анализ С. А. Мызникова, речь идет о фонетическом варианте известного севернорусского диалектного слова *орга*, служащего для обозначения густого елового леса, поросшей лесом болотистой низины. Возвращаясь к *Рымбозеру*, следует признать в его основе карельский ландшафтный термин *gimri*, *gimbi* ‘открытое безлесное болото, трясина’. Такая интерпретация подтверждается и ландшафтной характеристикой: озеро действительно окружено непроходимыми болотами.

Рокса: Топонимом *Рокса* названы сельскохозяйственные угодья, по крайней мере, в четырех деревнях южного Заонежья: Типиница, Великая Губа, Усть-Яндома и Сенная Губа. Для топонима существует саамская этимология, предложенная еще в 1948 году Тойво Итконеном, который связывал некоторые топонимы на территории северной Финляндии с саам. *ruokse*, *ruoksa* ‘мох’ [Itkonen 1948]. Эта этимология повторяется затем неоднократно в исследованиях по топонимии Карелии.

Однако она не согласуется с ландшафтной и хозяйственной характеристикой тех мест, которые названы Роксами.

Речь идет о сельхозугодьях, расположенных на некотором отдалении от поселения, в лесу. В ландшафтном отношении это возвышенности, окруженные более низкими местами, иногда и заболоченными низинами. К возвышенности и ее склонам привязаны пахотные поляны. Такая характеристика позволяет полагать, что Роксы первоначально были местами подсек – лесных участков, которые разделявались под пахотные поляны.

С позиций ландшафтной характеристики идея «мха», таким образом, кажется несколько сомнительной. Эти сомнения увеличиваются, если учитывать еще одно обстоятельство: частотность основы, образующей четкий ареал в южном Заонежье. Субстратные саамские основы таких четких локальных ареалов, как правило, не образуют. Саамские топонимы – это обычно единичные вкрапления, остатки, рудименты разрушившихся ареалов.

По структуре *Рокса* – простой топоним, не осложненный основным элементом. В прибалтийско-финской топонимии основной структурный тип – это, как известно, сложные названия, а в качестве простых выступают обычно географические термины. Словари карельского и вепсского языка не знают такого термина. Однако он известен в северо-западном Приладожье, в тамошних восточных финских говорах: *göksä* ‘бурелом’, *göksä* ‘буреломное, довольно высокое труднопроходимое место’, *göksä* ‘узкая низина между возвышенностями’ [SMS]. Видимо, семантика разошлась по говорам (возвышенность – низина). Можно предполагать, что первоначально речь могла идти о местности, где чередуются более высокие места с более низкими, заросшие кустарником, буреломные. В принципе эта характеристика не противоречит географической характеристике заонежских мест под названием Рокса.

Северо-западное Приладожье и Заонежье – это крайние западный и восточный конец единого ареала, при этом цепочка топонимов *Рокса* пересекает Олонецкий перешеек по течению реки Шуи, по которой, очевидно, модель и распространилась на восток (рис. 3). Надо полагать, что в прошлом слово бытовало в карельских

говорах (на что указывает присутствие его в финских говорах северо-западного Приладожья, бывшего вплоть до XVII века карельской в языковом плане территорией).

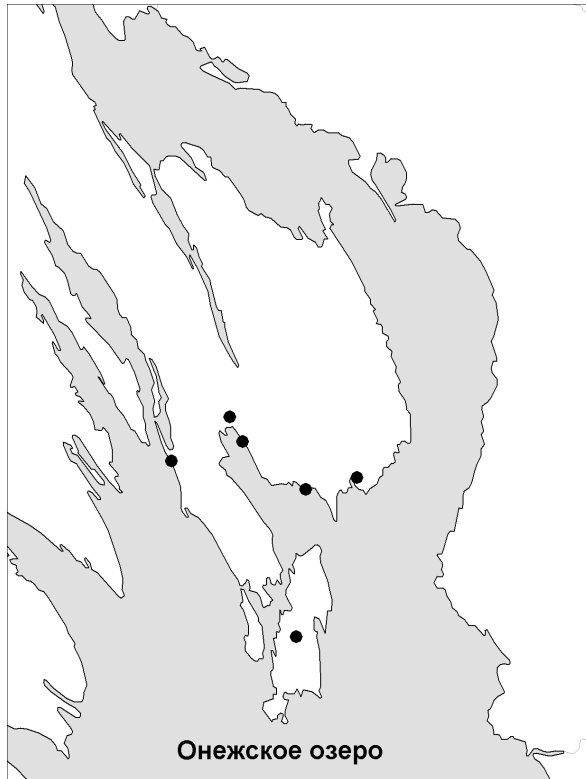

Рис. 3. Топоним *Рокса* в Заонежье

Что касается переднерядного и заднерядного вариантов *rokса* ~ *röksä*, то здесь нет противоречия с общими закономерностями варьирования гласных с умляутиками и без них в говорах северо-западного Приладожья: *rötkö* ~ *rotko*, *nölä* ~ *nolo*, *rösöinen* ~ *rosainen*, *rumä* ~ *ruma*, *rytty* ~ *ruttu*.

Кроме того, в процессе русской адаптации (а именно таковая имела место в Заонежье) также происходило изменение качества передне-рядных гласных: *gusä* в топонимии Заонежья нередко выступает как *ружа* (*Ружостров*, *Ружматка*). В топонимии людиковского села *Kuujärvi* (Михайловское) карельские *Röksä*, *Röksänd'ogi* и *Röksändärvi*, которые на русской карте переданы как река *Рокса* и озеро *Рокса*.

Рязь-: судя по фонетическому оформлению топоосновы, она ближе всего к реконструированной по данным вепсской топонимии утраченной вепсской лексеме *gäbez, *gäbeh* [Муллонен 1994]. Ее семантика восстанавливается по данным смежных русских говоров, в которых бытует *рябега* ‘сырая болотистая низина в лесу’, а также родственных прибалтийско-финских языков, ср. ливв. *gäbe(j)ikkö* ‘редколесье с чахлыми деревьями; молодой частый лес’, фин. *gäreikkö* ‘кустарник, молодая поросль’, *gääriö* ‘непроходимое место, топь’ [ПФГЛК].

Ребязник болотистый сенокос (Яндом), *Ребеже* болото (Велик).

Рядег-: ск. *räty*, *räädä*, вепс. *gäde* ‘молодой густой ельник’. При этом термин был воспринят русскими говорами и в Заонежье известен не только с семантикой ‘частое (обычно еловое) мелколесье’, но и ‘топь, трясина’ [Мызников 2003б: 281].

Зарядежье покос (Кузар), *Рядемох* болото (Типин). В названиях отразился исторический облик лексемы *rädeg.

Сал-: ск. *salö* ‘большой дремучий лес, чащоба’. Семантика ‘остров’ зафиксирована лишь в финских диалектах Саво и Хяме. В связи с этим встает вопрос об истоках топоосновы: было ли значение ‘остров’ присуще карельской лексеме *salö* в прошлом (на эту мысль наводят названия некоторых островов с элементом *salö-*, известные в собственно-карельском и ливвиковском ареалах) или здесь наблюдается некое саволакское наследие, которое проникло в собственно-карельский ареал, а затем с собственно-карельским продвижением достигло Заонежья.

Салоостров остров и рядом *Салосалмский пролив*, *Сальная луда* (Толв).

Сара: ск. *šoara, suara*, люд. *suar, šoare*, вепс. *sar, sara* ‘развилка, разветвление (например, дороги, реки, ручья)’ [ПФГЛК]. В топонимии Заонежья часто представлен в наименованиях ручьев, воспринимаемых как ответвление более крупной реки, или урочищ, расположенных при слиянии рек и ручьев.

Сарусье < *Сарустье поляна в устье ручья (Кузар), *Сарекса* поляна (Паян), *Саража* ~ *Саранжа* болото, ручей (Толв), *Шары* урочище при слиянии двух лесных ручьев (Толв), *Сароручей* в Пигмозере, который образуется в результате слияния двух ручьев (Кажем), *Саранжа* река (Типин).

В двух топонимах приведенного списка основа сара- оформлена формантом -нжа, который восходит, скорее всего, к вепс. -нž-. Последний представляет собой фонетический вариант суффикса -nd-, восходящего к прибалтийско-фин. -nto [Муллерен 2002]. Суффикс -nto в прибалтийско-финской традиции широко используется для образования ландшафтных терминов. В финских говорах с его помощью образованы такие географические термины, как *kamento, katvento, tyventö, kesanto, ojanto, saarento, suvanto* [Накулинен 1968: 142–143].

В этом ряду заманчиво рассматривать и начальную историю топонима *Саранжа* < *Sarand (< *Saranto). Соответствующий термин не зафиксирован ни в вепсском, ни в других прибалтийско-финских языках, однако на мысль о терминологических истоках топонима наводит неоднократное использование ее в топонимии вепсской и смежной с ней обрусевшей территории: ручей *Саренда* в Прионежье, болото *Саранда* в северном Присвирье, ручей и болото *Саранжа* в юго-западном Присвирье, озеро *Salinžjärv* из *Sarenžjärv (свойственная прибалтийско-финской фонетике диссимиляция *r – l*) в вепсском Шимозерье, река *Саранжа* в бассейне Паши и др. При этом топонимная основа последовательно используется применительно к объектам с идентичной ландшафтной характеристикой: развилка, рассоха, боковое ответвление озера или реки [Муллерен 2002], что также подтверждает ее терминологическую природу. Река Саранжа является притоком реки Царевки (Толв), при этом в месте

впадения находится сенокосное урочище под названием *Саранжа*. Другая река под названием *Саранжа*, известная также как река Рудница, впадает в Тамбицу (Типин), а место впадения маркировано названием *Шары*. Последнее надо, видимо, рассматривать как карельский вариант вепсской топоосновы.

В качестве этимона предлагается реконструированная вепсская лексема *sarand ‘развилина, разветвление’, укладываемая в ряд прочих вепсских (прибалтийско-финских) слов с суффиксом -nd (приб.-фин. -nto), имеющим семантику ‘подобный тому, что выражено производящей основой’ – в нашем случае вепсской лексемой sara, sar. Кажется, именно это демонстрирует варьирование основ сар- и саранд-, проявляющееся в ряде случаев. Озеро Салинжозеро < *Sarend/järv названо в писцовых книгах *Сар-озером*, ручей Саранья имеет в качестве варианта *Сара* и *Саруй*, а заонежская *Саранжа* соотносится с *Шары*.

В заключение еще несколько слов о названии толвуйской реки *Царевка*. Судя по форме, оно восходит к наименованию располагавшихся в верховьях реки селений Большое и Малое Царево. Последние же тяготеют к болоту и угодию Саранжа, что дает основание предполагать, что в *Царево* отразилось русское народноэтимологическое переосмысление прибалтийско-финского sara. Последнее произошло также, видимо, в названии покоса Царево (Вигово Велик), который располагается в обширной очищенной и осушенной болотистой низине.

Сарь-: ск. soari, suari, šoari, šuari, люд. suar(i), вепс. sař ‘остров’ [ПФГЛК].

Сарьостров с вариантом *Царьостров* (Обозеро Сенн).

Сельг-: ск. selkä ‘открытое пространство озера’.

Сельгостров (Дериг), *Сельгостров* последний, считая от дер. Вигово, на значительном удалении от берега остров (Велик).

Сюрьга: в карельской и вепсской топонимии основа неоднократно употребляется в качестве наименования гор, возвышенностей [Муллонен 1994: 62–63], что в контексте бытования термина

sygjä ‘возвышенность, гора, гряда’ в финских говорах, sügju ‘возвышенность (на болоте)’ в водском, süti ‘гряда (на болоте)’ в эстонских диалектах [SKES] позволяет реконструировать соответствующую ландшафтную лексему и в вепском и карельском. Очевидно, А. Генезу удалось зафиксировать ее в виде žуге ‘высокая гряда холмов’ в тунгудском говоре собственно-карельского диалекта [KKS].

Сюръга гора (Падмозеро Паян).

Тайбола: ск. taibal ‘путь, расстояние, переход (например, из деревни в другую по глухой лесистой местности)’ [KKS].

Тайбола лесное урочище и покосы в нем на Клименецком острове (Сенн), *Тайбола* – лесное урочище между северным концом залива Онежского озера Великая губа и южным концом озера Космозеро.

Ур-: ск. uga, ugo ‘овраг; русло реки; тропа’, люд. uga ‘овраг’, вепс. ugi ‘борозда; нора’ [ПФГЛК].

Урания луда, расположенная у края глубокой ямы на дне Онежского озера (Кузар), узкое длинное болото *Урома* (Фойм), место *Уромы* в устье ручья, впадающего между двумя высокими сельгами в Великую губу (Велик). Выступающий в двух последних топонимах конечный элемент -ма является, по всей видимости, прибалтийско-финским суффиксом, активно образующим производные от ландшафтных терминов, ср. в финских говорах kaljama ‘скользкое место’ от kalja в том же значении, lahtema и lahti ‘залив’, pengermä и perger ‘уступ, край, берег’ [Halukinen 1968: 111].

Чарка: ск. čärkkä, särkkä, šärkkä, люд. särkkä, šärkkä ‘гора, кряж; крутой берег’ [ПФГЛК].

Чальканаволок мыс с крутыми берегами на северной оконечности Клименецкого острова и ручей *Чалька* там же (Кургеницы Киж). В топониме проявляется характерная для Заонежья взаимозаменяемость *p~л*.

Чужм-: основа представлена в названии обширного озера *Чужмозеро* и вытекающей из нее реки *Чужмукса*, расположенных в

отдаленной от поселений лесистой местности в центральном Заонежье. Такое географическое расположение дает основания для реконструкции в названии приб.-фин. *sysmä* ‘отдаленная глухая лесистая местность’. Слово, судя по данным словарей, утрачено современными прибалтийско-финскими языками, хотя оно регулярно приводилось в ранних словарях финского языка (Ганандер, Ренвалл, Леннрот). В словаре Леннрота есть также производное *sysmäläinen* ‘живущий в глухой несельскохозяйственной местности, удаленной от побережий’ [Lönnrot]. Этимологически финское слово связано, возможно, с марийским *tsəsmək*, *tsəsməʃ* ‘лесная чаща’ [Wichmann]. Добавим, что по мнению Я. Калима именно приб.-фин. *sysmä* лежит в основе русского сузем, суземок [Kalima 1919: 221–222], что предполагает былое существование слова и в восточных прибалтийско-финских языках.

Э. Кивиниеми приводит *sysmä* в списке ландшафтных лексем, функционирующих в топонимии Финляндии [Kiviniemi 1990: 72], а один из наиболее известных топонимов с этой основой – название волости *Sysmä* в центральном Саво. При этом в исторических документах оно отразилось как *Sysmis* [Juvelius 1925: 6]. Этот вариант в принципе соотносится с заонежской *Чужмуксой*, в основе которой также восстанавливается конечный **-с** (**Šüz̄müs*).

Начальный **ч-** в заонежском топониме мог возникнуть, к примеру, на собственно-карельской почве, ибо в собственно-карельских говорах возможен переход *s* > *š* (*särkkä* ~ *čärkkä*) в позиции перед гласным переднего ряда.

К сожалению, отсутствие полноценного ареала для топоосновы делает этимологию не вполне надежной.

Чур-: ск. *čiuigi*, люд. *čiuig*, *čiuigi*, вепс. *čigu*, *čig* ‘крупный песок; гравий’. Слово было воспринято и получило широкое бытование в русских говорах Заонежья в виде *чура*.

Чургуба залив в Святухе (Кажем), *Чургуба* залив (Паян), *Чургора* (Толв), *Чургора* гора (Кузар), *Чурное поле* (Фойм), *Чура* поле (Дериг), *Чура* поле (Яндом), *Чуроватица* поле (Выр). Гора на Волкострове *Чургора* (Киж) известна также как *Песчаная гора*, что не оставляет сомнений в истинности интерпретации.

Юльм-: ск. *julmä, jylmäkkö* ‘крутая гора, обрыв’.

Юльма поляна (Кузар), *Юлмаки* покос (Толв), *Юльма* покос (Сенн), *Юлмаки* деревня (Карас). Все названные топонимы привязаны к высоким местам, горам.

Яр-: *Ярнаволок* мыс (Погост Яндом), *Ярпукса* залив в северном конце Великой Губы (Велик). В последнем названии, сложном по структуре, второй элемент -пукса имеет не вполне понятный генезис, хотя не исключено, что более ранний фонетический облик его *-пухта (или *-похта), т. е. сочетание согласных -кс- восходит к первоначальному -ht- (ср. фонетическую историю термина лукша или лукса). В этом случае допустимо сопоставление с вепс. ландшафтным термином *roh* ‘небольшой залив озера или реки’, имеющим параллели на Русском Севере: пухта арх. ‘залив озера’, похта белоз. ‘заболоченный берег реки или озера; болото, поросшее мелким лесом’ [ПФГЛК]. Предложенная интерпретация не вступает в противоречие с ландшафтной характеристикой места под названием Ярпукса. Не исключено, что *пукса < *пухта отражает одну из закономерностей фонетической интеграции вепсских оригиналов в карельскую систему названий.

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ

Русские топоосновы

Бабий: в микропонимии основа выступает как маркер близкого к деревне расположения географического объекта [Березович 2000: 95]. Основа баба помечает нередко границы «женского» мира, т. е. той территории в окрестностях поселения, на которую распространялась хозяйственно-экономическая деятельность женской части населения.

Бабья Гора покос (Кузар), *Бабья губа* залив (Фойм), *Бабья гора* (Выр), *Бабье болото* (Паян), *Бабья река*, *Бабье болото* (Дериг), *Бабья губа* залив (Сенн), *Бабкинская пристань* у деревни Мунозеро (Карас), *Бабий наволок* мыс, первый от деревни Ключино в северном направлении (Яндом), *Бабкинский остров* на границе владений соседних деревень Быково и Калозеро (Косм), *Бабнаволок* мыс в 0,5 км на юг от деревни Вороний Остров (Типин), *Бабы Орги* лес у перекрестка дорог, идущих на север и восток от деревни, место, куда деревенские женщины ходили за ягодами (Поля Типин).

Братья: основа, привязанная, как правило, к нескольким расположенным рядом однородным объектам, «выражает признак их совместного расположения» [Березович 1998: 139].

Братья Фофаны (Микково Косм) – два соседних островка в озере Космозеро, *Братаны* луда (Кривоноговская Толв).

Восточный: используется, как правило, в наименованиях прилегающих к деревне с восточной стороны полей. Часто выступает в виде **сточный**, вызванном безударностью первого слога.

Восточное или *Сточное поле* (Кажем), *Сточное поле* (Белохино Толв), *Восточное* или *Сточное поле* (Есино Яндом; Шоглово, Терехово, Новинка Косм; Щелейки Великон), *Восточное поле* (Фойм), *Восточное поле* (Сенн), *Сточное поле* (Ведехино Карас).

Голова: лексическая модель голова используется в топонимии для маркировки первого, ближнего к деревне сельскохозяйственного участка. Тот же принцип работает в названиях луд и островов.

Головка луда на оз. Путкозеро (Селезнево Дериг), *Собачьи Головы* покос (Коровниково Паян), *Вересовая Голова* покос (Фойм), *Бабья Голова* покос (Кузар).

Задний: маркирует задние по отношению к населенному пункту объекты.

Задний Город поле (Дериг), *Заднее поле* (Падмозеро Паян), *Задний ручей* (Щелья Кузар).

Западный: обычна в наименовании прилегающих к деревне с западной стороны полей. При этом отмечаются фреквентативность модели в некоторых волостях, например, Великонивской, где *Западное поле* было известно практически во всех входивших в состав волости деревень.

Другие примеры: *Западница* поле (Вигово Велик), *Западное поле* (Саньки Яндом), *Западное поле* (Типиницы Типин).

Конец: основа маркирует крайнее, конечное расположение объекта названия, при этом имеется в виду наиболее удаленный от места, являющегося точкой отсчета (поселение, дорога и др.), край:

Конец Ободья, *Конецулица*, *Конецзубье* – сельскохозяйственные поляны (Саньки Яндом), *Конец Улицы* поле (Цилополе Дериг), *Конецщелье* покос (Буйносово Кажем), *Кончезерье* берег оз. Падмозеро (Паян), *Кончеборье* лес (Толв), *Кончезерье* поляна (Толв).

Кошачий: образ кошки используется в топонимии как символ близкого к деревне расположения объекта [Березович 1998: 78–79].

Это подтверждают заонежские топонимы *Кошечий Городок* гора (Воронинцы Толв), *Кошачья губа* залив (Погост Кузар) – названия прилегающих к поселениям географических объектов.

Край: *Краемошек* покос, *Крайняя поляна*, *Крайборы* лес (Пад-озеро Паян), *Закрайны* поле (Гарницы Сенн).

Курица: образ курицы, как и кошки, является в топонимии маркером близости объекта к дому [Березович 2000: 95–96]. Это наблюдение, сделанное на основе анализа севернорусской топонимии, подтверждают и заонежские названия:

Куричий остров в Загубской губе (Толв) – первый от деревни Загубье остров, *Курицын остров* напротив дер. Великая Губа (Велик). Видимо, в этом же ряду следует рассматривать о. *Цыплятник* (Вегорукса Велик).

Летний: стандартная функция основы – маркировка расположенных к югу от деревни полей. Используется в этой роли в Заонежье повсеместно, хотя обладает большей продуктивностью в северном Заонежье, а на Климецком острове в южном Заонежье практически неизвестна.

В Типиницком сельсовете поля под названием *Летнее поле* известны практически в каждой входившей в состав сельсовета деревне (Кибитка, Поля, Холмы, Кoryтово, Масельга, Зародницы, Каскосельга, Педасельга, Линдома, Тамбица).

Нутро: дифференцирующая для Заонежья топооснова, используемая для маркировки участков местности, располагающихся в окружении либо других однотипных участков, либо объектов другого класса.

Нутро окруженная полями сенокосная поляна (Кондобережская Велик), *Нутро* поле в окружении урочищ Великая Лядина, Замошье, Гавनावолок (Сибово Велик), *Нутро* поле в лесу (Вороний Остров Типин), *Нутренник* окруженный полями покос (Репный Посад Велик), *Нутренница* поляна между двумя болотами (Вигово Велик), *Нутренний бор* лесной участок между двумя сельскохозяйственными угодьями (Великая Губа), *Нутренники* покос

(Коровниково Паян), *Нутренницы* поляна (Толв), *Нутрище* покос (Кузар), *Нутро* покос (Сенн).

Подол: зафиксированное в СРГК как медвежьегорское (т. е. заонежское) подол ‘пригорок’ не в полную меру подтверждается топонимическими фиксациями. Объекты, в наименованиях которых представлен данный термин, отражают, скорее, семантику ‘подгорье, угорье, подошва горы, равнина под горами’ [Даль], ‘равнина, низкое место под горой’ [СРНГ].

Подол поле на спускающемся к озеру склоне (Сигово Кажем), дер. «на *Подоле*» [ПКОП, с. 8] в Шуньге, *Подольнице* поле на склоне Плоской сельги (Вороний Остров Типин).

Северный: типовая основа для названия полей, примыкающих к деревне с северной стороны. При этом выступает, как правило, в паре с основой Летний.

Сестры: основа символизирует смежное, соседнее расположение объектов [Березович 1998: 139], выступая семантическим эквивалентом основы **брат**.

Сестренки – две луды в 1 км на юго-запад от Усть-Реки (Велик).

Средний: основа обычна в названиях сельскохозяйственных угодий, занимающих срединное положение между другими угодьями.

Среднее поле (Дериг), *Среднее поле* (Мягрозеро Кажем), *Средняя поляна* (Падмозеро Паян), *Среднее поле* (Букольниково Сенн), *Среднее поле* между соседними деревнями Кибитка и Потахино (Типин), *Среднее поле* (Крохино Великон) между Северным и Летним полем, *Середки* лесное урочище между деревнями Ведехино и Чиркозеро (Карас), *Средняя Орга* (Шоглово Косм) – узкий длинный сенокос между урочищами Мадосельга и Большой Мох, *Средняя Ляга* (Обельщина Яндом) – покос между смежными озерами Корбозеро и Калозеро.

Угол: на границах заонежских волостей, отмеченных картами землевладения XIX века, хранящихся в ЦГИА, неоднократно встречаются топонимы, в состав которых входит лексема *угол*: *Угольская нива*

расположена на северной границе Типиницкой волости, *Каменный Угол* отделяет Тамбицкую волость от Кузарандской, *Кирилкин Угол* маркирует северную границу Ламбасручейских земель, причем рядом с ним располагается урочище под названием *Межевой Колодец*, урочище *Угол* примыкает к границе Космозерской волости. Материалы нашей картотеки, которые собирались с применением топографических карт и поэтому хорошо картографированы, выявляют еще целый ряд пограничных топонимов, не отразившихся на архивных картах XIX века. Среди них поляна *Угол* на границах Яндомозерской волости, располагается в углу, образуемом межей с землями Великогубской волости; *Угольный бор* на южной границе Великогубской волости и некоторые другие. Впрочем, данная модель маркирует не только волостные границы. Известен ряд примеров, в которых она привязана к крайним, последним сельскохозяйственным полянам, окружающим непосредственно саму деревню. Таковы поляны с названием *Угол* в деревнях Типиницы, Обельщина, *Углеватка* в дер. Кондобережская и др. В них, как и в топонимах, маркирующих волостные границы, наряду с семантикой ‘выступ, залом’ реализуется значение ‘конец, край, граница’.

В связи с «угловыми» топонимами интерес представляет один сюжет, связанный с истоками гидронима *Ковкозеро*. Озеро Ковкозеро расположено на перешейке между двумя узкими длинными озерами центрального Заонежья – Святухой и Космозером. Топоним в принципе может быть возведен к прибалтийско-финскому слову *koukku* ‘крюк’, однако ландшафтные реалии противоречат этой интерпретации. Зато другая возможная этимология, связывающая название с прибалтийско-фин. *kolikka* ‘угол’, хорошо подтверждается внелингвистическими фактами. Через северную оконечность озера проходила традиционная граница Кижского погоста [Витов 1962: 176], и озеро в этом контексте было угловым, крайним, пограничным. Очевидно, граница, помеченная озером Ковкозеро, сложилась еще в период дорусской истории Заонежья, в рамках прибалтийско-финских территориальных подразделений². Любо-

---

² Древность этой границы подтверждается, кажется, и другими топонимическими фактами Заонежья. См., в частности, сюжет о «святых» гидронимах в данной работе.

пытно, что на северном побережье озера, т. е. непосредственно в районе границы, в XIX веке располагалось угодье *Угол*. Название его могло возникнуть и самостоятельно, однако нельзя исключать воздействия оригинальной прибалтийско-финской модели, закрепившейся в смежном гидрониме *Ковкозеро*.

Хвост: модель используется для называния последнего, удаленного от поселения сельскохозяйственного угодья: в Сенногубской волости *Белый Хвост*, *Хвосты* поля (Гарницы), *Хвостовые поляны* (Сенная Губа). В соседней Кижской волости встретился топоним *Еглов Хвост* – название небольшого островка, примыкающего к острову Еглов. Очевидно, в данном случае точкой отчета был более населенный центр волости. Еглов Хвост, примыкающий к острову Еглову с противоположной от центра волости стороны, воспринимался как последний, наиболее удаленный.

В использовании данной модели намечается явное ареальное предпочтение. Она используется исключительно на южной окраине Заонежья и неизвестна на остальной территории полуострова.

Южный: модель редка в Заонежье, явно уступая в продуктивности традиционному определению *Летний* для южных по отношению к деревне угодий. Впрочем, по мере продвижения из северного Заонежья в южное отмечается определенное нарастание популярности модели *Южный*, которая особенно многочисленна на южной окраине Заонежья – территории Сенногубской волости. Здесь практически отсутствуют *Летние* агронимы.

Ужный обод (Косельга), *Ужный обод* (Мигуры), *Южное поле* (Леликово), *Ужная губа* (Ерницкий Остров), *Южное поле* (Сенная Губа) и др., все в Сенногубской волости.

Кроме отмеченных, есть целый ряд топооснов с семантикой ‘относительное расположение’, закрепившихся в единичных топонимах. Среди них *Посторонница* поляна (Корба Толв), *Противница* поляна (Паяницы), *Нижние Орги*, *Нижний Обод*, *Нижний Терёб*, далее, топонимы, содержащие в основе числительные, служащие для отражения идеи ‘совместное расположение нескольких

объектов': *Тройницкие острова* группа небольших островков у восточного берега Уницкой губы (Красная Сельга Карас), *Три Березы* поле (Селецкая Карас), *Три Ивана* родник (Ведехино Карас), *Стоостровки* группа островов у Толвуи.

Как свидетельствуют топонимные примеры, русские топоосновы данной семантической группы характерны, прежде всего, для сельскохозяйственных полян, полей, покосов, т. е. микрообъектов, для которых центром привязки является поселение. Прибалтийско-финские топоосновы, в свою очередь, функционируют преимущественно в названиях объектов, привязанных к воде: заливы, наволоки, острова, что логично увязывается с их более старым возрастом.

Прибалтийско-финские топоосновы

Ал-: кар., вепс. *ala-* 'нижний', *alimaini*, *alimmaini* 'самый нижний'. Именно форма превосходной степени образовала топоним *Валемоны* – название сенокосного угодья в низовьях ручья, впадающего с севера в залив Уницкой губы Умпюга (Красная Сельга Карас). Вдоль русла ручья расположено несколько сенокосных урочищ (*Кортешница*, *Ивановщина*, *Дальние поляны*), из которых Валемоны являются самыми нижними, прилегающими к устью. Появление протетического *в* в позиции перед *а* отмечается и в других топонимах Заонежья с субстратными истоками, в том числе в названии урочища *Валесельга* на севере Климецкого острова (Киж). В основе реконструируется прибалтийско-фин. *Alaselgä 'нижняя сельга', а появление гласного переднего ряда во втором слоге (*Але-*), видимо, спровоцировано передним гласным следующего слога.

-вер-: кар. *vieri*, *vier*, вепс. *veř* 'бок, край, сторона' [SSA]. В прибалтийско-финской микротопонимии слово используется для обозначения объектов, располагающихся сбоку, на краю другого, более крупного или социально более значимого объекта. Такова же функция элемента *-вер-* в названии поля *Пóчеверьё* (Кузар), расположенного на склоне горы, полого спускающейся к болотистому покосу, носящему сейчас название Мокреди. Топоним восходит к прибалтийско-финскому оригиналу **Pod'ža/vieri*, т. е. место, расположенное

сбоку, на краю угодья под названием *Podž̃a. Последнее же – бывшее название покоса Мокреди, которое появилось на месте осушенного озера, располагавшегося в конце залива Люмбогуба. О топониме *Podž̃a см. подробнее в разделе «Саамское наследие в топонимии Заонежья».

Ил-: приб.-фин. основа ulä ‘верхний’.

Илайгуба и *Илайнаволок* (Клименицы Сenni). Оформленная суффиксом прилагательного -ine, основа зафиксирована, по крайней мере, в названиях двух «верхних» заливов: *Иленьгуба* (Униц) является верхней по отношению к Мелойгубе, в которую стекает через короткую протоку. В свою очередь, в названиях *Ильнейгуба* и *Ильнейнаволок* (Велик) в окрестностях дер. Пегрема основа отражает «верхнее», или конечное, расположение залива по отношению к обширному Уницкому заливу, на берегу которого стоит деревня.

Название *Илемгубы* (Униц) – одного из заливов Большого Онего на западной границе Заонежья – также связано с ее расположением: Илемгуба представляет собой северный, верхний конец Горской губы. Появление *м* на месте *н* в конце топоосновы может быть спровоцировано губным характером последующего звука, хотя в принципе нельзя исключать того, что в качестве топоосновы выступает в данном случае форма суперлатива прилагательного ulä, т. е. ulim(äine) ‘самый верхний’. Передача приб.-фин. *у* в русском Заонежье через *и* носит закономерный характер.

Кижкожей: остров в группе Бачуринских островов, расположенных между островом Рогачевым, на котором издавна была деревня, и материком (Киж), что и могло послужить основой для называния, ср. кар. keskeine ‘расположенный между’ с основой keskeiže-. Фиксация топонима относится к середине XIX века [РГИА, ф. 380, оп. 17, № 504] и отражает особенности местного произношения.

Кохт-: ск. kohta, ливв. kohta, kohtu, люд. koht, kohte, kohtu, вепс. koht ‘место (особенно расположенное напротив), противоположная сторона, противоположный берег’.

Кохтяжная поляна (Кузар).

Лап-: кар. *lare-* в составе слов со значением ‘крайний, боковой’, вепс. *lart-* ‘край, бок, сторона’, в финских говорах *lare* ‘край’ [SSA].

Лапостров (Усть-Яндома Яндом) – самый западный, последний, крайний остров в окрестностях деревни, *Лапилакша* (Вегорукса Велик) – залив у Гажьих островов, примыкающий сбоку к Гажьей губе, *Лапостров* (Еглово Киж). В данном контексте есть смысл пересмотреть этимологию некоторых других наименований островов с основой *лап-* (приб.-фин. *lar-*: *lappi-*), традиционно связываемый с этнонимом *lappi* ‘лопарь’.

Пер-: кар. *perä*, вепс. *rega* ‘задний, расположенный сзади’.

Перейнаволок мыс, вдающийся в Повенецкий залив Онежского озера (Дериг), *Перейки* покос за деревней (Загубье Толв), *Пергуба* залив, являющийся по отношению к селу Великая Губа задним, так как расположен за обширным мысом Широкий наволок (Велик), *Пырейгуба* – часть Виговской губы Онежского озера (Велик), очевидно воспринимавшаяся как задняя жителями бывшей деревни Рюга.

-поле: карел. *puoli*, вепс. *poļ* ‘край, бок, сторона’.

Слово выступает в роли второго элемента субстратных прибалтийско-финских ойконимов Заонежья и указывает на местоположение деревни относительно центра гнезда поселения.

Рамполе из *Рандполе (приб.-фин. *Randpuoli или *Randpoļ) ‘береговая сторона’ в противоположность *Вянешполе* (*Änižpuoli или *Änižpoļ) ‘онежская сторона’ – две деревни в составе Вегоруксы (Велик). Заключенная в топонимах характеристика подтверждается расположением деревень внутри Вегоруксы: Вянешполе тяготеет к берегу Онежского озера (карел. *Änine*: *Äniž-*), в то время как Рамполе – к берегу Вегорукского залива. Среди ойконимов Заонежья этой группы также название дер. *Кургополе* в составе села Толвуя (Толв), *Каргополе* (Кузар), в которых в качестве определения выступает антропоним, и *Цилополе* с вариантом *Цилополь* (Дериг) с неясным первым компонентом.

В контексте данной модели следует, возможно, анализировать названия частей деревни Тявзия (Фойм) *Акинфина Сторона* и

Максова Сторона, основной элемент которых Сторона может быть результатом калькирования прибалтийско-финского оригинального -*ruoli* ‘край, бок, сторона’.

Добавим, что модель была в прошлом известна в Карелии шире. Ее следы сохранились, к примеру, в названии деревни *Янишполе* (Конд), букв. ‘онежская сторона’ (имеется в виду та сторона селения Суна, которая обращена к Онежскому озеру), или деревни *Таржеполь* (Прион).

Суй-: кар., вепс. *suvi* ‘юг’. Основа сохранилась в наименованиях южных по отношению к деревне объектов, что может косвенным образом свидетельствовать о прибалтийско-финских корнях самих поселений. Неустойчивость *v* характерна для прибалтийско-финских языков Карелии [например, Tunkelo 1946: 486] и нашла отражение и в некоторых других топонимах Заонежья, например, дер. *Саймега* в окрестностях Шуныги восходит к прибалтийско-фин. оригиналу *Savimägi (*savi* ‘глина’, *mägi* ‘гора’).

Суйнаволоок – мыс в заливе Великая губа, первый от деревни Сибово в южном направлении (Велик), *Суйнаволоок* или *Цуйнаволоок* – мыс, вдающийся с юга в обширное болото у дер. Задняя (Типин). В названии урочища *Сусарь* (Вегорукса Велик) закрепился, скорее, прибалтийско-фин. термин *suo* ‘болото’, на что указывает вариант названия *Сосарь*, а также ландшафтная характеристика болотистого урочища.

Тага-: кар. *taka-*, *taga*, вепс. *taga* ‘задний, расположенный сзади’. *Верхняя* и *Нижняя Тагама* урочище (Падмозеро Паян), *Тагама* покос (Фойм).

Чуна: люд. *šurr*, *šurre*, *šurri*, вепс. *šur* ‘угол, тупик’.

Чуна поле (Никонова Губа Кажем), *Чуна* с вариантом *Щуна* сенокосная поляна (Габнаволоок Типин), *Щупник* < *Чупник сельхозполяна в углу (на мысу), образуемом коленом реки Кузнецкой, при этом идея углового расположения подчеркивается наименованием соседней поляны *Войги* (кар. *oigie* ‘прямой, без поворотов’), распаханной на прямом участке берега реки; *Чуна* покос (Тухино Сenni).

В русских говорах Заонежья заимствованное из прибалтийско-финского источника чу́па известно в значении ‘залив’, а также с негеографической семантикой ‘задняя часть мережи, мотня невода’. В вологодских говорах слово бытует, по материалам С. А. Мызникова, для обозначения сельскохозяйственных участков: ‘огороженное поле’, ‘сенокос в лесу’ и др. [Мызников 2003б: 300–301]. Последний тезис представляется спорным, в ранг диалектных лексем возведены топонимы, как это случилось и с бытующим в Габнаволоке топонимом *Щуна*.

ФЛОРА ЗАОНЕЖЬЯ

Русские топоосновы

Наименования растений, отражающие реальные особенности объектов названия, входят в число обязательных топооснов. Набор их достаточно широк, однако продуктивность различна. Обзор топооснов с русскими истоками позволяет выделить в число наиболее продуктивных названия деревьев береза, осина, ольха, сосна, ель, липа, каждое из которых зафиксировано в десятках топонимов Заонежья. Для примера приведем топонимы с основой береза:

Береза: гора *Березовая Сельга*, залив *Березник*, остров *Березовец* (Сенн), остров *Березовец*, урочище *Березовая Сельга* (Киж), залив *Березики*, мыс *Березов наволоок*, урочище *Березов Бор*, *Березовая Сельга* (Типин), остров *Березовец*, урочище *Березов Угол* (Яндом), остров *Березовец* (Велик), поляна *Березовищина*, *Березовый остров* (Великон), поляна *Березовицы* (Кузар), *Березовая пожня*, остров *Березовец*, покос *Подберезье*, тоня *У Березы* (Толв), залив *Березья губа*, покос *Березники*, мыс *Березов наволоок* (Кажем), урочище *Березники*, *Березовая поляна* (Дериг) и др.

Из кустарниковых растений и трав неоднократно фиксируются малина, морощка, вереск, треста, несколько реже смородина, черника, журавина. В качестве примера показательны топонимы с диалектными основами треста, вереск и журавина:

Треста в Заонежье ‘тростник, растущий по берегам озера’: *Трясливая луда* у Великой Губы, поляна *Трясливица* у Сибово (Велик), покос *Треста* (Гарницы Сенн), болото *Трясневый мох* (Княжево Киж), *Затресье* (Пустой Берег Киж), покос *Трестянка* (Кар-

гачево Кузар), покос *Трестенники* (Великая Нива), залив *Трестеницкая губа* (Вороний Остров Типин), болото *Тресливый мох* (Типиницы Типин), луда *Трестянка* и болото *Затресенник* (Фойм), покос *Трестняки* (Выр), угодье *Трестянка* (Клюхино Яндом), покос *Трестеники* (Толв), покос *Трестняк* (Кефтеницы Кажем), покос *Трестенка* (Турастомозеро Кажем). Нестабильность гласной первого слога, отразившаяся в примерах, вызвана особенностями фонетики заонежских говоров, а отсутствие *t* в целом ряде названий – лексикализацией основ с непроизносимой согласной.

Верес или **вереск** в заонежских говорах выступает в значении ‘можжевельник’ [СРГК]: урочище *Вересняги* (Марковщина Яндом), поляна *Вересовник* с вариантом *У Вереска* (Усть-Яндома Яндом), гора *Вересье* или *Фересье* (Толв), покос *Вересовая Голова* (Фойм), гора *Вересова Щельга* (Пегрема Велик), гора *Вересник* (Шуньга Дериг).

Журавина: *журавина*, *журавица*, *журавлина* ‘клюква’ [СРГК]. Иногда слово использовалось и для называния голубики, ср. в кондопожских говорах *журавник* ‘ягоды голубики’ [СРГК].

Журавий остров в оз. Путкозеро (Дериг), *Журавье болото* (Фойм), *Журава* поляна на берегу Онежского озера рядом с клюквенным болотом (Никитинская Выр), болото *Журавница* (Каргачево Кузар), покос *Журавицина* и гора *Журавья Щельга* (Гарницы Сenni).

Остальные основы растительного содержания не входят в число типовых и подтверждаются единичными фиксациями: остров *Ситник* или *Ситовик* (Каргачево Кузар), ср. сито ‘осока’ каргоп. [СРНГ], *Осоки* поляна (Велик), *Лукова губа*, *Лукова Щельга* (Сenni), *Луковцы* (Черный Наволок Типин), *Лукостров* (Толв), в которых содержится указание на дикий лук, *Папоротники* поляна (Шуньга), *Черемховая поляна* (Калозеро Косм) и некоторые другие.

Упомянем и о мнимых «растительных» основах в некоторых топонимах. *Дубостров* в Палеостровском архипелаге на самом деле, видимо, связан не с названием дерева, не характерного для широты Заонежья, а восходит к хорошо известному в прошлом в севернорусских говорах термину дуб ‘кора некоторых пород

деревьев, употребляемая для дубления кож и окраски' [СРНГ]. В олонецких говорах существовали странные для носителей современного русского языка сочетания березовый дуб и сосновый дуб [Барсов]. Топоним *Брусничные нивы* (Великая Губа Велик) имеет вариант *Бусничные нивы*, который, очевидно, должен рассматриваться как первоначальный. Угодье располагалось рядом с болотистой низиной, в связи с чем в его названии уместно закрепление лексемы бусель, бусина 'плесень' [СРНГ, СРГК].

Прибалтийско-финские топоосновы

Типовые прибалтийско-финские «растительные» топоосновы схожи с русскими. Особенно четко это проявляется в топонимах с основами, выраженными наименованиями деревьев. Здесь набор прибалтийско-финских топооснов практически полностью повторяет соответствующий русский список:

Габ-: ск. *hoara*, люд. *hoabu*, *huab*, *huabe*, вепс. *hab* 'осина'.

Габнаволок мыс оз. Падмозеро (Паян), мыс *Габнаволок*, остров *Гаплуда* (Толв), покос *Габорги*, покос *Габики* (< *Huabikko 'осиновый лес') на Ажебнаволоке, остров *Габостров* в Путкозере (Дериг), мыс *Габнаволок* и расположенный у его оконечности остров *Габежа* (Сибово Велик), *Габнаволок* мыс (Сенн), *Габнаволок* деревня (Типин), *Габостров* (Киж), *Габорги* покос (Фойм).

Койв-: ск. *koivu*, люд. *koiv*, вепс. *koiv* 'береза'. Топонимы концентрируются в южном Заонежье: мыс *Койнаволок* и дер. *Косельга* (Сенн), а также дер. *Косельга* (Сенн), *Койострова* (Кузнецы Киж), *Койнаволок* и *Койгуба* у дер. Типиницы (Типин), *Койнаволок* (Медные Ямы Велик). В топонимах проявляется стабильное исчезновение конечного *-в-* из топоосновы, обусловленное возникновением артикуляционно сложных звуко сочетаний на стыке структурных элементов. Оно может иметь как прибалтийско-финскую, так и русскую природу.

Куз-/Куж-: ск. *kuiši*, *kuiži*, люд. *kūž(i)*, *kūž(i)*, вепс. *kuž* 'ель'. Топонимы немногочисленны и в то же время неоднородны в

субституции согласного второго слога. Примеры с шипящим перемежаются примерами со свистящим, что в принципе может отражать нестабильность звука в территориально смежных с заонежскими русскими говорами людиковских говорах, где, в свою очередь, явление имеет вепско-карельские истоки:

мыс *Кужнаволок* (Телятники Киж), залив *Кузьгуба* (Шуньга), остров *Кузьостров* или *Кузеостров* (Вигово Велик), небольшое озеро *Кузерка* (Выр), восходящее к оригинальному прибалтийско-финскому *Kužāf из *Kuž/järv (вепс.) или *Kuuži/järvi (кар.) ‘еловое озеро’. Самый известный топоним данной группы – название старинного села *Кузаранда*, в основе которого допустимо реконструировать прибалтийско-финский оригинал *Ku(u)zi/landa ‘еловый берег’ с изменившимся в ходе интеграции топонима в русское употребление качеством гласного второго слога.

Леп-: ск. leppä, люд. lep, leppe, вепс. lep ‘ольха’.

Липручей (Фойм), *Лепручей*, остров *Лепай* (Толв), *Липостров* в Святухе (Кажем), *Лепручей* (Сенн), мыс *Лепнаволок* (Типин), залив *Лепайгуба* (Яндом), руч. *Лепручей*, бол. *Лепмошок* и расположенное в нем озерко *Клепозеро* < *Лепозеро в окрестностях Вегоруксы (Велик), мыс *Лепнаволок* с вариантом *Лебнаволок* (Шунг), *Липручей* (Великон), *Липостров* (Киж). Субституция прибалтийско-фин. *e* как *и* в ряде примеров связана с диалектными особенностями фонетики Заонежья.

Педей-: ск. petäjä, pedäjä, pedäi, люд. pedai, pedäi ‘сосна’.

Дер. *Педасельга* (Типин), поле *Пидесельга* (Толв), мыс *Пидия* и залив *Пидейская губа* на острове Еглов (Киж), мыс *Педейнаволок* (Вигово Велик).

Идентичность русского и «финского» списка (притом что в русском каждый член списка воплощается в силу языковой ситуации в значительно большем количестве топонимов) основана на одинаковом осмыслении и освоении пространства прибалтийско-финскими и русскими насельниками края. Сохранились и некоторые следы явного перевода прибалтийско-финской основы на русский

язык: мыс *Габнаволок* на заливе Святуха в окрестностях дер. Миково (Косм) известен под параллельным названием *Осинник*.

Среди наименований ягодных кустарников лишь одно – прибалтийско-финское название морошки – выступает в качестве типовой топоосновы:

Мур(ой)-: кар. *muuroi* [KKS, LMS], вепс. *murm, murikeine, murašk* [СВЯ] ‘морошка’. Основа представлена последовательно в наименованиях болот и болотистых мест, что подтверждает ее предлагаемую интерпретацию. Фонетически она близка карельскому (не вепсскому) оригиналу: бол. *Мурово* или *Муровское* (Лонгасы Сенн), мыс *Мурнаволок* (Леликово Сенн), бол. *Мураймох* (Афонино Кузар), залив с заболоченными берегами *Мурайгуба* и расположенный рядом мыс *Мурайнаволок* (Кефтеницы Кажем), бол. *Мурроймох* (Яндом), бол. *Муромох* (Толв), *Мурово болото* на Волкострове (Киж) и др.

Большое распространение получила топооснова, связанная с прибалтийско-финским наименованием болотного хвоща. При этом ее популярность в топонимии объясняется, конечно, заимствованием слова в русские говоры, что расширило языковой источник топонимов.

Кортега: кортеха, кортега ‘растение семейства хвощевых’ [СРГК]. К ним добавляется вариант кортняг с тем же значением [Мызников 2002: 83]. Из примеров, приводимых в словарной статье СРНГ, явствует, что кортегой называется прежде всего хвощ болотный, растущий в низких местах, вдоль берегов водоемов и использующийся в качестве корма для домашнего скота. С этим, видимо, связан зафиксированный в дер. Шильтя (Фойм) сдвиг в значении ‘тростник, растущий в озере’ [Мызников 2003б: 82]. В русские говоры Карелии слово воспринято из прибалтийско-финского источника: кар. *korteh*, вепс. *korteh, kortez* ‘хвощ’. При этом и в карельском, и в вепсском лексема привязывается чаще именно к болотному хвощу. В говорах Заонежья отмечается явное преобладание фонетического варианта кортеха, передающего прибалтийско-фин. *h* через рус. *x*. Данная фонетическая особенность

может рассматриваться в качестве критерия карельского источника заимствования.

Топонимы возникли на основе как оригинальной карельской (выступает в сложных по структуре топонимах), так и заимствованной русской лексики: залив *Кортегуба* в Пегреме, мыс *Кортнаволок* в Вигово (Велик), *Кортечная губа* (Кузар), *Кортнаволок*, залив *Кортегуба* с вариантом *Кортюхгуба*, омывающий Большой Леликовский остров (Сенн), покос *Кортаха* (Выр), поле *Кортехматка* у дер. Кефтеницы, бол. *Котняги* (Кажем), *Кортегуба* и *Кортнаволок* (Карас), *Кортежгубское болото*, поляна *Кортешник* (Дериг), *Кортнаволок* мыс (Велик), залив *Корзяга* на острове Шуневский (Киж), залив *Кортегуба* и мыс *Кортенаволок* на острове Тамбич (Киж). Возможно, в этот же ряд входит название острова *Корытоостров* (Велик), в котором протетический гласный во втором слоге вызван соображениями произношения, а также народно-этимологической интерпретацией.

По крайней мере, в одном заонежском топониме отразилось также прибалтийско-финское название полевого хвоща: ск. *huosie*, *huoža*, *huoža*, ливв. *huodžu*, люд. *huod'ž*, *huod'že*, вепс. *hožj* 'хвощ (полевой)' [KKS, SSA]. Имеется в виду название урочища *Ожематка* (в архивных записях 1950-х годов *Ожяматка*) в окрестностях Шуныги (ср. *Кортехматка* выше). Оно восходит к карельскому первоисточнику *Нуюžаматка, букв. 'хвощевый путь', 'хвощевая дорога'. Нестабильность инициального *х* в прибалтийско-финских заимствованиях характерна для Заонежья, ср. *Ажебнаволок*, *Ижгора* и др.

Остальные топоосновы, восходящие к лексемам из мира флоры, малопродуктивны в Заонежье, хотя каждая из них имеет устойчивое бытование в прибалтийско-финской топонимии Карелии.

Вехк-: ск. *vehka*, люд. *vehk*, вепс. *vehk 'вахта трехлистная, трифоль'. Из вепсских говоров слово утрачено, однако многочисленные топонимические свидетельства уверенно подтверждают его бытование в прошлом [Муллонен 1994].

Вехвальник покос (Дериг), *Вехламба* озеро (Кажем), *Вехкозеро* (Еглово Киж), *Вехручей* (Маньшино Киж).

Киж: самый известный из топонимов Заонежья, в основе которых выступает прибалтийско-финское наименование растения. Для названия острова существует и другая, по многим параметрам привлекательная этимология, связывающая истоки топонима с карельским словом *kižad* ‘игры, игрища’ и предлагающая в качестве мотива названия сакральный характер острова, на котором проводились некогда ритуальные праздники. Однако эта этимология не находит подтверждения в виде аналогов, т. е. топонимов-тезок, образующих внятный ареал. Именно вхождение в ряд – один из наиболее важных критериев достоверности этимологии.

Впервые наиболее отчетливо «растительная» этимология названия острова Киж была выдвинута В. А. Агапитовым, связавшим его с кар. *kiidžin*, обозначающим разновидность водного мха *Дрепанокладус* крючковидный [Агапитов 1993: 20]. Это слово известно в собственно-карельских говорах северо-восточного Приладожья, широко распространено в ливвиковских говорах [KKS], представлено в людиковском диалекте. У данной этимологии, по крайней мере, две привлекательные стороны. Во-первых, для нее обнаруживается пусть и разреженный, но надежный ареал, образуемый топонимами с данной основой. Они известны в северо-восточном Приладожье [Nissilä 1975: 59] и на Олонецком перешейке [Мамонтова 1982: 54], а также в ареале современного и бывшего вепсского расселения [Муллонен 1994: 58–59], что позволяет, в принципе, предполагать наряду с карельскими и вепские истоки для топонима Киж, тем более что остров располагается в южном Заонежье, где есть бесспорные вепские топонимы. Второй не менее привлекательный момент этимологии состоит в том, что она находит убедительные подтверждения в фактах хозяйственной деятельности. Известно, что людики использовали озерный мох для мшения построек [Turunen 1946: 201]. Такая же информация есть из ливвиковского Сямозерья: «*lammiz nostetah kiidžimet haravoil kuivah, pertti sammaldetah*» [KKS] – «мох граблями поднимают из ламбы на сушу, мшат избу». В Линдозере Кондопожского района мох

поднимали из залива Kiidžilahti на поверхность с помощью специальной вертушки и затем, высушив на берегу, использовали при строительстве изб. Подобная практика была известна и в Кижях, где водный мох, поднятый специальными граблями со дна Мошгубы, использовался для мшения стен, полов, лодок-кижанок [Агапитов 1993: 20–21].

Пояснения требует фонетический облик топоосновы, выступающий в Кижии. Он в принципе сближается с основой, выступающей в вепсских топонимах, ср. оз. *Kižid'ärv*, бол. *Kižiso*, в которых, во-первых, отсутствует *d*, во-вторых, упростился конец основы перед начинающимся с согласного детерминантом. Аналогичное развитие можно предполагать и в Кижии < *Kižimsaŋ > *Kižissaŋ > *Kižisaŋ (saŋ 'остров'). Отсутствие *d* может быть спровоцировано и русской адаптацией, ср. в русском Пудожье бол. *Кижимох*, зал. *Кижимлахта* [КТК].

Райда-: ск. *raita*, *raida*, люд., вепс. *raid* 'ива'.

Райдаконда гора в окрестностях Шуньги (Дериг).

Рог-: кар. *guoko*, *guogo*, вепс. *gogo* 'озерный) тростник, камыш'. Основа исключительно редка в заонежской топонимии: о. *Рогостров* и пролив *Рогсоломя* (Вертилово Сenni). Господствуют топонимы, образованные от соответствующей русской лексемы тростник и ее диалектных вариантов.

Обзор топонимов с «растительными» основами позволяет говорить о безусловных утилитарных мотивах названия. Большинство отразившихся в топонимах представителей мира флоры играли важную роль в хозяйственной деятельности населения: треста и кортега шли на корм скоту, корень вахты добавляли в голодные годы в хлеб, участки с лиственным лесом были наиболее пригодны для сельскохозяйственных угодий, да, собственно, и появлялись как следствие сельскохозяйственного освоения.

КВАЛИТАТИВНЫЕ ТОПОНИМЫ

В группу топооснов с качественной семантикой объединены основы, отражающие форму, размер, цветовую и качественную характеристику объектов. Особенность данного разряда – наличие значительного числа образных, метафорических основ.

Русские топоосновы

Бунч-: ср. бунчать ‘звучать’ [СРНГ], ‘звенеть, глухо гудеть, пищать, журчать, дребезжать’ [СРГК].

Бунчик камень в окрестностях дер. Трошево (Куз). В камне есть полость, и поэтому при ударе он «бунчит».

Бус-: производное от глагола бусеть ‘портиться, покрываться плесенью, плесневеть’, ср. бусина ‘плесень’ [СРГК], бусель ‘плесень; водоросли на поверхности стоячей воды’ [СРНГ]. В заонежской топонимии основа закрепилась в наименовании сельскохозяйственных угодий, располагающихся по соседству с болотистой низиной с цветущей водой.

Бусники покос (Выр), *Бусьевщина* покос рядом с болотом (Кургеницы Киж), *Бусничные нивы* (Велик). Для последнего названия известен также вариант *Брусничные нивы*, появление которого вызвано народноэтимологической интерпретацией ставшего со временем непонятным топонима.

Великий: в Заонежье используется с семантикой ‘большой’. На Заонежском полуострове хорошо просматривается ареальное противостояние топооснов *великий* и *большой*. Оно сложилось в результате

того, что идея 'большой по размеру' выражалась в новгородской традиции словом *великий*. Со временем, однако, оно сменяется лексемой *большой*. В результате оба слова могут использоваться в одном ареале, но маркировать названия с разными хронологическими рамками существования: топонимы, в состав которых входит лексема *великий*, появились раньше и существуют дольше, чем топонимы с элементом *большой*. В Заонежье большинство «великих» топонимов тяготеют к восточному побережью Заонежского полуострова, где неоднократно фиксируются *Великая лядина*, *Великая орга*, *Великий мох*, *Великая нива*, *Великий камень*, *Великий бор*, *Великая щельга* и др. (рис. 4).

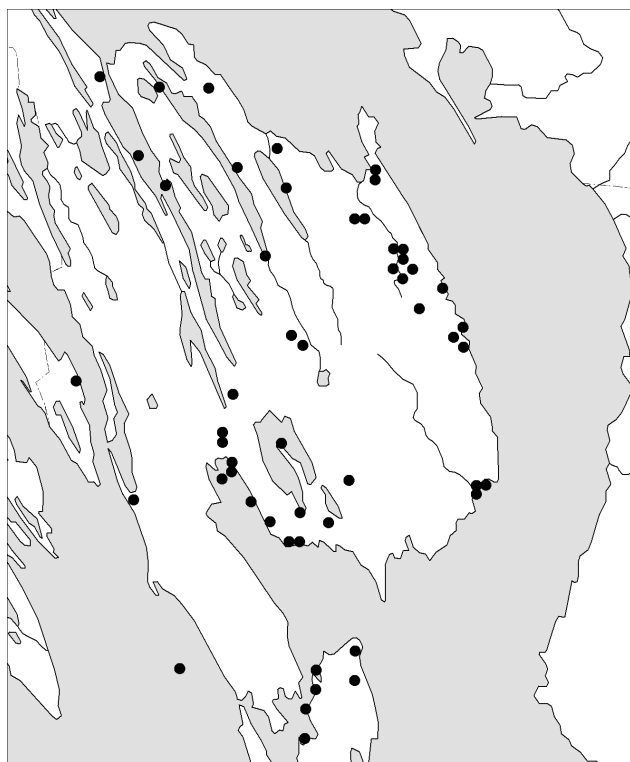

Рис. 4. Топонимы с элементом *Великий* в Заонежье

На карте видно, что ареал тянется от Великой губы вдоль побережья до Шуньги, не углубляясь внутрь полуострова. В контексте хронологической дистрибуции топооснов *великий* и *большой* подобное ареальное членение может быть интерпретировано так, что русское освоение продвигалось вдоль Заонежского залива. Какой-то более слабый колонизационный поток шел на губу Чергу и на Лижемскую губу. Центральная же часть полуострова на ранних этапах оставалась вне интересов русского освоения.

Великое болото (Кузар), *Великий камень* (Выр), *Великая щель-га скала* (Паян), *Великая Грязь покос* (Фойм), *Великий ручей* (Толв), *Великий камень* (Дериг), *Великая Грязь болото* (Дериг), *Великая Грязь поляна* (Кажем).

Ветхий: ветхий ‘старый, древний’. С данной семантикой основа выступает, по крайней мере, в двух топонимах *Ветхая Матка* (Типин и Паян) – наименованиях сельскохозяйственных полей, расположенных на местах старых волоков. В названии поляны *Ветошь* (Толв), видимо, закрепилось диалектное ветошь ‘заброшенная подсека, поросшая травой, мелкоколесьем или кустарником’ [Мызников 2003а: 156].

Вил-: основа широко используется в Заонежье в наименованиях мест сложной конфигурации, раздвоенной формы, что позволяет возводить их к основе вил- с целым рядом производных (вилажи, вилан, вилач, вилка, виловище, вилон, вилуха – СРГК), обозначающих предметы вилообразной формы. Не исключено, что в ряде случаев имеет место перевод приб.-фин. основы *hankas, hangas* ‘развилка, развилина, развилка’, закрепившейся в Заонежье в виде гангас (см).

Залив *Вилока* (Толв), озеро *Вилозеро* (Косм), *Виловатый мох* (Косм), *Виловатая нива* (Велик).

Глад-: используется в наименованиях сельхозполей, расположенных на ровном месте, а также в названиях безлесных болот.

У Глади поле (Выр), *Гладуха поле* (Фойм), *Гладкое поле* (Кузар), *Ближняя Гладь поляна* (Толв), *Гладкое поле* (Кажем), *Загладье лес за болотом* (Яндом), *Гладкие нивы поляна* (Велик).

Долгий: долгий ‘длинный’.

Долгуша поле, *Долгая нива* (Кузар), *Долгуша* поляна, *Долгое болото* (Паян), *Долгая щельга* гора (Дериг), *Долгая нива* (Кажем), *Долгий мост* (Сенн), *Долгая нива* (Велик), *Долгий остров* (Киж).

Золотой: используется в топонимии Заонежья метафорически для называния песчаных мест с мелким светлым («золотым») песком.

Золотое поле (Дериг), *Золотник*, *Золотницкая губа* – залив на Онежском озере с песчаными берегами (Выр), *Золотуха* – поле на песчанике (Сенн), *Золотой Куст* – песчаный берег р. Кажемки (Кажем), *Золотой остров* – песчаный остров в заливе Святуха (Кажем), *Золотуха* поле (Дериг, Яндом, Кузар, Фойм, Выр, Велик), *Золотая губа* залив (Кузар).

Ср., однако, *Золотая тоня* (Паян), где определение *золотой* использовано в значении ‘богатый рыбой’; *Золотуха* поляна (Педасельга Типин) отличалась хорошей урожайностью; *Золотая поляна* (Микково Косм) – «за нее хорошие деньги заплатили».

Кислый: основа используется для называния сырых заболоченных мест.

Кислохи покос (Кузар), *Кислохи* покос (Фойм), *Кислухи* покос в истоках ручья Емичевская речка (Толв), *Кислая губа* залив Ладвозера (Кажем), *Кислуша* залив на Космозере (Косм), *Кислуха* поле (Сенн), *Кислуха* покос (Типин), *Кислухи* болотистый сенокос (Велик), *Кислая губа* залив (Велик).

Котел: в основе образ котла с кипящей, бурлящей водой.

Котельный порог на р. Падме (Великая Нива).

Красивый: *Красава* покос (Кузар), *Красуха* поле (Выр), *Красавский ручей* (Паян), *Красава* луда (Толв).

Мягкий: по-видимому, основа закрепилась в топонимии в диалектном значении ‘легко поддающийся обработке’, ср. также мягко ‘без затрат больших усилий, легко’ [СРГК]. На эту семантику указывает присутствие ее в наименованиях сельскохозяйственных

полян, повторяемость сочетания *Мягкий Бор*, притом что бор в заонежской традиции ‘высокое сухое место в лесу’ [СРГК], на котором, добавим, могла разрабатываться пахотная поляна, поэтому относительная легкость разработки и обработки участка имела важное значение.

Мягкая Сельга деревня (Косм), *Мягкая полоса* поле, *Мягкий Бор* поляна в лесу (Яндом), *Мягкий бор* лес (Типин), *Мягкий бор* лес (Велик), *Мякоти* пахотная поляна (Типин, Велик, Яндом).

Пепел-: пепел ‘сухая почва’ медв. [СРГК].

Пепельник поляна (Типин), *Пепельный Бор* поляна (Типин), *Пепелуха* поляна (Велик).

Песок: в топонимии закрепился целый ряд фонетических вариантов и производных от данной основы: *Песьянка* поле (Кузар), *Пичеха* луда (Кузар), *Письяха* поле (Кузар), *Песьянка* покос (Паян), *Песьянка* покос (Толв), *Пичеха* хутор (Толв), *Песьяница* поле (Дериг), *Песочная губка* залив (Дериг), *Письяницы* покос (Дериг), *Песьянка* поле (Кажем), *Песчуха* поле (Сенн), *Пески* берег Онежского озера (Типин), *Песьянка* поляна (Велик).

Печка: в названиях луд, небольших островков, выступающих над поверхностью воды камней явно метафорична. В основе использован образ печки-каменки.

Печка луда в оз. Святуха (Пабережье Кажем), *Печка* луда (Кривоноговская Толв).

Плешивый: плешивый ‘голый, без растительности’.

Плешивый бор (Фойм), *Плешатая щельга* (Кажем), *Плешатая щельга* скала «голая, только посередке лес» (Паян), *Плешивица* поляна (Типин).

Порты: метафорическая основа для характеристики формы объекта.

Порты поле (Никонова Гора Дериг), *Портчица* покос (Есино Кажем), *Портчье озеро* (Кефтеницы Кажем), *Портки* – пахотная поляна, напоминающая по форме порты (Селецкая Карас),

Портки озерко на западном берегу Уницкой губы Онежского озера. Если точнее, озеро располагается на берегу залива Гангас-губа Уницкой губы. При этом форма залива не дает оснований для характеристики ее с помощью модели Гангас (см. в списке прибалтийско-финских топооснов), что позволяет предполагать, что в названии залива закрепилось бывшее название озера Портки. Последнее по конфигурации как раз таково, что может определяться приоб.-фин. словом *hangas*.

Ср. *Штаны* покос (Фойм).

Сапог: образная основа отражает форму объекта.

Сапог поле (Никонова Гора Дериг).

Свин-: образная основа для называния грязных мест.

Свиуха покос на болотистом месте (Типин), *Свиные тереба* покос (Велик).

Толстый: в заонежской топонимии основа характеризует широкие и неглубоко вдающиеся в озеро мысы.

Толстяк мыс на Святухе у дер. Кефтеницы (Кажем), *Толстый наволок* широкий мыс оз. Сямникозеро (Косм), *Толстый Нос* с более новым вариантом *Тупой мыс* (Типин), *Толстый наволок* мыс (Сенн).

Тонкий: в топонимии Заонежья используется в значении 'узкий'.

Тонкойгуба залив у восточного берега оз. Ладмозеро (Кажем), *Тонкуха* поляна (Киж).

Узкий: модель для наименования узких по форме сельхозугодий, обычно расположенных вдоль берега водоема.

Узкири поляна (Кузар), *Узкири* поляна (Паян), *Узкийряк* покос (Фойм), *Узгий* поле (Дериг).

Чур-: *чура* 'гравий, крупный песок, земля, перемешанная с камнем' (< ск., люд. *čurigi*, вепс. *čuru* 'крупный песок, гравий, дресва') [ПФГЛК].

Чуроватица поле (Выр), *Чургуба* зал (Паян), *Чурное поле* (Фойм), *Чургора* гора (Кузар), *Чургора* (Толв), *Чура* поле (Дериг), *Чургуба* залив в Святухе (Кажем).

Шляпа: используется нередко в наименованиях небольших возвышенностей.

Шляпа горушка на Волкострове (Киж), *Шляпа* гора в Гарницах (Сенн), *Шляпиха* поляна за Кетсельгой (Великая Губа), *Шляповы горы* с вариантом *Шапочный бор* – лесное скалистое угодье (Пургино Косм). Ср. *Шапка* покос (Толстикова Толв).

Прибалтийско-финские топоосновы

Выр-: воплощена в названии села *Вырозеро*. Старая Вырозерская волость, расположенная на материковой дороге из Толвуи в Кузаранду, теперь свелась к нескольким домам. Между тем последние довоенные списки населенных мест Карелии (СНМ 1933) передают картину полнокровной жизни куста поселений, объединявшего 26 небольших деревень с общим числом дворов около 300 (рис. 5). Некоторые из этих деревень существовали уже в XVI веке, и их зафиксировали Писцовые книги от 1563 г.: «дер. на Вирозере словет Софроново» (ср. современное Софроновская), «дер. на Вирозере словет Демехово» (ср. Демеховская), «дер. на Вирозере словет Федосова» (ср. Федосова Гора). Другие дожили до XX века, изменив, однако, название: Клементьевская превратилась в Житницкую, Грихновская стала Римской, а Дороховская – Дальним Углом [сведения приводятся по: Витов 1962: 36–53].

Объединяющим названием куста поселений являлось *Вырозеро* или *Вирозеро* старых источников. Оно явно указывает на то, что ойконим, т. е. название поселения, восходит к лимнониму, или, иначе, наименованию озера. И здесь возникает первая загадка, связанная с названием Вырозеро: где располагалось озеро с таким наименованием? В окрестностях села четыре маленьких озера, но ни одно из них не называется Вырозером. Из вырозерских озер самое крупное – Ганьковское – названо по

расположенной на его юго-восточном берегу деревне Ганьковской. Озеро разделяется глубоко вдающимся в него с южного берега мысом Ганьковский наволоок, или Куннаволоок, на две части: собственно Ганьковское озеро и Угольское озеро, названное по деревне Дальний Угол, расположенной на его южном берегу. В полукилометре от оз. Ганьковского на восток находится небольшое озерко Залебежское, или Залебежье, окруженное болотом Залебежский мох. С учетом закономерностей онимической номинации есть основания полагать, что озеро, на котором, по воспоминаниям местных жителей, «лебеди неслись», первоначально называлось *Лебяжьим, в то время как расположенное за ним обширное болото, естественно, воспринималось как болото «за Лебяжьим озером» и получило название Залебяжский, или Залебежский мох, которое, в свою очередь, позднее повлияло на изменение гидронима *Лебяжье в Залебежское озеро. К северу от Ганьковского озера находится маленькое озерко Посула, или Посульское, также стекающее в озеро Ганьковское. Истоки гидронима затемнены. Наконец, четвертое вырозерское озеро – это находящееся у самой дороги глухое озерко Никольское, при котором в прежние годы располагался центр Вырозера, в частности, Никольский погост, название которого закрепилось в лимнониме. Поэтому именно Никольское озеро местные старожилы склонны считать *Вырозером*. То, что исторически погост располагался при озере Никольском, – действительно важный аргумент в пользу того, что именно отсюда, с берегов этого озера, мог начинаться когда-то култ поселений Вырозера. С другой стороны, однако, безусловной, жестко детерминированной связи между местом расположения погоста и историческим зарождением поселения нет, потому, хотя бы, что православные церкви и часовни – как показывает и топонимический [Муллонен 1993: 11], и этнографический материал – часто возникали в местах, бывших культовыми в дохристианское время. Последние же совсем необязательно совпадали с поселениями.

Рис. 5. Вырозерская волость

Среди вырозерских озер есть одно, название которого в качестве источника для ойконима *Выроззеро* кажется более перспективным, чем Никольское озеро. Это озеро Ганьковское, которое уже сугубо по географическим соображениям, будучи значительно больше по размерам, чем маленькое Никольское озеро, и соеди-

няющееся к тому же с местной рекой под названием Калей, или Калейручей, впадающей, в свою очередь, в районе Толвуи в Онежское озеро, является самым приметным в кругу озер Вырозера. Есть еще одна географическая особенность Ганьковского озера, которая должна приниматься в расчет при поиске древнего озера под названием Вырозера и одновременно при этимологической интерпретации названия. Это форма озера, представляющего собой своего рода дугу, крюк, который образуется в результате вторжения глубоко в озеро с южного берега упоминавшегося уже Ганьковского наволока, известного прежде также под именем Куннаволока.

В прибалтийско-финских языках понятие «кривой, изогнутый» отражается как финское *väägä*, вепсское *vär*, карельское *viägä*, *veägä*. Эта прибалтийско-финская лексема кажется вполне реальным этимологом названия озера, и не только в контексте кривого по форме озера, но и потому, что топооснова *väägä* достаточно продуктивна в прибалтийско-финской лимнонимии [Kiviniemi 1977].

С другой стороны, однако, Вырозера выпадает из целого ряда заонежских топонимов с прибалтийско-финскими истоками, в которых изначальное прибалтийско-фин. *ä* передано в русском употреблении как /'a/: *Мягрозера*, *Сяргозера*, *Мяндино* и др. Этого противоречия, однако, можно избежать, если в качестве источника современного облика топонима Вырозера предположить не вепсский (*vär*), а карельский вариант лексемы, т. е. *viägä*, *veägä*, *viөгä* с более напряженным, узким звучанием первого слога. Оно в отличие от более открытого *ä* значительно легче воспринимается в русском употреблении как /'e/, которое по законам русской диалектной фонетики переходило в /u/. Выстраивая данную цепь, мы опираемся на ряд однотипных случаев в лексике и топонимике Заонежья, когда прибалтийско-финские дифтонги *-ie-*, *-iä-* преобразовывались в заонежское *-и-* (через стадию *-е-*): *килесы* ~ *келесы* 'вход в конусообразную сеть с обручами' < карел. *kieles* 'перегородка при входе в сеть', *рипуca* (*рипукса*) ~ *репуca* < карел. *riäpöi*, *riäpüs* 'ряпушка', топоним *Литнаволок* (Уница) < карел. *liete* 'песок, низкий песчаный берег'. Наиболее показательное сопоставление обнаруживается

в самой вырозерской топонимии. Среди входивших в состав Вырозера деревень одна носит экзотическое название *Рим*, или *Римская*. Деревня стояла на северном краю обширного болота За-лебежский, или, иначе, *Римский мох*: ср. фин. game, ск. gieme, ливв. giemi, люд., вепс. gämik, gämegišť ‘болото, поросшее чахлым лесом’. Показательно, что географический термин широко заимствован в севернорусские говоры в облике *рям*, *рямник*, *ремник*, *ремнищина*, *рямода*, передающим приб.-фин. ä как /'a/, редко /'e/, но не /'u/. Причина очевидна: в русское употребление слово попало из вепсского или близкого к нему источника. В заонежском же Рим явно отразилось карельское звучание лексемы gieme с дифтонгом -ie-, который в Заонежье преобразился в /'u/. Добавим к этому, что на обширной территории русской Карелии и в прилегающих к ней областях указанная прибалтийско-финская лексема отражена в десятках топонимов типа *Рямега*, *Рямода*, *Рямик*, *Рямручей*, *Ремболото* и т. д. На этом фоне редкие фиксации с /'u/ типа с. *Римское* на восточном берегу Онежского озера заманчиво связывать именно с карельской огласовкой слова.

Как согласуется предполагаемая карельская (или опосредованная карельским языковым воздействием) интерпретация топонима *Вырозера* с другой топонимией вырозерской округи? Сохраняется ли в последней некое карельское наследие? Список топонимов Вырозера, включающий более 400 названий сельскохозяйственных угодий, лесных участков, ручьев, болот, возвышенностей, мест сбора грибов и ягод и т. д., небогат на наименования прибалтийско-финского происхождения, которых в этом списке найдется не более двух-трех десятков.

В контексте карельских корней есть смысл присмотреться и к названиям некоторых деревень вырозерского куста поселений. К деревне Демеховской, судя по документам XVI – начала XVII века, примыкала дер. Таруевская («д. на Вирозере Демеховская и д. Таруевска в пашне», 1563 г. – Витов 1962: 36), в основе названия которой можно видеть карельский народный вариант Тагоі ~ Тагуі русского календарного имени Дорофей. В вепсском именованье такой вариант не отразился. В середине XVII века в Вырозере чис-

лилась «д. на Выре озере Алкутовская», наименование которой (если только мы не имеем дело с ошибкой) может восходить к имеющему скандинавские корни имени *Algot* ~ *Algut*, которое было в XVI веке известно, в частности, на Карельском перешейке [*Sukunimet*]. А ойконим Маньковская заманчиво сопоставлять с представленным в разных областях Финляндии, в том числе в карельском северо-западном Приладожье, антропонимом *Manko*, *Mankonen*, *Mankov* [*Sukunimet*]. Наконец, в названии деревни Еников Угол, которое выступало в качестве варианта к ойкониму Дальний Угол, позволительно видеть карельский антропоним *Hännikkä(inen)*, широко представленный в северо-западном Приладожье в документах XVI века [*Sukunimet*].

Очевидно то, что топонимы с предлагаемыми здесь карельскими истоками возникли не одновременно. Часть из них появляется в документах явно позднее, чем в них фиксируется Вырозеро, которое известно в источниках, по крайней мере, с середины XVI века. Они отражают, видимо, процесс «подпитывания» [по терминологии Агапитов, Логинов 1992: 71] Заонежья выходцами с карельской территории. Однако если признать карельские мотивы в этимологии топонима Вырозеро верными, то придется исходить из того, что карельское воздействие в языке и культуре Вырозера ощущалось уже до середины XVI столетия, что в целом не противоречит представлениям об относительно раннем карельском проникновении в Заонежье [Агапитов, Логинов 1992].

Каковы бы ни были конкретные прибалтийско-финские истоки топонима Вырозеро – вепсскими или карельскими – уже упомянутый факт скудного «финского» наследия в топонимии Вырозера наводит на мысль о том, что в истории этой округи прибалтийско-финская страница не была столь значительной, как, к примеру, в соседних Кузаранде и Толвуге. Видимо, материковое Вырозеро не обладало для прибалтийских финнов периода ранней экспансии такой привлекательностью, как прибрежные Толвуга и Кузаранда. Прибалтийско-финские следы особенно ощутимы в последних в озерной топонимии – наименованиях заливов, мысов, островов, озерных тоней и мелей. В контексте общих тенденций

этнической истории Заонежья и с учетом языковых закономерностей можно полагать, что гидроним *Вырозеро* в качестве наименования одного из озер в бассейне ручья Калейручей мог родиться уже на заре прибалтийско-финской истории края как отражение в большей степени промыслового, чем земледельческого освоения, сопровождающегося появлением постоянного поселения. Рождение последнего в Вырозере может быть сопряжено с фактом земледельческого освоения водоразделов, в котором приняло участие карельское население, откорректировавшее в соответствии со своими языковыми закономерностями традиционный, возможно, имеющий первоначальные вепские корни гидроним.

Виганд-: ск. *vihanta*, люд. *vihand(e)*, вепс. *vihand* ‘зеленый’.

Виганды берег Путкозера (Кажем).

Войг-: ск. *oigie* ‘прямой’. Основа используется для называния прямых участков в течении Кузнецкой реки, где известны два участка под названием *Войги*. Правомочность этимологии подтверждается тем, что между двумя Войгами располагается угодье *Щупник* ~ *Чупник*, в названии которого чупа (< приб.-фин. *šur*, *šuru*) ‘угол, поворот’. При этом Чупник прилегает к повороту Кузнецкой реки.

Гайж-: видимо, в основе причастная форма от глагола *haista* ‘пахнуть’ *haiseja* ‘пахнувший’. В соответствии с фонетическими особенностями заонежских говоров, в которых **j** > **г**, в топонимии Заонежья *Гайжеги* покос (Кузар).

В это гнездо входит и название озера *Хашезеро*, расположенного в северном Заонежье, на большом полуострове *Ажеб*, или *Ажебнаволоком*. Связь этих двух топонимов несомненна. В *Хашезеро* сохранился начальный согласный карельской топоосновы, утраченный *Ажебнаволоком*, который, в свою очередь, сохранил ее конечную огласовку. Карельский оригинал *Хашезера* выглядел, очевидно, как **Haisija/järvi*, в котором произошло наложение идентичных по звучанию последнего слога топоосновы и первого слога детерминанта (так называемая гаплоглогия): **Haisija/järvi* →

*Haisi/järvi > Хаш/езеро. В основе *Ажебнаволока* реконструируется карельское *Haisija/niemi (niemi ‘мыс, наволок’), в котором по законам фонетической интеграции конечное *-ja* переходило в *-ga*. На это указывают зафиксированные в старых источниках варианты Кажак-губа (1496) и Важогнаволок (1718) [Витов 1962: 257, 259]. В свою очередь, взаимозаменяемость *г ~ в ~ б* в севернорусских говорах объясняет появление *б* в *Ажебнаволок*. Утрата же начального *h* связана с передвижкой ударения в русском варианте названия на второй слог, что ослабило звучание и без того слабого карельского *h*. Показательно в связи с этим, что в источниках XV–XVII веков *Ажебнаволок* зафиксирован в варианте *Жабнаволок* [Витов 1962: 261], с утраченным полностью вследствие передвижки ударения первым слогом.

Практика номинации показывает, что наименования значительных по размерам полуостровов Заонежья, как правило, вторичны (Шунгский полуостров, полуостров Клим) и восходят к названиям расположенных на полуострове конкретных объектов. В этом контексте при поиске истоков номинации топонима предпочтительнее исходить из лимнонима Хашезеро: озеро могло получить название по растущим вдоль озерного побережья зарослям черной смородины (ср. вепсское название черной смородины *hajuhol*, *hajuhaqj* букв. ‘пахучая ягода’, *hajuš*, *hajušeine*). Однако ареальный анализ топоосновы, которая, как показал Д. В. Кузьмин [Кузьмин 2003: 306–307], распространилась в Заонежье, скорее всего, из северо-западного Приладожья по реке Суне (рис. 6), ориентирует не на вепсскую, а на карельскую интерпретацию. В карельской топонимии мотивом названия является запах стоячей озерной воды. Хашезеро – мелководный водоем с зарастающими берегами, особенно в южной части озера, так что реальная основа номинации кроется, видимо, именно в этой особенности водоема.

Гангас-: ск. *hankas*, *hngas* ‘развила, развилка’. Эта семантика подтверждается формой географических объектов (ср. развилка между большим и указательным пальцем или развилина у дерева), в наименовании которых используется основа. Соответствующая русская заонежская основа – вил- (см.).

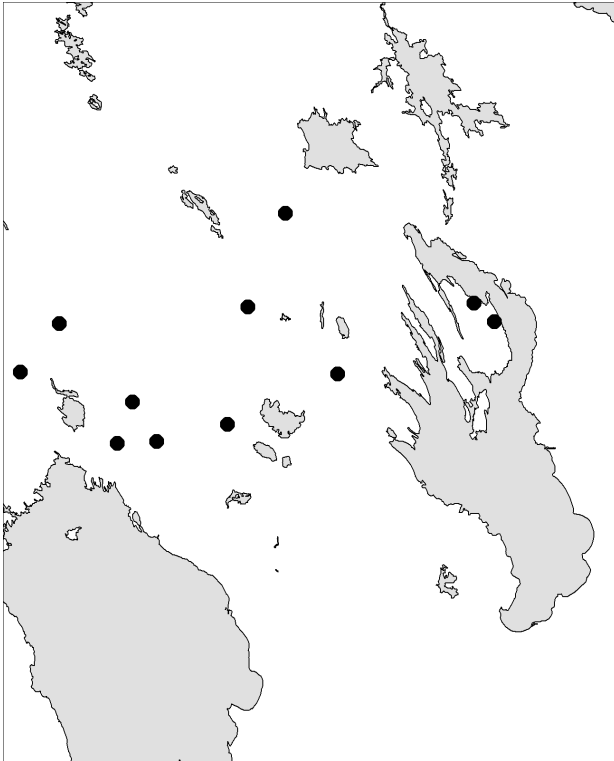

Рис. 6. Ареал топонимов с основой *haiseva* (*haisija*)
‘(плохо) пахнущий’

Гангасгуба залив Онежского озера в окрестностях дер. Конда, а также *Гангасозеро* и рядом *Гангасболото* у дер. Любосельга (Сенн).

Ен-: прибалт.-фин. *enä ‘большой’. Данная основа представлена в прибалтийско-финских языках в формах степеней сравнения (*enempi*, *enin*) и в виде наречий (*enemmän*, *eniten*), а также в целом ряде топонимов – названий больших по размеру объектов [SSA]. Исходя из топонимической продуктивности основы в прибалтийско-финских языках, логично предполагать ее следы и в топоним-

мии Заонежья. Здесь она реконструируется в наименовании урочища *Енарье* или *Генарье*, расположенного вдоль *Енарской* или *Генарской речки* – протоки, соединяющей озеро Большое Хмелезеро с Ковшозером (Фойм). Название восходит к прибалтийско-финскому оригиналу *Enarv, *Enarvi* ‘большое озеро’, который, исходя из содержания, был в прошлом лимнонимом, т. е. названием озера. Какое же озеро могло носить это название? Оба озера, соединенных Енарской речкой, носят сейчас русские названия, при этом за каждым из них возможен прибалтийско-финский оригинал. Озеро *Ковшозеро* по форме – это действительно ковш с узким длинным заливом в виде ручки ковша, что отмечают и информаторы, ср. «Енарская речка она в ручку ковша (т. е. в длинный залив озера, напоминающий по виду ручку ковша) падает». При этом известно, что образ ковша широко использовался в топонимии восточной Финляндии как раз при назывании небольших озер с характерной ковшеобразной формой. Модель *Kapustajärvi* (*kapusta* ‘(деревянный) ковш’) является, судя по данным Топонимического архива Финляндии (*Suomen nimiarkisto*), типовой в топонимии Саво. В контексте многочисленных восточнофинских (карельских) следов в топонимии Заонежья нельзя исключать того, что заонежское Ковшозеро – калька прибалтийско-финского оригинального *Kapustajärvi, тем более что в русской топонимии Карелии и смежных областей данная образная модель не является продуктивной.

В свою очередь, за *Хмелезером* может стоять прибалтийско-финский оригинал в виде *Melajärvi (*mela* ‘кормовое весло’), так что Хмелезеро было первоначально *Мелозером, к которому в ходе русского освоения вырос протетический *х*. Аналогичный процесс проходил и в других заонежских топонимах: *Дристорозеро* из *Ристозеро (Косм), варианты *Клещевая губа* и *Лещевая губа* (Кажем), озеро *Хрыль* (Кажем), варианты *Ламбина* и *Пламбина* (Толв) и др.

Предложенные прибалтийско-финские оригиналы не содержат, таким образом, прибалтийско-финской основы епӓ. Однако из двух названных озер Хмелезеро, известное также как Большое Хмелезеро, является самым крупным озером в окрестностях Фоймогубы. К тому же именно из него вытекает Енарская река, а название реки

по озеру, являющемуся ее истоком, – универсальная топонимическая закономерность. Поэтому логичнее исходить из того, что именно Хмелезеро было известно некогда под именем *Enarvi < *Enäjärvi ‘большое озеро’. Возможно, это название бытовало на северном побережье большого, протянувшегося более чем на 15 км с севера на юг озера (рис. 7).

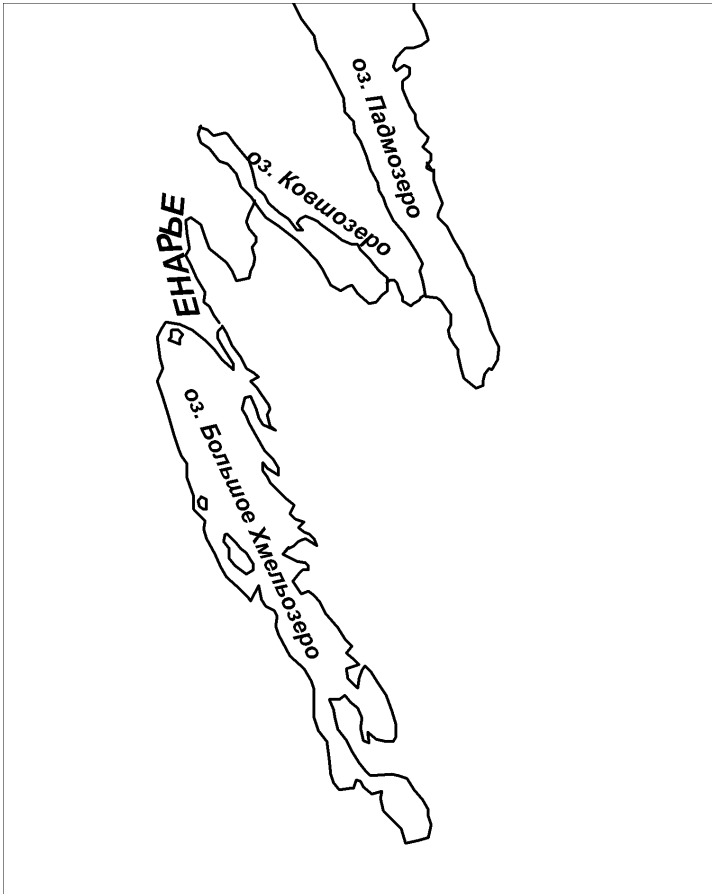

Рис. 7. Урочище Енарье в центральном Заонежье

Второй топоним с приб.-фин. основой *enā – это название острова *Вениш* или *Вяниш* в окрестностях деревни Вигово (Велик). Остров находится в заливе Виговская губа, в северном конце цепочки из пяти островов, из которых он является, безусловно, самым крупным. Замыкается же эта цепочка в ее южном конце Маленьким островком. На то, что острова воспринимались как единый архипелаг, указывает расположенный в центре цепочки Межестров. Основа меж- используется в заонежской топонимии для маркировки срединного расположения объекта называния. Приведенные ландшафтно-географические обстоятельства призваны подтвердить этимологию ‘большой’ для топонима Вениш, которая несколько затушевана современным фонетическим обликом названия. Известно, что в ходе интеграции топонимов с несвойственным русской фонетике начальным прибалтийско-финским *e* последний менял свое качество, либо сужаясь до русского *e* [je], как произошло в Енарье, либо переходя в огубленный *o* с возможным последующим наращением протетического *v*, по типу Enarv > Вонозеро [Муллонен 2002: 56]. В случае с Вениш протеза появилась перед приб.-фин. *e*, что в принципе может быть местной заонежской особенностью. Подобное усвоение наблюдается в Заонежье и у топонимов с начальным приб.-фин. *ä*, являющимся, как и приб.-фин. *e*, гласным переднего ряда, близким к нему по месту и способу образования. Перед *ä* также возможна протеза *v*, что подтверждает название входящей в состав Вегоруксы деревни Вянешполе из Änižruoli, т. е. ‘Онежская сторона’ куста поселений. Интересно в связи с этим, что за западными границами Заонежья, на территории современного Кондопожского района, аналогичный топоним воспринят в русское употребление как Янишполе.

Кабак-: ск., ливв. karakka, karakko ‘неровный (о замерзшей или высохшей земле), с рытвинами’ [KKS]. В карельской топонимии основа часто выступает в названии небольших, низко выступающих над водой островов с неровной поверхностью, где рытвины чередуются с более высокими местами. Такова, к примеру, характеристика трех островков под названием *Кабак* в Валаамском архипелаге [Муллонен 2003]. Никакого отношения к русскому слову

кабак, с которым связывает происхождение названия народная этимология, название не имеет.

Кабацкая луда на Падмозере (Паян), *Кабач* остров на Путкозере (Паян).

Кайд:- ск. *kaita*, *kaida*, люд. *kaid*, *kaide*, вепс. *kaid* ‘узкий’.

Кайда луда (Толв), *Кайдуша* поле (Дериг), *Кайдово* покос (Паян), *Кайдуши* деревня (Кажем), *Кайостров* или *Кадьостров* (Яндом).

Кив:- ск., ливв., люд., вепс. *kivi* ‘камень’. Малая продуктивность основы в топонимии Заонежья вызвана ее калькированием в ходе русской адаптации.

Кивручей (Фойм), *Кибручей* (Выр), *Кивручей*, известный также под названием *Каменный ручей* (Красная Сельга Карас), *Кивисельга* урочище (Велик), *Кивлуда* (Вегорукса Велик), *Кибручей* (Типин). В наименовании деревни *Кибитка* (Типин) закрепился, по всей видимости, прибалтийско-финский оригинал в виде *Kivikko из *kivikko* ‘каменистое место’. Для русских говоров Заонежья характерно усвоение приоб.-фин. геминаты -*kk*- как -*тк*-.

Кирвез:- ск., люд., вепс. *kirves*, *kirvez* ‘топор’. Основа популярна в карельских названиях озер. В Заонежье появление топонима *Кирвасозеро* (Кажем) связано, возможно, с формой озера, напоминающего внешними очертаниями лопасть топора.

Ковер:- ск. *kovera*, вепс. *kover* ‘кривой, изогнутый’.

Ковера поле дер. Гарницы (Сенн), *Ковырой ручей* (Маньшино Киж).

Лей:- заманчиво восстанавливать в основе ск. *levie* ‘широкий’, в котором произошло выпадение *v* в связи с его неустойчивостью в позиции между гласными, ср. аналогичным образом *Суйनावолок* (*suvi* лето, юг) в Заонежье, *Кийостров* (*kivi* камень, каменный), *Куйозеро* (*kuiv* сухой) в Присвирье [Муллонен 2002б: 68]. Этимология не противоречит ландшафтной характеристике: *Лейनावолок* в окрестностях дер. Оятевщина (Киж), как и *Лейनावолок*, вдающийся в Онежское озеро между Яндомозером и Типиницами, могут

действительно быть охарактеризованы как широкие. Соответствующая русская модель – *Толстый наволок* (см.).

Лит-: ск. *liete*, люд. *liete*, *lieteh*, вепс. *lete* ‘песок; низкий песчаный берег’.

Литеренда (-рендa < * -randa ‘берег’ по аналогии с переднерядной огласовкой предшествующих слогов) берег Путкозера (Паян), *Литеги* поле (Дериг), *У Литяга* поле (Сенн), уроч. *Летелакса* (с вариантом *Пески*) (Велик).

Мар-: в восточных финских говорах бытует географическая лексема *maru* ‘крупный песок, песчинки величиной с горошину или зернышко’, *mareikko* ‘песчаная или каменистая отмель в озере, на которой устанавливаются ловушки на налима’ [KMS]. Судя по топонимическим фиксациям, слово бытовало некогда и в языке прибалтийско-финского населения Заонежья.

Маренница поляна на берегу Яндомозера (Есино Яндом), при этом южная часть Маренницы известна под названием *Пески* или *Песочная поляна*, в котором допустимо предполагать перевод оригинального прибалтийско-финского наименования. Побережья острова *Маренник* (Кузар) устланы крупным песком.

Муда-: ск. *muda*, *muda*, люд., вепс. *muda* ‘ил’.

Мудайгуба залив (Кажем), *Муталакша* (с вариантом *Болото*) залив (Сенн), *Мудалакша* залив (Вегорукса Велик), *Мудлакша* залив (Киж).

Муст-: ск. *musta*, люд. *must*, *muste*, вепс. *must* ‘черный, темный’.

Высокий лесистый *Мустнаволок* в Сенной губе является юго-западным берегом залива *Мушгуба* (с вариантом *Музгуба*) и препятствует проникновению солнца, с чем и связан топоним.

Названная прибалтийско-финская основа присутствует также в названии дер. *Мустово* (Пайн), однако в данном случае ее происхождение связано с антропонимом, который был свойствен древнему прибалтийско-финскому ономастикону (см. подробнее в разделе «Человек и его имя...»).

Пальяк: ск. *paljas*, люд., вепс. *paŋʹaz* ‘голый, без растительности’. По свидетельству материалов прибалтийско-финских языков производное, оформленное суффиксом -к, -кка (в финских говорах *paljakk* ‘безлесная макушка горы’, в эстонском *paljak* ‘голое место’), является существительным [SSA], что, видимо, предопределило его самостоятельное (без оформления детерминантом) функционирование в заонежской топонимике.

Пальяка луда в Заонежском заливе (Паян), *Большой Пальяк* или *Гулярный остров* (Велик).

Пень-: ск. *pieni*, люд. *pień*, *pieni*, вепс. *peń* ‘маленький’.

Пинейनावолок мыс на полуострове Клим (Толв), *Пеньгуба* залив в Путкозере (Дериг). Видимо, данная прибалтийско-финская основа скрывается и в названии островка *Пень* или *Пеньки*, расположенного в Виговской губе (Велик) и замыкающего череду из пяти островов, из которых первый носит название Вениш или Вяниш ‘большой’ (см.). Для топонима существует также вариант *Маленький остров*.

Питьк-: ск. *pitkä*; люд. *pitk*, *pitke*, вепс. *pit'k* ‘длинный’.

Питьягуба залив на западном побережье Большого Леликовского острова, расположенный рядом мыс *Питьनावолок* или *Питишный Нос* (Сенн).

Ред-: ск. *retu*, люд., вепс. *redu* ‘грязь’.

Редайгуба залив Ванчезера с сильно заболоченными берегами (Кажем).

Розм-: ск. *guosme*, *guozme*, люд. *guozme*, вепс. *rozme* ‘ржавчина (в болоте, на воде)’.

Розмега поляна (Кузар), в котором отразился исторический конечный согласный (*rōsmek). По-видимому, данная основа присутствует также в названии болота *Розный Мох* (Велик), в котором в ходе усвоения топонима в русское употребление произошла ассимиляция согласных внутри основы, а также оформление последней по типу прилагательных, обычное для Заонежья.

Рускет-: ск. *guskie*, люд., вепс. *gusked* ‘красный; красивый’. В топооснове отразился вепсско-людиковский облик прилагательного:

Рускетнаволок мыс на Климецком острове, в окрестностях бывшего Климецкого монастыря (Сенн).

Сит-: вепс. *sit* ‘кал, помет; грязь’ [СВЯ]. Карельские соответствия с начальным *š* (*šitta*, *šittu*, *šit*, *šitte*) менее надежны в роли этимонов топонима, хотя нельзя исключать смену качества звука в ходе русской адаптации. По мнению исследователя карельской топонимии В. Ниссиля, данная основа использовалась в топонимии в значении ‘грязный, илистый, плохой, ненужный’ [Nissilä 1939: 90], что в принципе могло послужить основанием для названия окруженного болотом озера *Ситозеро* (Карас) и обширного топкого болота *Ситомох* (Типин). С другой стороны, в собственно-карельских говорах слово используется также в значении ‘ржавчина’ [KKS], которое естественно – даже, может быть, более естественно – для названия болота, чем традиционно представляемое.

В названии островов *Ситостров* (Паян), *Сидостров* (Дериг), *Сидостров* (Сенн), *Ситостров* (Велик), возможно, кроется свойственная топооснове семантика ‘маленький, незначительный’.

Тережье: ср. продуктивная карельская топонимная модель для названия ручьев, небольших рек, выраженная причастием: *törisijä* ‘журчащий’ [Kiviniemi 1971: 60–85].

Тережье деревня в устье *Тережской реки*, текущей в скалистых берегах и имеющей довольно быстрое течение (Кажем).

Умп-: ск. *umpi*, *umbi*, люд. *umbi*, вепс. *umb-* (*umbes*, *umbhe*) ‘закрытый, замкнутый, не имеющий выхода’. Основа представлена, по крайней мере, в одном топониме – названии залива *Умппога* (Ламбасручей Велик) < *Умппога, приб.-финский оригинал которого имел вид *Umprohja < *Umpirohja ‘закрытый (т. е. не имеющий выхода) конец залива’.

ДОРОЖНАЯ ТОПОНИМИЯ

В данном разделе приводятся топонимные модели, в которых закрепились лексемы, отражающие дорожную сеть Заонежья на разное время. Их анализ позволяет, в частности, реконструировать некоторые фрагменты старых дорог этой локальной территории. Вначале в форме словаря приводятся все выявленные «дорожные» основы с примерами их бытования. В заключение обобщается языковая информация и предлагаются некоторые наблюдения этноисторического характера.

Русские топоосновы

Волок: воло́к ‘дорога от деревни к деревне, через лес, лесной перегон’ [СРГК], ‘лесная гужевая дорога; расстояние между двумя селениями, перегон по гужевой дороге; глухой большой лес без дорог, откуда срубленные деревья вывозятся волоком’ [СРНГ]. Характеристика мест, в наименованиях которых употребляется лексема *воло́к*, – узкая часть длинного мыса, основание мыса – свидетельствует о том, что некогда в Заонежье слово бытовало в изначальном значении ‘сухая часть пути между водоемами, через которую перетаскивают лодки или переходят пешком’. При этом идентичность мест с названиями, в которых присутствует, с одной стороны, русская лексема *воло́к*, с другой – прибалтийско-финская *matka* (см.), подтверждает косвенным образом наличие древней семантики ‘воло́к’ у прибалтийско-финского слова.

Волочек – место в основании мыса Карнаволо́к, на котором расположена центральная часть села Толвуя (рис. 8). Там еще и сейчас видны следы канавы, указывающие на то, что место использовалось для перетаскивания лодок. *Ближний Волок* и

Дальний Волок – сельскохозяйственные поляны на узком перешейке между Космозером и Челозером к югу от дер. Узкие (Косм); *Низкие Волочки* покос (Паян), *Большой Волок* поле (Кажем), *Волочская поляна* на пути из дер. Нижнее Мягрозеро к берегу оз. Ванчозеро (Кажем).

Рис. 8. «Матки» (волоки) на полуострове Клим

Дорога: По статусу главными были почтовые дороги, ср. название *Почтовая дорога* по отношению к современной автомобильной дороге, соединяющей в южном Заонежье село Великая Губа, с одной стороны, с Космозером, Великой Нивой и далее с Толвудей (основная современная дорога, пересекающая Заонежский полуостров), с другой стороны, с Усть-Яндовой, Типиницами и Тамбидцей (утратила значение главной дороги в современном Заонежье).

В отличие от них все остальные дороги, в том числе и лесные тропы, назывались дорогами, что хорошо видно в топонимии: дорога из дер. Кибитка в дер. Никитина называлась *Никитинской*

дорогой, а в дер. Поля – *Полевской дорогой* (Типин). *Вегорукская дорога* – лесная тропа вдоль Лейреки из Вигово и Вегоруксу (Велик), *Липручьевская дорога* – тропа из дер. Палтега в урочище Липручей (Великон), из Типиниц в Вороний Остров параллельно *Воронской дороге* шла на одном участке еще и *Старая дорога* (Типин).

В топонимии Заонежья дорога часто выступает не только в наименованиях дорог и троп, но и в качестве названия сельскохозяйственных и лесных угодий, расположенных вдоль дорог, в том числе и заросших:

Гладкая Дорожка поляна за дер. Усть-Яндома (Велик), *Гладкие Дороги* – поляна на высоком сухом месте в уроч. Теркалье у Великой Губы (Велик), поляна *Горняя Дорога* по тропе, ведущей от деревни к Садамгубе (Типин), *Мельницкая Дорога* – поляна у бывшей дороги на мельницу (Яндом).

Зимн-: Зимники (или зимние дороги) были важным элементом традиционной дорожной сети. Они значительно сокращали путь в зимнее время. По ним вывозили сено с покосов, к которым не подходили никакие летние дороги. Зимники проходили по замерзшим болотам, руслам рек, через озера и озерные заливы.

Память о старинных толвуйских зимниках сохраняется во многих топонимах Толвуйской округи. Чаще всего в современной топонимической номенклатуре они представлены наименованиями сельскохозяйственных угодий, островов, лесных угодий. Картографирование их позволяет реконструировать некоторые из традиционных зимних дорог или их участки. Так, небольшой островок у западного берега полуострова Клим носит название *Зимники*: через него шла по льду Толвуйского залива зимняя дорога, соединяющая между собой деревни Кривоноговская и Лебещина. Покос под названием *Зимник* располагался за кузарандскими деревнями Заболотье и Трошево, он прилегал к старинному зимнику, проходившему через болота Пустырный мох и Мурый мох и соединявшему северный край Кузаранды с Вырозером. *Зимнее болото* и поле *Зимник* известны в окрестностях дер. Толстикова в Толвуге, покос *Зимник* у деревни Бор-Пуданцев, местечко *Зимник* между деревнями Белохино и Толвуйский Бор, поле *Зимник* за деревней Широкие Поля в

Вырозере. Из деревни Заречье в деревню Свечниковскую (Вырозеро) шли *Зимняя дорожка* и *Летняя дорожка*. Эти и другие «зимние» топонимы свидетельствуют о широком бытовании как местных, так и более известных зимних путей в Толвуйской округе.

Память о зимниках, проходивших в других концах Заонежья, хранят топонимы *Зимник* на юго-восточном берегу Мунозера (Карас), *Зимнее озеро* и *Зимняя гора* на водоразделе Святухи и Хмелезера (Косм), *Зимник* или *Зимковицина* на водоразделе Вегорукской губы и Леликозера (Велик), урочище *Зимник* между Юлмаками и Падмозером (Фойм), залив озера Хмелезеро *Зимник*, через который проходил зимний путь из Фоймогубы в Космозеро (Фойм), остров *Старый Зимник* у восточного берега Пигмозера (Кажем), залив *Зимняя Губа* (Сенн) и др.

В отличие от антонимичной основы летн(-ий), выступающей как правило в значении ‘южный’ (*Летняя Нива* (Выр), *Летнее поле* (Фойм)), основе зимн(-ий) семантика ‘северный’ не свойственна.

Крест-: топонимы с основой крест маркируют, как правило, места, где в прежние времена стоял поклонный крест (обычно у перекрестка дорог). В Заонежье существовала также традиция установки крестов на озерных мысах.

У *Крестика* покос (Кузар), *Крестовый наволок* мыс (Кузар), *Крестовуха* перекресток (Выр), *Крестово* урочище (Паян), *Крестово поле* (“был крестик о дорогу”) у дер. Кривоноговская (Толв), *Крестовка* скала (Дериг), *Крестовое поле* (Сенн), *Крестик* поляна (Типин), *Крестов обод* поляна на перекрестке дорог (Яндом), *Кресты* – пристань на восточном берегу Яндомозера, через которую осуществлялась связь между Яндомозером и Великой губой. Примечательно, что данное место известно также под названием *Зимник*, указывающим на то, что и зимняя связь между данными центрами осуществлялась по этому же маршруту.

Основа использовалась также в названиях пограничных объектов (см. в разделе «Границы...»).

Летн-: в топонимии обычна семантика ‘юг, южный’. Типовой моделью в Заонежье является *Летнее поле* – наименование примы-

кающего к деревенским домам с юга поля. Основа используется также для маркировки «летних» (в отличие от зимних) дорог: *Летняя Дорога* угодье (Типин), *Летник* дорога (Выр), *Летник* угодье (Косм). В этих заонежских фиксациях выступает обычно в паре с обозначением зимника: *Зимняя дорожка* и *Летняя дорожка* (Выр), угодья *Зимник* и *Летник* на противоположных берегах Святухи (Дриска Косм). При этом в продуктивности *Летник* (*Летняя дорога*) значительно уступает модели *Зимник*, поскольку летние дороги, как правило, маркируются лексемой дорога (см.).

Лющик: лющик, людщик ‘дорога’. Эта древнее новгородское слово, зафиксированное в материалах по Новгороду XII–XIII веков и бывшее в употреблении еще, по крайней мере, в XVI веке [Арциховский 1963: 94], не отразилось уже в материалах диалектных словарей. Очевидно, оно было утрачено из апеллятивной лексики, хотя примеры его топонимного функционирования изредка встречаются [Муллонен 2002б: 311]. В Заонежье известен по крайней мере один такой топоним – название поля *Лющик* у дер. Никитинская (Выр). Истоки топонима неизвестны местным жителям. Между тем поле находится у теперь уже почти заросшей дороги, соединявшей деревни Алексеевская и Никитинская, причем в месте, где от нее отходит тропа, ведущая через брод на другой берег реки Калей. Такое расположение, кажется, подтверждает этимологию и одновременно реконструирует важный в прошлом участок местной дорожной сети.

Мост: слово используется как для обозначения речных мостов, так и в качестве термина, называющего мостки, переходы через низинные грязные болотистые места.

Примерами использования слова в первом значении могут быть *Высокий мост* через р. Маткозерку (Вегорукса Велик), *Земляной мост* в Типиницах через р. Ближнюю (Типин), *Палтегский мост* через р. Путкозерку в районе дер. Палтеги (Великон). *Каменный мост* соединяет остров, на котором стояла дер. Вигово, с материком, следом за ним по дороге в Загубье был *Средний мост* в устье р. Лейреки и далее *Уиковый мост* через болотистую низину (Велик).

Во втором значении слово выступает в следующих примерах: *Долгие мостки* через болотину по пути из дер. Чудсельга к лесным полянам (Великон), *Долгий мост* через болотистую низину по лесной дороге из Марковщины в Мягкую Сельгу (Яндом), *Каменный мост* через грязное место у Вороньего Острова (Типин).

Перемена: основа используется в наименованиях островов, иногда озерных мысов, служивших для гребцов меткой: здесь гребцы сменялись.

Перемена остров (Сенн).

Перевоз: в СРГК зафиксировано (под вопросом) как заонежское слово перевозник в значении ‘очищенный от леса берег озера’. Очевидно, более корректно перевоз или перевозник может быть охарактеризован как место на противоположном от деревни берегу озера, куда причаливала лодка, перевозившая путников через озеро. Лодку, по свидетельству информаторов, вызывали криком или «дымом», т. е. разведя дымный костер [Агапитов 1989: 94].

Перевозник – западный, противоположный от села Хашозеро берег озера (Дериг), *Большой Перевозник* и *Малый Перевозник* поля у перевоза через оз. Ладмозеро (Кажем), место под названием *У Перевозу* на восточном берегу озера Мунозеро, напротив одноименной деревни (Карас), мыс *Перевоз* (Глебово Киж), остров *Перевозница* (Жарниково Киж).

Переход: В Заонежье неоднократно отразился топоним *Переходы*, маркирующий лесные тропы, проходившие через леса и болота. Таковы местечко *Переходы* у тропы, ведущей из дер. Шоглово в дер. Пургино через Шогловское болото (Косм); *Переходы* между двумя болотами на пути из дер. Вигово к берегу Онежского озера (Велик); урочище *Переходы* в центральном Заонежье между деревнями Поля и Холмы по лесной тропе, позволяющей значительно сократить путь (Типин); поляна *Переходы* на юг от Пегремы, в месте, где начинался сухопутный участок пути к деревне напрямик через лес (Велик), урочище *Переходы* (Яндом), поляна *Переходы* и рядом скала *Переходская щельга* (Кургеницы Киж).

Мотив названия хорошо ощущается информаторами, что можно рассматривать как свидетельство использования данных троп вплоть до недавнего прошлого.

Плаха: плаха ‘мост [из одной доски – МИ], переброшенный через речку, ручей’ [СРГК].

У *Плахи* поле (Дериг), *Плашья поляна* рядом с мостом через Пармин ручей (Софроновская Выр).

Плавник: плавник ‘наплавной мост’ [СРГК].

Основа характерна для названий болот, болотистых мест, через которые сделан наплавной мост: *Плавник* мост через болотистое место (Кажма), поляна *Плавник* (Кургеницы Киж), *Плавник* болото в окрестностях дер. Сибово (Велик), бол. *Плавники* на берегу *Плавницкой губы* у дер. Вигово (Велик). В последнем случае мост по дороге от деревни к лесным покосам находится в месте, где дорога пересекала самый узкий участок болота. Показательно, что старое название моста – *Котков Мост* – сохранилось в наименовании примыкающей к мосту поляны. Оно, очевидно, восходит к известному в карельских говорах саамскому заимствованию *kuotkuo* ‘узкий перешеек’ [SSA], которое отражает главную ландшафтную особенность местности. Современное название моста – *Ушков мост* – связано с расположенной рядом *Ушковой поляной*.

Половина: выступает в наименованиях угодий, расположенных на полпути между населенными пунктами, реже другими объектами.

Половинная Ель остров на полпути между дер. Кондобережская и Сибово (Велик), *Половина* – второе название Садамгубского ручья, а также моста через него, расположены на полпути из Типиницы в Вороний Остров (Типин), *Половинная гора* на полпути от дер. Кондобережской в Великую Губу (Велик), *Половинная луда* на водном пути из дер. Вигово в Великую Губу (Велик), *Половинный крест* вдоль лесной тропы из Юлмаков в Толвую (Толв).

Многие из перечисленных и других топонимов этой группы маркируют деревенские и волостные границы. Особенно интере-

сен в этом ряду *Половинный бор*, расположенный на пути из дер. Вигово Великогубской волости в дер. Липовицы Кижской волости. Он примыкает к озеру *Пижей*, название которого объясняется как раз в контексте пограничной локализации озера, а также смежного его расположения с Половинным бором. Оно восходит к приб.-фин. *ruhä* 'святой', служившему своеобразной пограничной меткой (см. в разделе «Границы...»), в котором в ходе русского освоения произошли значительные фонетические сдвиги.

Улица: слово использовалось в Заонежье обычно в значении 'прогон, т. е. обнесенная изгородью дорога, по которой выгоняют скот на пастбу', что и отразила топонимия.

Уличка пастбище (Кажем), *Заболоцкая Улица* поле (Сенн), *Уличка* место на берегу Большого Онего, куда выводит тропа из Вегоруксы (Велик). Об одноименном месте в окрестностях соседней деревни Пегрема известно, что уходящая в лес *Уличка* использовалась для выгона скота (Велик). Поле *Конец Улицы* находится у дороги, ведущей из деревни к лесным урочищам, причем является последним перед лесом полем (Высокая Нива Типин). Аналогичным образом характеризуется расположение поля *Конец Улицы* в дер. Дальние Межники (Выр).

Ряд «дорожных» топооснов не ограничивается представленным списком. Его могут продолжить названия, связанные с обозначением оград и калиток, мест отдыха, каких-то приметных объектов вдоль дорог. К последним относятся большие одиночные деревья – сосны и ели, помечавшие часто перекрестки дорог. *Кошенинская ель* стояла некогда в месте, где от основной дороги отходила тропа в урочище Кошенина (Петрово Кузар), а *Красная Сосна* (название урочища) помечала перекресток дорог Терехово – Шоглово – Пургино (Косм). В заонежской микропонимии неоднократно повторяются названия привязанных к дорогам мест *У Сосны* (Утицино Яндом, Загорье Кузар), *У Сосоньев* (Палтега Великон), *У Сосоны* (Керака Великон), *Сосенское поле* (Куднаволок Дериг), *У Ели* (Усть-Яндома Яндом), *Ельное поле* (Хашезеро Дериг) и др.

Прибалтийско-финские топоосновы

Валгом-: ск. *valkamo*, люд. *valgam*, *valgamo*, вепс. *valdmad* (множ. число), *vougma* ‘причал, мостки’ [SSA].

Глубокие Валгомы покос (Паян), *Валгомозеро* (Дериг), *Высокие Валгумы* урочище (Косм).

Матка: ск. *matka*, ливв. *matku*, люд. *matk*, *matku*, *matke*, вепс. *matk* ‘путь, дорога, расстояние’. Анализ географического положения объектов, в названиях которых выступает основа *матка*, позволяет констатировать, что в топонимии Заонежья прибалтийско-финская лексема использовалась не столько в современном, сколько в примарном значении ‘путь посуху, волок’. Эта семантика надежно подтверждается двумя топонимами в окрестностях с. Толвуя – историческим названием дер. Лебещина *Лебежья Матка*, а также уроч. *Рудаматка* (рис. 8). В обоих случаях речь идет об объектах, расположенных в двух самых узких, наиболее удобных для преодоления местах протянувшегося в длину на 8 км полуострова Клим. *Рудаматка* располагается в основании вдающегося глубоко в Онежское озеро полуострова Клим, между бывшей деревней Шитикова (в старых источниках она названа деревней «на Рудове в Наволок») на западном и деревней Засележье на восточном побережье полуострова. Чтобы не огибать длинный мыс, лодку в наиболее узком и удобном месте перетаскивали посуху³. Впрочем, лодку могли и оставлять на одной стороне перешейка, с тем чтобы на противоположной пересечь в другую или продолжить путь пешком. Географические реалии говорят в пользу того, что следовавшие из Кузаранды, скорее всего, высаживались из лодки в Засележье и через Рудаматку перебирались в район деревни Шитики, откуда продолжали путь в Загубье или центр погоста Толвую. Те же, кто следовал в Падмозеро, на Палеостров и дальше, выбирали,

³ Такая традиция хорошо известна на севере. Место такого волока на оз. Пяжозеро в южном Обонежье называют по-вепски *Venehte* ‘лодочный путь’, а на оз. Маслозеро в карельском Сегозерье *Vedosija* (*vedo-* ‘тянуть, тащить’, *sija* ‘место’, т. е. место, через которое тянут лодку).

скорее, другой волок, располагавшийся севернее, в самой узкой части полуострова Клим, в районе современной Лебещины, т. е. Лебежью Матку.

Топонимы с элементом *матка* фиксируются и в других местах Заонежья, в частности, целое их гнездо известно в Шуньге: *Ружематка*, *Салагматка*, *Региматка*, *Каменная Матка* и др. Целый ряд древних сухопутных «матк» располагался на перешейке, разделявшем узкие и длинные озера Падмозеро и Путкозеро на западной окраине Толвуйского погоста. Так, самый короткий путь из Толвуи в Фоймогубу шел, очевидно, через Белохино, где пересекали на лодке озеро Падмозеро и высаживались на берегу залива *Салажьей Матка*, откуда и брал начало сухопутный участок пути, завершавшийся в районе мыса Корюший Нос на восточном берегу Путкозера. Длина «матки» составляла около 4 км. Один из ее участков – от берега Падмозера до дер. Ботвинщина – назывался *Высокая Матка*, поскольку проходил по сухой боровой местности. Южнее Салажьей Матки водораздел между Падмозером и Путкозером пересекала *Ветхая Матка* (в названии скрывается семантика ‘старый волок’), а севернее – *Онеженская Матка* и *Киматка*. Залив под названием *Матка* или *Ванькина Матка* находится на берегу Повенецкого залива Онежского озера между Падмозером и дер. Бор-Пуданцев. Именно отсюда шла тропа от Онежского побережья до Паяниц. Ею пользовались прибывающие как с севера, с Шунгской стороны, так и с востока, из Толвуи и Челмузей. Есть известия о том, что на берегу залива стояла часовня.

В Кузарандской округе зафиксировано название сельскохозяйственной поляны *Кошкина Матка*, при этом расположение поляны между берегом Вицинской губы Онежского озера и удаленной от озерного побережья приблизительно на 1 км деревней Кошкино свидетельствует о том, что поляна находится на старой «матке», т. е. сухопутной дороге, связывавшей дер. Кошкино с берегом Онежского озера. Очевидно, тот же смысл (‘сухопутный участок пути’) скрыт в топониме *Вырозерская Матка*, зафиксированном в Толвуйском погосте в документе XVI века

(«на Вырозерской Матке тоня»)⁴. Не вполне ясно, отразился ли в документе топоним, который известен в современной топонимии окрестностей Вырозера как залив *Матка* у деревни Никитинской, или этот топоним использовался применительно к более близкому от центра Вырозерского погоста заливу, например, Никольскому, в котором, кстати, известна тоня под названием *Сторонница*.

В Великогубской волости наиболее примечательными являются урочище *Матка*, расположенное на противоположном от дер. Сибово берегу залива Великая губа, откуда начинался сухопутный участок дороги до кижской дер. Липовицы. Целым рядом «матк» маркирован перешеек между заливом Великая губа и западным берегом Яндомозера, среди них *Кривая Матка* и *Легкова Матка*, привязанные к путям, идущим из дер. Кондобе-режская.

Очень наглядно примарная семантика прибалтийско-финского слова представлена в названии местечка *Маточка*, расположенного в самом основании узкого длинного мыса, на котором находился старый Яндомозерский Погост. В свою очередь, топонимом *Ветхая Матка* помечался участок старой дороги из Типиницкой бухты в дер. Типиницы.

В целом многочисленность «матк», а также употребление их в топонимах в роли самостоятельных структурных элементов в составе топонимов-словосочетаний (*Лешие Матки*, *Ветхая Матка*, *Горелая Матка* и др.) наводит на мысль о том, что лексема *матка, не зафиксированная в русских говорах Заонежья источниками, в определенный период времени все же могла существовать в них наравне с целым рядом других слов, заимствованных из прибалтийско-финских языков. В свою очередь, топография «матк» указывает на динамику в развитии семантики слова от 'волока' к 'сухопутному участку пути'.

---

⁴ Писцовая книга рыбных ловель в Егорьевском в Толвуе и в Никольском в Шунге погостах письма Григория Волосатого и подьячего Федора Нестерова // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. СПб., 1999. С. 3.

Мел-: ск., люд., вепс. *mela* ‘весло’. Включение данной основы в ряд дорожных связано с тем, что в вепсской топонимии она довольно последовательно использовалась в наименованиях примыкающих к водоразделам водных объектов (озер, рек), находившихся на водно-волоковых маршрутах. Основа служила знаком того, что здесь заканчивался пеший участок маршрута и начинался водный, гребной этап [Муллонен 2002б]. Название расположенного на западной окраине Заонежья залива *Мелойгуба* отвечает как раз этим условиям, ибо он привязан к древнему водно-волоковому транзитному пути из Присвирья в Беломорье. При этом именно в Мелойгубе завершался многотрудный волоковой этап через Заонежский полуостров и начинался протяженный водный участок вдоль Уницкой губы и залива Большое Онего. В контексте вепсских параллелей существенно то, что в районе Мелойгубы обнаружены курганы X–XI веков, входящие в один ряд с вепскими курганами Юго-Восточного Приладожья [Кочуркина 1989]. Это дает основание видеть в топониме *Мелойгуба* старое вепское наследие, которое, кстати, обнаруживается и в ряде других топонимных моделей вдоль представленного транзитного маршрута [Муллонен 2002б]. Подобная интерпретация топонима представлена и в статье В. А. Агапитова [1989].

Конечное оформление атрибутивного элемента мелой- является закономерным для Заонежья при адаптации прибалтийско-финских топонимов с двусложным атрибутом, оканчивающимся на -а/-ä: залив *Перыйгуба* (Вигово Велик) – *perä* ‘задний, расположенный сзади’, залив *Галайгуба* на Яндомозере (Яндом) – *halla* ‘заморозок’ и др.

Садам-: фин. *satama*, эст. *sadam*, лив. *sadām* ‘пристань, причал’ [SSA]. По предположению SKES слово, видимо, было заимствовано из финского в ливиковский диалект карельского языка в виде *sadamu* ‘лодочный причал’ (заметим, что SSA уже не приводит данного заимствования). Лексема отсутствовала, таким образом, в восточных прибалтийско-финских языках, которые прежде всего сформировали прибалтийско-финскую топонимию Заонежья. Поэтому возведение к ней названия залива *Садамгуба* в окрестностях дер. Типиницы ненадежно. Хотя, с другой стороны, этимология,

кажется, хорошо подтверждается как ландшафтно-географическими обстоятельствами, так и рассказами наших информаторов о том, что по берегам залива, изобилующего сенокосными угодьями, были многочисленные лодочные причалы.

Тайбола: ск., ливв., люд. *taival, taibal, taibaleh* ‘путь, расстояние; переход (например, из деревни в другую по глухой лесистой местности); перешеек между двумя водоемами’ [ПФГЛК]. Вепсскому языку слово неизвестно. Из прибалтийско-финских языков слово заимствовано в русские говоры: тайбола ‘густой лес на сырой болотистой местности, через который можно пройти только зимой; нежилое пространство; путь, (лесная) дорога’ [ПФГЛК]. Значения слова группируются вокруг ядра ‘сухопутный участок пути,’ которое, очевидно, и было основным в момент возникновения лексемы. Его хорошо отражает название лесного урочища *Тайбола*, расположенного на перешейке между северным концом залива Онежского озера Великая губа и южным концом озера Космозеро (Косм). Целый ряд косвенных признаков указывает на то, что именно здесь проходил один из маршрутов освоения внутренних районов Заонежского полуострова (см. подробнее в разделе «Границы...»). Оно менее выражено в наименовании сельскохозяйственной поляны *Тайболки* на водоразделе реки Путкозерки и Савручья (Палтега Великон), а также в названии лесного урочища *Тайбола* в южной части Клименецкого острова (Конда Сenni), географическая характеристика которых, скорее, выводит на семантику ‘переход между деревнями по глухой лесистой местности; глухой лес’.

Данная модель значительно уступает в продуктивности семантически однородной модели *Матка* (см.), что может быть обусловлено отсутствием термина taibal в вепсском языке.

Толвуя: карел. *talvi*, вепс. *talv* ‘зима, зимний’. При значительной активности основы в прибалтийско-финской топонимии Карелии, где она выступает для маркировки зимников (зимних дорог), обращает на себя внимание практически полное отсутствие ее следов в Заонежье. Надо полагать, что в процессе формирования русского топонимного пласта прежние прибалтийско-финские геогра-

фические названия с этой основой постепенно были либо утрачены, либо переведены с помощью соответствующих русских топонимных моделей. Исследование механизмов контактирования разноязычных топонимных систем показывает, что при наличии семантически однородной модели заимствование – естественная ситуация. Топонимная основа *зимний, зимник* входила в разряд типовых русских топооснов, поэтому в целом легко замещала семантически равнозначную прибалтийско-финскую основу *talvi.

В Толвуйской округе есть все же, по крайней мере, один топоним, сохранивший память о зимней дороге дорусского Заонежья. Это название центра погоста *Толвуя*. Топоним полностью укладывается в ряд соответствующих карельских или вепсских сложных по структуре наименований, начальный элемент которых выражен лексемой *talvi, talv*, а конечный элемент *-уй (Толвуй)* или *-уя (Толвуя)* восходит к прибалтийско-финскому *оја* ‘ручей, небольшая река’. Прибалтийско-финский оригинал названия, таким образом, выглядел как *Talvoja ‘зимний ручей’ и был усвоен в русское употребление способом так называемой прямой адаптации, когда оригинальное название переходит в русскую систему наименований с минимальными изменениями (последние касаются фонетического облика топонима, к чему мы вернемся ниже). В Заонежье в целом преобладает иной тип адаптации сложных по структуре прибалтийско-финских оригиналов – так называемое калькирование с образованием полукалек, в которых второй структурный элемент исходного названия, несущий разрядное, классификационное значение, переводится на русский язык: в Толвуе *Гарьюсручей* (**Harjus/oja* ‘горный ручей’, ср. *harju* ‘вершина, горный хребет’), *Кивручей* (**Kiv/oja* ‘каменный ручей’), *Рыдручей* (**Rid/oja* ‘ловушка – ручей’). Однако здесь встречаются и названия типа Толвуя, образованные в соответствии с моделью прямой адаптации. В случае с *Толвуйей* сохранение прибалтийско-финского оригинала спровоцировано тем, что уже рано он закрепился в составе ойконима, т. е. наименования поселения, так что элемент *-оја* уже не выполнял в нем роль классифицирующего географического термина и поэтому не переводился. Видимо, по этой же причине не был переведен

и первый элемент названия *Толвуйа*: первоначальная семантика топонимов в результате перехода топонима из разряда гидронимов в разряд наименований поселений была утрачена.

Где же протекала река под названием Толвуйа? Сейчас в окрестностях села Толвуйа есть две небольшие речки: Царевка, которая впадает в залив Каргуба в непосредственной близости от центра села, и Калей или Калейручей, впадающий в Толвуйскую губу в 3 км от центра села на восток, по дороге к самым удаленным деревням Толвуйского куста поселений – Лебещине и Кривоноговской. Казалось бы естественным полагать, что название Толвуй или Толвуйа носила прежде река Царевка, однако исторические документы опровергают это предположение. В них современная Царевка последовательно называется рекой Корбой или Карбой, что устанавливается по наименованиям прилегающих к реке деревень, сохранившихся до сегодняшнего дня. А вот река Толвуйа появляется несколько раз в связи с названиями поселений, расположенных в нижнем течении современной реки Калей, между Загубьем и Вырозером. В самом деле, в документах XVII века упоминается «д. Рыкачева (современная дер. Рохкачевская в составе Вырозера) на реке Толвуйе», XVI–XVII веков – «д. Олексева (современная д. Алексеевская в составе Вырозерской волости) Подгорье на реке Толвуйе», наконец, «д. Ямычева (или Емьчево, Омчево) на устьи реки Толвуйи» [Витов, Власова 1974: 33, 34, 53], которая известна сейчас под названием Емучевская.

Река Калей, или, иначе, Калейручей, вытекающая из озера Калье, или Кальезеро, фактически пересекает территорию древнего Толвуйского погоста с юга на север и протекает через земли Кузарандской, Вырозерской и Толвуйской волостей. Вполне логично полагать, что на разных участках река могла называться по-разному: в верхнем течении Калей (*Kalei < *Ka'olja 'скалистый ручей') по озеру Кальезеро 'скалистое озеро', а в нижнем – Толвуй (*Talvoja 'зимний ручей'). Подобная ситуация обычна для наименований линейных объектов. Между прочим, и сейчас нижний участок р. Калей имеет свое название – Езовец (с вариантами Ежевец, Езевец, Язовец). Народная этимология склонна связывать истоки топонима с тем, что сюда поднимался весной язь, однако более оправданно сопоставление с извест-

ным в русских говорах Карелии словом *ез* ‘преграда из свай, кольев, вбитых в дно реки и оплетенных прутьями, с промежутками, в которые вставляются рыбные снасти; закол’ [СРНГ].

Итак, *Толвуйей* называлась первоначально река (точнее, нижний участок реки), известная на современной карте как р. Калей. В нижнем течении река протекает в низких, заболоченных берегах. Логично предполагать, что в зимнее время русло реки могло использоваться как зимний санный путь, ведущий вглубь полуострова и использовавшийся для связи с Вырозером и Кузарандой. Отсюда и название *Толвуя* – ‘зимний ручей’.

В связи с прибалтийско-финскими истоками топонимов Заонежья встает вопрос об их более точной этноязыковой интерпретации. Топооснова *talvi-* ‘зимний’ не является этнодифференцирующей, поскольку в одинаковой степени присуща и вепсской, и карельской топонимической системе. На основе некоторых косвенных признаков можно все же осторожно высказаться в пользу вепсских истоков топонима. К таким косвенным признакам относится, в частности, наличие дифференцирующих вепсских топооснов в Толвуйской округе. Такова основа *кар-* (вепс. *kar* ‘бухта, залив’), непродуктивная, как показывают наши материалы, в сугубо карельской топонимии [Муллонен 1997]. Она закрепились в Толвуйе в названиях *Каргуба* и *Карнаволок* – соответственно залив и мыс, на берегу которых стоит село Толвуя. Материалы письменных источников начала XVII века приводят в окрестностях Толвуи еще одно название с топоосновой *кар-*: дер. *Кувкары*, упомянутая вместе с толвуйскими деревнями Тарутинская (в документе Торутина) и Грибановская [Карелия в XVII в. 1948: 30]. Очевидно, она располагалась по соседству с двумя последними, а ее название может быть возведено к вепсскому *Kuivkar ‘сухая бухта’. Добавим, что и сам тип фонетической адаптации прибалтийско-финского оригинала, отразившийся в топониме *Толвуя*, укладывается в рамки хронологически ранней русской адаптации вепсских топонимов. Имеется в виду отражение прибалтийско-финского «а» (*talv-*) в русском варианте через «о» (толв-), а также прибалтийско-финского *-oja* или *-oi* как *-уя* или *-уй*. Подобные явления наблюдаются в юго-западном Присвирье – зоне ранних вепско-русских контактов [Муллонен 2002]. Примечательно,

что остальная топонимия окрестностей Толвуи практически лишена отмеченных маркеров, что увязывается с ранней фиксацией названия *Толвуя* в русских источниках, т. е. с ранним, еще в период древнерусского языка, появлением русского варианта топонима.

Картографирование «дорожной» топонимии позволяет выявить целые комплексы названий, группирующихся вокруг одного важного в прошлом пути. Хорошим примером может служить дорога, реконструирующаяся по свидетельствам топонимии из Вигово, т. е. с западного побережья залива Великая губа через перешеек на побережье Онежского озера. Она начиналась на западном берегу Виговской губы в местечке *У Камени* или *Синий Камень* и далее шла через лесное урочище *Зимник* (или *Зимницы*) до болота *Зимницкий мох* на восточном берегу озера *Маткозеро*. Озеро, расположенное в центре перешейка, на расстоянии трех километров от берега Виговской губы, являлось, безусловно, центральным объектом на зимнике. Название его свидетельствует о том, что дорога использовалась уже в период прибалтийско-финской истории данной локальной территории. Далее, судя по топонимии, путь мог продолжаться в двух направлениях: или к Вегоруксе, на что указывает урочище *Зимник* на западном побережье Маткозера, или выходить на побережье Большого Онега южнее Вегоруксы, что подтверждает урочище под названием *Переходы* на этом маршруте.

Топонимия сохраняет память и о некоторых принципиально важных для освоения севера транзитных путях, проходивших через Заонежье. Один из них, маркированный более чем 10 топонимами на *-матка*, пересекал с запада на восток Заонежский полуостров, его многочисленные заливы или губы (рис. 9). Среди маркеров этой древней дороги топонимы *Вижематка*, *Горелая Матка*, *Ружематка*, *Региматка*, *Кугаматка*, *Муняматка*, *Лопская Матка* [Агапитов 1989: 93]. «Матки» помечали сухопутные перешейки между водными участками пути. О том, что эта дорога сформировалась не одно столетие назад, свидетельствует, во-первых, то, что для ее обозначения использовались топонимы не с русскими, а с более древними для этой территории прибалтийско-финскими (вепско-карельскими) истоками. Во-вторых, слово *matka* закрепилось не в современном, а в древ-

нем значении ‘волок, путь посуху’. Будучи достаточно древней, дорога эта дожила – во всяком случае в памяти информаторов – до сегодняшнего дня. Она известна местным старожилам под названием *Великий Олонецкий зимник*. Название говорящее: дорога осознавалась как связующее звено с Олонцом – историческим центром губернии, что дает повод предполагать, что, возникнув в глубокой древности, она активно использовалась в XVII–XVIII веках, а затем и позднее, о чем говорит то, что топоним дожил до современности.

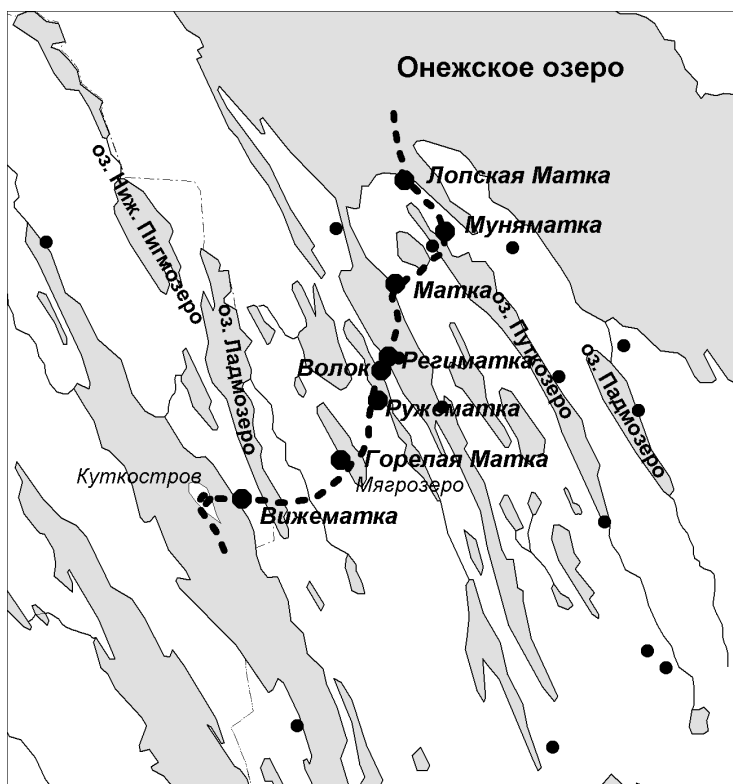

Рис. 9. Реконструкция заонежского этапа Олонецкого зимника: карел. *matka*, вепс. *matk* ‘путь посуху; волок’

Помеченный «матками» участок представлял собой на самом деле лишь один из этапов важного водно-волокового пути, начинавшегося в районе Важин на Свири и уходившего затем через устья Шуи и Суны в северное Заонежье, а оттуда в Беломорье. Его былое существование подтверждается и другими топонимическими фактами (см., например, ойконимы на *-ичи* в разделе «Человек и его имя...»).

Маршруты прохождения древних дорог важно учитывать при анализе формирования языка и культуры Заонежья. Они сформировали сеть поселений, особенно в центральном Заонежье, где, к примеру, возникла целая сеть небольших деревень вдоль упомянутого Олонецкого Зимника. То, что Космозерский куст поселений, располагаясь в бассейне Космозера, которое географически относится к северному Заонежью, в плане языковых и культурных особенностей, а также административно явно тяготеет к южному Заонежью, связано, очевидно, с известным издревле водно-волоковым путем из залива Великая губа через водораздел *Тайбола* в Космозеро. Наоборот, неоднократно подчеркивавшееся исследователями Заонежья противопоставление западного и восточного Заонежья и своеобразие района бывшей Толвуйской волости напрямую увязывается с отсутствием отчетливо выраженных традиционных дорожных связей между двумя локальными зонами Заонежья.

ГРАНИЦЫ В ТОПОНИМИИ ЗАОНЕЖЬЯ

Проблема маркировки границы в топонимии Заонежского полуострова возникла в ходе картографирования названий. Выявилось наложение определенных топонимных моделей на границы погостов, волостей, районов и других административных подразделений разного времени, а также на границы, отделявшие государственные земли (леса) от сельскохозяйственных владений крестьянских обществ, а позднее колхозных земель. Присутствие некоторых из моделей, к примеру, топонимов, в основе которых присутствует лексема **межа** (*Межевой ручей*, урочища *Межевуха*, *Межевая сельга*, дер. *Межники*) или **угол** (уголья под названием *Угол*, *Угольская нива*, *Каменный Угол*, *Угольный бор*, *Кирилкин Угол* рядом с урочищем *Межевой Колодец*), было вполне ожидаемо. Другие же оказались не столь прозрачны. Далее будут представлены некоторые из моделей, так или иначе связанные с мифологизацией пространства. Добавим к этому, что картографический материал и описания границ, привлеченных для исследования, достаточно разнообразны – от описания границ Шунгского погоста XVI века до колхозных карт. Ценным источником оказались хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве карты крестьянских земель и лесов по Заонежскому полуострову [РГИА, ф. 380, оп. 17, № 496, 498, 529, 530, 533, 534] второй половины XIX века.

Русские топоосновы

Синий камень: Издревле пограничными знаками, как известно, были камни. В описании границ Шунгского погоста XVI века

они упоминаются в этой функции неоднократно: «А с верхнево Палозера средним бором водоволоком да к камению», «да на той горы... положено камень», «да Пигмозером на виликой камен» и др. [Витов 1962: 176]. Особый интерес вызывают упомянутые в этом же документе два пограничных *Синих камня*: один в Святухе «в страдных островах меж островами камен синь выше воды», другой на восточном берегу Космозера, где «синей камен на берегу... стоит выше воды» [Витов 1962: 176]. Второй из этих *Синих камней*, расположенный у бывшей деревни Ганжак Космозерской волости, зафиксирован и в наших полевых материалах, первый же обнаружить не удалось, если только он не выступает сейчас под названием *Острадная луда*. Кроме этих двух камней в нашей карте по заонежской топонимии есть упоминания еще о пяти *Синих камнях*, два из которых, привязанные к старым границам, могут квалифицироваться как пограничные. Они маркируют традиционную границу Великогубской и Яндомозерской волостей, один на южном, другой на северном участке границы. Три других *Синих камня* не имеют такой откровенной пограничной привязки, хотя, с другой стороны, *Синий камень*, известный в дер. Усть-Река Великогубской волости, располагается на поле с названием *Обод*, в котором заключена идея границы. Картографирование заонежских *Ободов* показало, что в подавляющем большинстве случаев они находились либо на границе деревенских полей и отделяли их от леса и лесных полян, либо отграничивали от леса или угодий соседней деревни свои владения. Устрецкий *Обод* с *Синим камнем* служил южной границей устрецких земель и отделял их от владений старого Вегорукского погоста. В свою очередь, поляна *Синий Камень*, расположенная у северо-западной оконечности Виговской губы, привязана к границе, отделявшей государственный лес от сельскохозяйственных владений крестьянского общества Вигово.

Синие камни уже становились объектом топонимического исследования. А. К. Матвеев обращает внимание на сакральный характер объектов с названием *Синий камень* на Ярославщине и считает их возможным мерянским наследием [Матвеев 1996: 16], следы их сакральности обнаружены также в зоне Верховажья в Воло-

годской области [Березович 2000: 437–438]. Определенный отгосок мифологических представлений связан и, по крайней мере, с одним из заонежских *Синих камней*, около которого «чудилось».

В контексте заонежских объектов с названием *Синий камень* особый интерес представляет замечание (сделанное, правда, вскользь) о том, что для многих синих камней Ярославского края свойственна функция «обозначения какой-либо границы» [Ал-квист 1996: 247].

Каково семантическое наполнение топонима *Синий Камень* и его этнокультурная интерпретация с учетом возможной привязки его к границам? Почему именно *Синий камень* часто маркирует границу? Известно, что синий камень – устойчивый образ мифологического пространства. Он неоднократно фиксируется на Севере, к примеру, в заговорной традиции, и не только в устойчивой формуле «на синем море синий камень» [например, Курец 2000: 74], но и в других ситуациях. «Синий камень тебе в рот» – говорят человеку, если хотят, чтобы он перестал ругаться [из полевых записей К. К. Логинова, Научный архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 6, д. 627, л. 91, 2002]. Для нейтрализации яда при укусе змеи предлагается запрыгнуть на синий камень [устное сообщение К. К. Логинова]. Синие камни являются локусом-эмблемой водяного, что позволяет видеть за ними «первые островки земли, вырастающие из первобытного хаоса» [Криничная 2001: 509]. Не несут ли и пограничные *Синие Камни* такой идеи упорядочения пространства, выделения своей, освоенной территории и отделения ее от чужой, непознанной? Наиболее плодотворным для поисков истоков пограничной семантики Синих камней является, видимо, то обстоятельство, что в культурах некоторых северных народов синий цвет является цветом иного мира, с синим цветом связаны такие понятия, как потусторонность, даль, смерть [Уляшев 1999]. В этом контексте использование его как маркера границы является понятным.

Еще одна загадка заонежской топонимной модели *Синий Камень* заключается в ее ареальной характеристике. Все отмеченные топонимы зафиксированы в юго-восточном углу Заонежского полуострова, в окрестностях старинного села Великая Губа и его ок-

руге, и неизвестны по данным топонимической картотеки Института ЯЛИ КарНЦ РАН в остальном Заонежье. Что стоит за этим локальным ареалом и как он согласуется с традиционными представлениями о возможных мерянских истоках модели, пока не вполне ясно.

Крест: Описание границ Шунгского погоста XVI века приводит еще одну топонимную модель, которая может интерпретироваться как «пограничная». Описание межи начинается с *Крестового Мха*, где «на крестах земля сошлась четырех погостов углом» [Витов 1962: 175]. Топонимы с основой *крест* часты в наименованиях расположенных при дорогах и, прежде всего, перекрестках дорог мест. Однако картографирование указывает и на частотность их в названиях приграничных объектов, расположенных, как правило, в местах, где границу пересекала дорога. Пахотная поляна *У Креста* располагалась по дороге из дер. Мягкая Сельга в дер. Марковщина, причем была последней из принадлежавших дер. Мягкая Сельга в этом направлении. Стоит упомянуть в этой связи, что деревни относились в разным волостям Великогубского погоста. Деревня *Кресты* находилась на границе трех волостей южного Заонежья – Космозерской, Великонивской и Яндомозерской. Урочище *Кресты* или *У Креста*, располагавшееся на северо-западном берегу Яндомозера, маркировало границу Великогубской и Яндомозерской волостей. Характерно, что оно примыкало к урочищу *Зимник*, помечавшему начало зимнего пути через озеро. Местность под названием *Половинный Крест* находилась на полпути между последней деревней Великонивской волости Юлмаки и первой деревней Толвуйской волости Царево. Этот ряд примеров может быть продолжен, и интерпретация его должна, видимо, учитывать то обстоятельство, что крест обозначал и в севернорусской, и в прибалтийско-финской традиции сакрально отмеченное место. Он маркировал, по мнению исследователей традиционной культуры севера, границы освоенного мира, и в этом контексте «крестовые» топонимы логичны именно на границах. При этом не исключено, что часть из них могла возникнуть в результате освящения «страшных» мест, как попытка нейтрализовать нечистую силу. Такой

мотив строительства крестов и часовен хорошо известен на севере [см., например, Щепанская 1995: 160–165, Культурный ландшафт... 1998: 93]. Показательно в связи с этим безусловное пограничное расположение некоторых топонимов, в которых отразились лексемы, обозначающие нечистую силу. Таков *Бесовец* – отдаленная сенокосная поляна с. Вырозера. Планы землевладения колхозов середины XX века свидетельствуют о том, что она располагалась в северо-западном углу владений Вырозера, на границе Вырозерской и Толвуйской волостей. По тем же планам принадлежавшее Великой Губе урочище *Бесовщина* примыкало к границе Великогубской и Яндомозерской волостей. Ручей *Бесовка* разделял земли двух микрогнезд поселений – Щельи и Большой и Малой Нив, расположенных в южном конце Кузарандской волости. Деревенька *Бесово* до разрастания гнезда поселений Юлмаки, в состав которого она входила, была крайней, последней на северной границе Великонивской волости.

Сакрализацию пространства и его границ отражают, по-видимому, и топонимы с основой **бука** ‘черт, нечистая сила, домовый, мифологическое существо, служащее для устрашения детей’ [Черепанова 1983: 45–46], также привязанные к локальным границам. Болото *Букин Мох* маркирует границу землевладения деревень Типиницы и Корытово. Ручей под названием *Букин Порог* расположен на восточной границе Космозерской волости. При этом картографирование объектов, указанных в качестве пограничных в упомянутом уже описании Шунгской межи XVI века, позволяет утверждать, что именно он фигурирует там под названием пограничного Шидроручья. Традиция пограничного объекта была, таким образом, присуща ручью на протяжении столетий. О том, что в народных представлениях Букин Порог действительно был сакральным объектом, свидетельствует связанное с ним предание, зафиксированное Е. В. Барсовым: «По дороге из Космозера через гору в Фоймогубу есть ручей, донныне называемый Букин порог. От древности выходили отсюда удельницы и показывались на росстанях: волосы у них длинные, распущенные, все равно как у нынешних барышен, а сами черные» [цит. по: Криничная 2001: 462]. В этом же

контексте уместно упомянуть и тот самый *Чертов ручей* за дер. Палтега, из которого по записанным Е. В. Барсовым преданиям «в прежнее время выходило... большое чудовище» [Криничная 2001: 462]. Пространственная характеристика Чертового ручья, текущего по западной границе палтегских земель, подтверждает идею маркировки границ сакральной топонимией. Возвращаясь к Букину Порогу, отмечу еще один топонимный факт, выступающий доказательством пограничного и одновременно сакрального характера объекта. Ручей течет через озеро *Дристорозеро* (на картах XIX века *Тристорозеро*) с нехарактерным для топонимов-полукалек, восходящих к прибалтийско-финским оригиналам, сочетанием согласных в начале слова. Есть основание полагать, что здесь произошло известное топонимии Заонежья наращение взрывного звука перед сонорным (*Лепозеро* – *Клепозеро*, *Клатино болото* из *Ланино болото*, *Росковицина* – *Дросковицина*), так что первоначально топоним имел вид *Ристозеро и в нем закрепилось прибалтийско-фин. *rist, risti* ‘крест’, связанное, как уже выяснилось, с обозначением сакрально отмеченных мест, привязанных нередко к границам.

Прибалтийско-финские топоосновы

Пиг-: Идея сакрализации пространства и его границ нашла отражение также в субстратной прибалтийско-финской топонимии Заонежья. Наиболее показательны гидронимы с основой *руhä* ‘святой’ (*Рухäjärvi* ‘Святое озеро’, *Рухäjoki* ‘Святая река’). Современное религиозно-магическое значение выросло из первоначальной семантики ‘изгородь, ограда, граница’ [Хакулинен 1955: 87], которая и выступает в ряде «святых» гидронимов. В литературе обсуждается две этимологические версии прибалтийско-финского слова, при этом обе реконструируют приведенную схему семантического развития. Согласно одной версии слово является древним германским заимствованием, которое бытовало в прибалтийско-финских языках задолго до распространения христианства и означало границу, отделяющую свою землю от чужой (или находящейся в общем пользовании) [Anttonen 1994: 27]. Для лексемы существует и своя, исконная этимология, исходящая из лабиализации *i* первого

слога в у (riha → ruhä) и семантического развития ‘двор’ → ‘обособленная территория’ → ‘святой’ [SSA]. Кроме того, SKES приводит финские диалектные и сторописьменные примеры производных от основы ruhä-, в которых сохранилось древнее значение ‘огородить, отделить, выделить’ [SKES].

Географическая характеристика водных объектов, в названиях которых выступает основа rühä-, свидетельствует о реальном существовании этой реконструируемой семантики у прибалтийско-финской лексики. Такие названия встречаются у водных объектов, которые являются последними, замыкающими в цепи озер, ручьев и рек определенной водной системы или ее участка и примыкают к пограничной зоне, отделяющей один водный бассейн от другого. Можно добавить, что на берегах «святых» озер и рек часто отсутствуют, а судя по историческим материалам, и прежде отсутствовали поселения. Подобные «святые» гидронимы отмечены к тому же обычно в стороне от важных водно-волоковых путей.

Возможность именно такой интерпретации гидронимной основы ruhä- в эстонской топонимии не отрицал в свое время Лаури Кеттунен [Kettunen 1955: 249], а финский историк Сеппо Суванто заметил, что на территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой ruhä- привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам [Suvanto 1972 : 54]. Анализ «святых» гидронимов на вепсской территории показал, что сходная ситуация была и на российском Северо-Западе. И здесь «святые» гидронимы могли помечать древние границы местного населения и служить своеобразными пограничными знаками [Муллонен 2002б: 145–155].

Помимо географического положения «святых» озер и рек древняя семантика (‘граница’) прибалтийско-финского слова ruhä подтверждается и привязкой части из них к границам средневековых погостов, которые, как правило, восходят к более ранним территориальным подразделениям местного прибалтийско-финского населения, проживавшего здесь до распространения новгородского господства [Кочкуркина 1973: 74].

В Заонежье границы средневекового Шунгского погоста помечены двумя «святыми» гидронимами: озеро *Пигмозеро* и залив Онежского озера *Святуха*. Оба топонима требуют определенных пояснений.

Пигмозеро восходит к наименованию вытекающей из озера реки *Пигма*, которая, в свою очередь, входит в ряд заонежских речных наименований с конечным -ма: *Судма*, *Падма* (*Падьма*), *Кажма*, **Вожма*. Для анализа этой группы названий должен, прежде всего, быть решен вопрос о природе -ма: является ли он формантом или входит в производящую основу. В принципе устойчивость его в потамонимах Заонежья дает основание предполагать в нем суффиксальный элемент (хотя топонимия Заонежья содержит и примеры обратные, когда -ма входит в корень слова: *Ладм/озеро*, *Салма*, *Лижма*). На суффиксальную природу указывает и выявляющаяся в Заонежье закономерность в функционировании -ма в составе топонимов. Дело в том, что наряду с примерами, в которых -ма является вторым слогом (*Пигма* и др., см. выше), выявляется группа топонимов с -ма в третьем слоге: *Яндома*, *Шайдома*, *Пегрема*, *Линдома*. Сопоставление звуковой структуры двух групп топонимов указывает на то, что в первой, скорее всего, произошло выпадение гласной из второго слога (*Пигма* < **Пигама*), которому во втором случае препятствовало сочетание согласных на стыке первого и второго слога. Иначе говоря, ситуация определялась открытостью или закрытостью первого слога. В каком языке истоки этого явления? Из прибалтийско-финских языков, бытовавших в прошлом в Заонежье, явление редукции гласных известно вепско-му, однако оно происходило там в ситуации, прямо противоположной той, которая выявляется в Заонежье, а именно: после закрытого первого слога [Tunkelo 1946]. Поэтому явление имеет, скорее, русские корни и связано с адаптацией прибалтийско-финских топонимов с ударным первым слогом. Добавим, что гидронимы с -ма во втором слоге группируются в той зоне Заонежья, которая относительно рано испытала русское языковое воздействие.

Есть и другие обстоятельства, позволяющие предполагать присутствие в *Пигма*, *Судма* и прочих речных наименованиях Заонеж-

ского полуострова «речного» форманта -ма. В истоках реки Судмы расположена губа (залив озера Космозера) под названием *Суда* или *Судочья*, в котором основа закрепилась без названного форманта. Не менее показательна и этимологическая интерпретация: вычленив конечный элемент -ма, можно предложить достаточно убедительную этимологию для большинства перечисленных названий, в то время как комплексы, включающие в свой состав -ма, практически не поддаются этимологизации. Так, название реки *Кажма*, представляющей собой короткую протоку между обширной губой Онежского озера Святухой и озером Космозеро, заманчиво возводить к приб.-фин. *kasa* (вепс. *kaza*, карел. *kasa*) ‘угол, край, бок’. Такая интерпретация находит поддержку в географической характеристике: озеро Космозеро, из которого вытекает река Кажма, является угловым, боковым по отношению к Святухе⁵. Берега реки Падмы известны как основной сенокосный массив центрального Заонежья, что дает основание предлагать для этимологии приб.-фин. *rata*, *ratoi*, *ratama* (в котором -та – словообразовательный суффикс) ‘обширная безлесная низина, в которой весной и осенью (иногда и на протяжении всего лета) стоит вода’ [KMS]. Впрочем, для гидронима существует и более традиционная этимология, связывающая его с приб.-фин. *rato*, *rado* ‘запруда на реке’.

Название расположенной в окрестностях Кижей реки *Вожма реконструируется на основе современной, явно вторичной формы *Вожмариха*, в которой выделяются русский суффикс -иха и прибалтийско-финский элемент -ар < -аг, представляющий собой усе-

---

⁵ *Космозеро* и *Кажма*, безусловно, имеют общие истоки, разница же в их современном фонетическом облике вызвана тем, что разные концы озера Космозеро, протянувшегося с юга на север практически через все центральное Заонежье, в ходе освоения территории испытали разное этноязыковое воздействие. В названии реки Кажмы, расположенной в северном конце озера, отразилось, видимо, карельское освоение, в то время как в лимониме Космозеро могло отразиться относительно раннее русское воздействие, которое испытало южное Заонежье. Истоки же названия заманчиво видеть в вепсском языке, в пользу чего говорит использование лексемы *kaza* в вепсской топонимии [Муллонен 2002], а также подтвержденное археологически присутствие вепсов в Заонежье на рубеже тысячелетий [АК].

ченный вариант прибалтийско-финского (вепского) детерминанта -jārv 'озеро'. Иначе говоря, современное название реки восходит к приоб.-фин. (возможно, вепскому) наименованию озера *Vožmar'* (**Važmar'*)⁶ < *Vožmajärv* (*Važmajärv), рус. *Вожмозеро*, из которого река вытекает. Кстати, в материалах XIX века название отразилось именно в реконструированном облике *Вожмарь* – название сенокосного угодья вдоль ручья [РГИА, ф. 380, оп. 17, № 533, планшет 70]. В свою очередь, лимоним периода первоначального образования мог восходить к речному наименованию **Vožm(a)* или **Važm(a)* с конечным -ма, выделяющимся и в других потапонимах Заонежья. В пользу такого многоступенчатого образования, а, главное, возможности выделения в составе топоосновы конечного элемента -ма свидетельствует этимология названия. В его основе можно восстановить саамское *vuos'č'o* 'болото, в которое с окрестных более высоких мест стекает вода, вытекающая из болота через ручей', *vuasču* 'длинное узкое болото или залив' [SKES] или прибалтийско-финское (видимо, вепское) *važ 'болото', которое реконструируется на основе данных вепской топонимии и родственных языков [Муллонен 2002: 287–288]. В последнем случае вепский топоним попал в сферу относительно раннего русского освоения, маркировавшегося передачей прибалтийско-финского *a* как *o*. Предложенная этимология, уже обсуждавшаяся в топонимических исследованиях [Агапитов 2003: 283], убедительно подтверждается ландшафтно-географической характеристикой местности, представляющей собой болотистое побережье Онежского озера.

В этом контексте и в названии реки *Пигма*, вытекающей из обширного озера Пигмозеро в Уницкую губу Онежского озера, допустимо выделение двух структурных элементов: топоосновы *пиг* и форманта -ма. При этом топооснову допустимо возводить к приоб.-фин. *ruhä* в его изначальном значении 'ограда, граница', подтверждением чего служит не только привязка озера и реки к границе Шунгского погоста XVI века [Витов 1962: 176], но и то, что озеро Пигмозеро является водораздельным. Последнее обстоя-

⁶ О возможности первоначального варианта с *a* в основе см. ниже.

тельство высвечивается названием расположенного южнее Пигмозера на расстоянии 1 км, но по другую сторону водораздела озера *Ладмозеро*, восходящего к карел.-люд. *ladm* (ср. карел. *latva*, *ladva*, *ladv*) ‘исток, вершина реки’.

Второй «святой» гидроним Заонежья, также маркирующий границы Шунгского погоста, – это *Святуха*, название узкого длинного залива Онежского озера, прорезающего территорию полуострова с севера на юг. Анализ гидронимов с основой свят- в районе южного Обонежья и примыкающего к нему Присвирья, где сосуществуют вепсская и русская топонимическая система и для большинства вепсских гидронимов обнаруживаются русские варианты, свидетельствует о том, что целый ряд маркированных русской основой свят- названий рек и озер являются переводами вепсских оригиналов с основой *pyhä-*, т. е. вепс. *Pyhäjärvi* по-русски звучит как *Святозеро*, а *Pyhäd’ogi* как река *Святуха* [СГС]. Русские соответствия отразили тот момент в семантическом развитии прибалтийско-финского *pyhä*, когда первоначальное значение ‘ограда, граница’ было уже не актуальным, а возобладали семантика ‘святой’. Именно она отражена во многочисленных переводных *Святозерах*, *Святых озерах*, *Святухах* и т. д.

Название губы Святуха в Заонежье по ряду косвенных (косвенных, поскольку не удается обнаружить предполагаемый прибалтийско-финский оригинал) свидетельств также может быть переводом древнего вепсского гидронима. Во-первых, практически все относительно крупные водные объекты Заонежского полуострова имеют прибалтийско-финские или саамские названия. Далее, по своей ландшафтно-географической характеристике Святуха является настоящим водораздельным озером, южная оконечность которого отделяется от озер южного Заонежья перешейком. Путь с южного побережья Онежского озера во внутреннее Заонежье через этот перешеек был явно менее удобен (в силу ландшафтных особенностей) и более длителен, чем продвижение через соседний водораздел между Великой губой Онежского озера и южной оконечностью Космозера. Длина последнего не превышает двух с половиной километров, при этом в ландшафтном отношении перешеек

удобен для движения. О том, что он действительно использовался для этой цели, свидетельствует сохранившееся здесь название урочища *Тайбола*, восходящее к карельскому *taipale*, *taibale* ‘путь, расстояние; переход (например, из деревни в другую по глухой лесистой местности)’ [SSA]. Кроме того, уже самые ранние письменные источники по территории Заонежья фиксируют на Космозере поселения, входящие в состав одного погоста с деревнями, примыкающими к побережью Великой губы Онежского озера, что также подтверждает существование в древности волоковой дороги от Онежского озера до южной оконечности Космозера. Берега же Святухи на всем ее протяжении, кроме северного побережья, осваивавшегося с севера, оставались в течение столетий незаселенными.

Святуха, таким образом, оставалась в стороне от дороги и воспринималась прибалтийско-финскими насельниками края, продвигавшимися с юга, как крайнее, пограничное, т. е. «святое» озеро.

В заключение несколько слов в пояснение предполагаемых вепских истоков «святых» гидронимов в Заонежье. Этот русский район северного побережья Онежского озера наряду с вепскими характеризуется и многочисленными карельскими чертами в культуре и языке, в том числе и в топонимии. Однако ареальный анализ гидронимов с основой *руhä-* убедительно свидетельствует об отсутствии данной модели на путях карельской экспансии из северного Приладожья в Обонежье, в то время как она хорошо представлена на предполагаемых маршрутах вепского продвижения на север. Мне приходилось уже писать [Муллонен 2002б: 153–155] о том, что ко времени карельского проникновения на территорию современной Карелии и в Обонежье модель «святых» гидронимов уже, очевидно, утратила продуктивность в прибалтийско-финской гидронимии, поскольку к этому времени (XII–XIII века) произошла смена значения слова *руhä* (‘граница’ → ‘святой’), и новая семантика не была свойственна прибалтийско-финской гидронимии. И ареальная, и хронологическая (вепсы по данным археологии проникли в Обонежье несколько раньше карельской, а также

новгородской волны) характеристики говорят, таким образом, в пользу вепских истоков модели в Заонежье.

Результаты анализа «пограничных» топонимных моделей Заонежья свидетельствуют, таким образом, о сакральном статусе пространства и его границ в представлениях создателей заонежской топонимии. Названия указывают также на значительную устойчивость границ во времени, что важно учитывать при анализе возникновения и функционирования локальных общностей.

ТЕРМИНЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ ТИПОВ ПОСЕЛЕНИЙ

В топонимии Заонежья есть целый ряд косвенных указаний на формирование системы расселения и поселенческой структуры. Именно с этой позиции рассмотрены ойконимы исторического Шунгского погоста у М. В. Витова [Витов 1962]. Данные мотивы затронуты и в отдельных разделах нашей работы (см., например, раздел об антропонимах в топонимии Заонежья). В этом разделе представлены отразившиеся в топонимии термины, которые называют различные типы сельских поселений. Набор их немногочислен, однако показателен. В них закрепились память об исторических типах сельских поселений.

Русские топоосновы

Большой Двор: в новгородской традиции Большой Двор (или Великий Двор) – это поселение с двором феодала, новгородского боярина [Витов 1962: 99], где поселялись сборщики податей. В Заонежье все Большие Дворы привязаны к старым, традиционным поселениям, что естественным образом вытекает из их функции: в писцовой книге 1582/83 г. упоминаются *Большой Двор* у часовни на Кижском острове, *Большой Двор* в Шунгском погосте, *Большой Двор* у часовни на Сенной губе, *Большой Двор* в Толвуйском погосте, *Большой Двор* на Кузаранде, *Большой Двор* в Вегоруксе. Их нет во внутреннем и северо-западном Заонежье, осваивавшемся уже в результате внутренней колонизации. Из этих названий большинство оказалось утраченным на протяжении столетий: или

исчезли сами деревни, ср. «Пустошь, что была деревня на Кижском ж острове Большой Двор у часовне, а в ней пашни лесом поросло... В пугте две обжи» [ПКК, с. 151], или сменили название, как Большой Двор в Вегоруксе, превратившийся к XIX веку в Посад.

Мыза: мыза 'дача, отдаленный загородный дом с хозяйством, хутор, заимка' [Даль].

Мыза луда (Щелья Кузар), поле *Мызник* (Шадрова Гора Великон).

Новинка: термином помечаются новые (на фоне традиционных) поселения: дер. *Новинка* с вариантом Зяблые Нивы (Сенн), дер. *Новинка* (Косм), в источниках отмечается дер. *Новинка* Корбь Ручей [Витов, Власова 1974: 101] в Кижском погосте, упоминается впервые в 1782 г.; в этом же году зафиксирована впервые *Новинка* Гольшеева, а также дер. *Новинка*, Торп Ручей тож [Витов, Власова 1974].

(Новая) Заживка: заживка входит в число терминов, связанных с обозначением нового поселения: дер. *Новая Заживка*, известная также как Репино, существовала до середины XX века в Кузаранде. Остальные примеры относятся к письменным источникам: в 1720 г. упоминается дер. *Новая Заживка* на Консельге [Витов, Власова 1974: 81]. Деревня располагалась на старой границе Шунгского и Кижского погостов, и как вообще окраинная территория погоста, осваивалась поздно. К этому же времени относится первое упоминание *Новой Заживки* в Леликозере. Великонивские деревни Якорьядина и Чутсельга под именем *Новой Заживки* фиксируются в 1782 г. [Витов, Власова 1974]. Содержание названия коррелирует, таким образом, с хронологией появления поселения.

(Новый) Починок: все примеры употребления относятся к письменным источникам: *Новый Починок* Леликозеро, а также *Новый Починок*, впервые в 1720 г. [Витов, Власова 1974: 109], соответственно к 1782 г. относится упоминание дер. *Новый Починок*, Михеева Селга тож 1782 г. [Витов, Власова 1974: 112]. Есть и еще единичные фиксации с территории бывшего Кижского погоста, восходящие к XVIII веку. Территориально же модель была пред-

ставлена прежде всего в северо-западных пределах бывшего Кижского погоста и увязывается с относительно поздним освоением этой территории, прослеживаемой и по другим источникам [см., например, Агапитов, Логинов 1992].

Погост: термин погост, обозначающий деревню, в которой находилась церковь, хорошо известен в Заонежье: «где церкви, те деревни погост называются» [СРГК]. Таковые были в большинстве заонежских волостей: дер. *Погост* в Шуньге, Паяницах, Толвуде, Кузаранде, Космозере, Вегоруксе, Великой Губе, Яндомозере, Кижской волости. Не все деревни, в которых была церковь, имеют в своем названии элемент погост, ср. в Фоймогубской волости погост, т. е. деревенская церковь, находилась в дер. Патрово, в Вырозерской – в дер. Бабинцы, в Великонивской – в дер. Великая Нива, в Сенногубской – в дер. Сенная Губа. Видимо, за этим фактом скрывается важная историческая особенность: погост в топонимии – это маркер исторически более ранних церквей и связанных с ними административных центров.

Посад: при интерпретации модели следует учитывать, что, судя по материалам словарей, термин посад известен в говорах Присвирья в значении ‘одна сторона улицы’ [СРГК]. Что же касается Заонежья, то там он, видимо, не получил широкого распространения: слово не отмечено там по материалам СРГК, а СРНГ приводит при значении ‘одна из сторон деревенской улицы’ лишь одну заонежскую фиксацию (Медвежьегор. КАССР) из Космозера, в то время как московские, тверские, владимирские, псковские, ленинградские фиксации многочисленны. В топонимии модель посад представлена очень компактным ареалом в южной части Заонежского полуострова. Это деревни под названием *Посад* в Вегаруксе, на Волкострове и в северо-западном углу Климецкого острова, а также *Ренный Посад* в Великой Губе. На остальной территории Заонежья модель не фиксируется. Картографирование показывает, что довольно мощный ареал топонимов с элементом посад располагается в юго-западном Обонежье, на верхней Свири и примыкающей к ней территории юго-западного побережья Онежского озера (рис. 10).

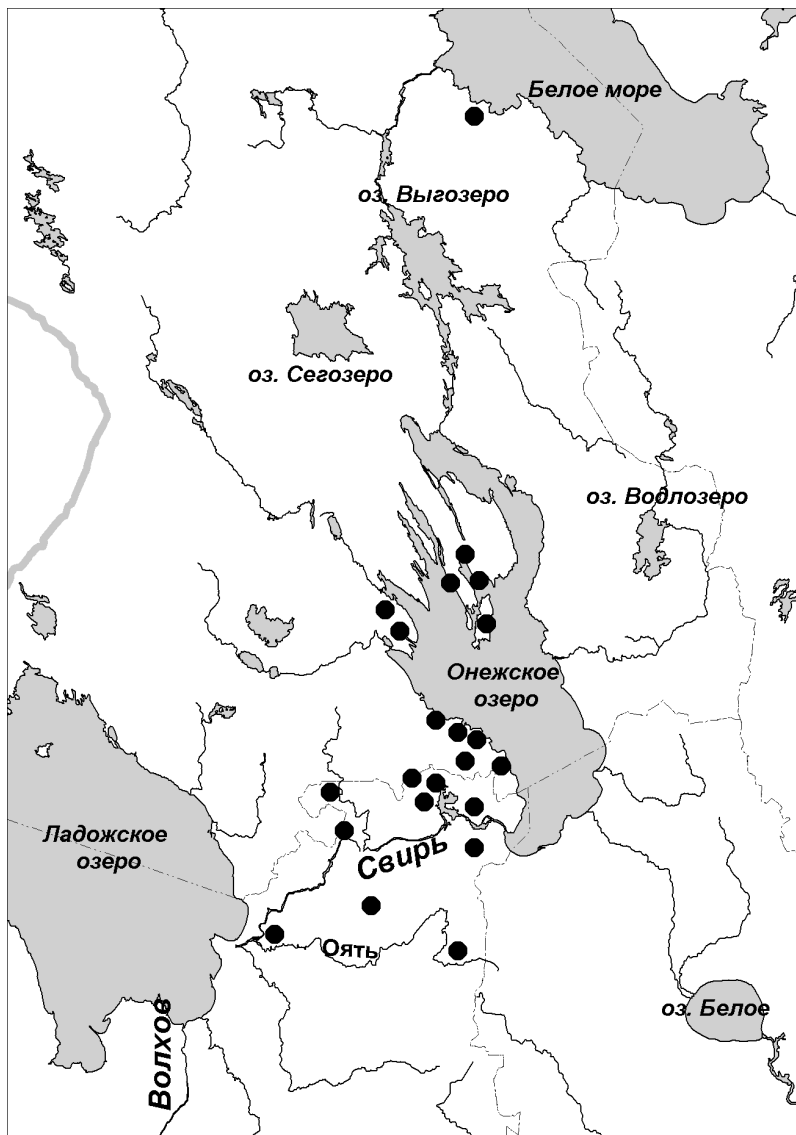

Рис. 10. Ареал ойконимов с элементом *посад* в Обонежье

Как можно в этом контексте интерпретировать заонежский ареал? Он свидетельствует, без сомнения, о прямых связях южного Заонежья с юго-западным побережьем Онежского озера, причем связей относительно поздних. Поселения с названием *Посад* не известны ни писцовым книгам Обонежской пятины XV–XVI веков, ни более поздним документам XVII–XVIII веков по Заонежью. Надо полагать, что в Заонежье перечисленные названия проникли между концом XVIII и серединой – концом XIX века. Последняя дата устанавливается на основе списков населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1873 г., в которых приведены указанные топонимы. Очевидно, привлечение архивных данных позволит выявить более точную хронологию, однако в любом случае речь идет о поздней по времени модели, не получившей в ойконимии Заонежья полноценного развития. При этом появление топонима с элементом *посад* не было напрямую связано с появлением нового поселения. В Вегоруксе, например, деревня *Посад*, судя по данным исторических источников, называлась первоначально Большой Двор, и в этом виде название отражено в материалах генерального межевания конца XVIII века. Видимо, в определенный исторический момент ойконимная модель, включающая элемент *посад*, приобретает в южном Заонежье популярность.

В контексте бытования термина *посад* в Обонежье важно то обстоятельство, что он был заимствован из смежных присвирских русских говоров в говоры северных (прионежских) вепсов (вепс. *posad* ‘деревня’) и получил здесь значительное распространение в ойконимии – названиях вепских деревень Прионежья [Муллонен 1994: 105]. Это свидетельствует, во-первых, о значительной активности термина в территориально смежном русском Присвирье, во-вторых, позволяет предполагать экспансию топонимной модели в южное Заонежье из вепсского Прионежья или через его посредство. Знаменательно в связи с этим, что, судя по карте бытования топонимной модели, как раз наиболее естественный и оправданный путь распространения ее из Присвирья в Заонежье пролегал именно через вепское западное побережье Онежского озера. Не с теми ли переселенцами, которые принесли с собой в южное Заонежье примерно два

столетия назад ойконимную модель *Посад*, проникли сюда и вепские топонимы, характерные для этого угла Заонежья? Здесь вепские топонимы функционируют на уровне микротопонимов – наименований небольших по размерам и известных ограниченному кругу пользователей названий, которые, как правило, не отличаются большой устойчивостью во времени и вряд ли могли сохраниться с глубокой древности.

Пустоша: лексема пустоша выступает в севернорусских говорах прежде всего как сельскохозяйственный термин, для обозначения неводеланной или заброшенной земли [СРГК]. Однако исторически ему было свойственна также семантика ‘запустевшая деревня’ [см., например, ПКОП, с. 268], т. е. термин выступал для обозначения мест, аналогичных селищам. Использование термина в названиях поселений и сельскохозяйственных угодий связано с тем, что на месте запустевшего поселения могла вновь возродиться деревня или появиться со временем обрабатываемое поле. Освоение земли здесь было сопряжено с меньшими трудностями, чем при разботке новины. В Заонежье топоним Пустоша встречается неоднократно: дер. *Пустоша* (Косм), поля с названием *Пустоша* в дер. Усть-Яндоме (Яндом) и дер. Кондобережской (Велик), покосы *Пустоша* в дер. Вертилово и *Пустоши* в дер. Леликово (Сенн) и др. Сложно, однако, сказать, за каким из упомянутых объектов скрывается историческое поселение. В этом смысле значительно более информативным оказывается термин селище.

Селище: селище ‘запустевшая, покинутая жителями деревня’. *Селище* – частый элемент топонимической системы Заонежья. Как правило, *Селищами* называются сельскохозяйственные угодья (поля, поляны, выгоны, покосы), прилегающие к современным деревням: покос *Селище* (Никонова Гора Дериг), поле *Селище* (Ажебнаволок Дериг), поляна *Селище* (Вицино Кузар), поле *Селище* (Калозеро Косм), угодье *Селище* (Шоголово Косм), поле *Селище* (Усть-Яндом Яндом), поле *Селище* (Потаневщина Киж), поляна *Селище* (Середка Киж) и др. Косвенным указанием на бывшее поселение может служить и тот топонимический кон-

текст, в котором бытует Селище. Так, угодье *Селище*, примыкающее к южному концу озера Калозеро, расположено на относительно высоком месте и окружено сельскохозяйственными полянами *Авдеевщина*, *Запор*, *Зяблуха*, *Каменки*, *Обод*, *Орги*, *Селицкие пожни*, которые, видимо, могли сформироваться еще во времена существования деревни. Привлечение исторических данных, прежде всего исторических карт, дает в некоторых случаях возможность реконструировать прежние деревни, находившиеся в местах, маркированных в современной топонимии как *Селища*. Мыс на северном берегу Яндомозера, а также расположенная на нем сельскохозяйственная поляна на карте 1868 г. известны как *Селище* [РГИА, ф. 380, оп. 17, № 533, планшет 29], однако более ранняя карта генерального межевания размещает на этом же месте деревню Тукачевскую.

Прибалтийско-финские топоосновы

В заонежской топонимии есть следы, по крайней мере, двух прибалтийско-финских терминов с общим значением ‘поселение’. Один из них – *kontu* – привлекал внимание исследователей и прежде (например, Агапитов 2000). Другой же, *gũhjä*, менее известен.

Конда: ск., ливв., люд. *kontu*, *kondu* ‘крестьянский двор, хозяйство, земельный участок’ [SSA]. В вепсском языке слово не сохранилось, однако многочисленные топонимные свидетельства подтверждают его былое функционирование в виде *kond [SSA, Муллонен 1994: 106–107]. Заонежские топонимы с элементом *конда* сохраняют, исходя из семантики прибалтийско-финского термина, память об исторических однодворных деревнях, включавших в себя крестьянский двор с принадлежавшей ему землей.

Большинство топонимов рассматриваемой группы привязано к южному Заонежью, где известны дер. *Конда* (Сенн), дер. *Кондобережская* (Велик), сельскохозяйственные угодья *Под Кондой* (Войнаволок Сенн), *Гладкая Конда* (Воробьи Киж), *За Кондой* (Жорба Киж), *Конда*, делящаяся на *Бутову Конду*, *Малую Конду*, *Старинную Конду* и *Гладкую Конду*, в Середке (Киж), где известно также

и урочище *Кондушка*. *Кондуша* есть и на Волкострове (Киж)⁷. В северной части Заонежского полуострова удалось зафиксировать лишь один топоним – *Кондасельга*. Скрывается ли за таким ареальным членением некая этноисторическая информация? Заманчиво думать, что ареал сформировался не случайно и отражает южные связи Заонежья. В этом контексте важно, что деревня *Конда* исстари существовала в самом южном конце Климецкого острова, в отдалении от основной массы поселений острова, являясь первым пунктом на пути в Заонежье с юга, в частности, с вепского юго-западного побережья Онежского озера вдоль Шокшинского зимника.

Видимо, в одном ряду с приведенными примерами может рассматриваться и название мыса *Куннаволок* или *Коннаволок*, вдающегося глубоко в озеро Ганьковское, бывшее Вырозеро (см. статью Вырозеро). На нем могло располагаться в прошлом поселение, что и отразилось в топониме.

Рюга: *ryhjä* ‘группа домов, строений’ [SKES]. Лексема продуктивна и в говорах, и в топонимии Северного Приладожья, что может служить маркером карельских истоков топонимной модели в Заонежье, где она зафиксирована в наименовании урочищ *Большая* и *Малая Рюга* (Вигово Велик). Фонетически *ryhjä* и Рюга соотносятся как *pohja* ‘дно; конец залива’ и *пога*, ср. *Лахто/пога* (Хашезеро Дериг) < **Lahden/pohja* ‘конец залива’.

Апеллятив *ryhjä* с семантикой ‘группа домов’, а также ‘центральная деревня’ известен в Беломорской Карелии, при этом целый ряд топонимных фиксаций (*Ryhjä* функционирует в качестве названий центральной деревни куста поселений) указывает на то, что второе из отмеченных значений имело в прошлом более широкое бытование [Кузьмин 2002: 145]. Заонежская *Рюга* – это мыс на западном берегу Виговской губы, разделенный на две части – *Большая* и *Малая Рюга* – Пижейручьем. Вплоть до недавнего времени на Рюге были поля. Хотя никаких прямых сведений о том,

---

⁷ См. также примеры топонимов с элементом *конда* в южном Заонежье в топонимическом очерке В. А. Агапитова [Агапитов 2000: 25].

что здесь в прошлом располагалось поселение, нет, однако некоторые косвенные данные позволяют реконструировать его. Среди них наиболее показательна хорошо разработанная топонимия окрестностей Рюги, свидетельствующая о том, что место было освоено и активно использовалось в хозяйственной деятельности. Достаточно отметить, что упоминавшийся уже Пижейручей, впадающий в Виговскую губу в Рюге, имеет второе название – *Мельничная река*, а расположенные в низовьях ручья поляны на карте 1868 г. известны под названием *При мельнице* [РГИА, ф. 380, оп. 17, № 533, планшет 61]. Ландшафтно-географическая характеристика урочища Рюга (озерный мыс, в основании которого впадает небольшая река, плодородная почва) также говорят в пользу того, что здесь могла размещаться в прошлом деревня. Карельские истоки ее названия поддерживаются и рядом других топонимов карельского происхождения в окрестностях Рюги, ср. *Пырейгуба* (perä ‘задний, расположенный сзади’), *Калейгуба* (kal’go ‘скала’), *Пейнаволок* (возможно, räivä ‘день’ с семантикой ‘юг’: мыс находится к югу от Рюги), *Кивисельга* (kivi ‘камень’), *Коткостров* (kuotkuo ‘мыс, перешеек’: остров разделен глубоким заливом на две части) и др. Семантика ‘центральная деревня’, присущая карельскому термину guhjä, на основании имеющихся фактов не доказывается, хотя не исключено, что ее наследием является пара Большая Рюга – Малая Рюга. Имеется в виду, что одна из них была первоначально центральной, основной деревней по отношению к другой.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. СИСТЕМА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

В данном разделе словаря сведены топоосновы, связанные с основными видами деятельности заонежан: сельское хозяйство, рыболовство, охота, некоторые промыслы. К ним примыкают основы, отражающие особенности землепользования. В последней группе исключительно русские по происхождению элементы.

Русские топоосновы

Выгородок: выгородок ‘огороженное место для пастбища, выгон’ [СРГК]. Данное значение не фиксируется словарем в Заонежье, однако устойчивость топоосновы свидетельствует о продуктивности слова в этом ареале.

Выгородок покос (Кузар), *Выгородок* покос (Паян), *Выгородок* покос (Толв), *Выгородок* поле (Дериг), *Выгород* поляна (Велик).

Гречинница: устойчиво используется в названиях сельхозугодий, служивших для выращивания гречины [СРГК], т. е. гречихи. Выращивание скороспелой шуньгской гречихи известно по данным этнографии Заонежья [Логинов 1993: 15].

Гречинница поле (Фойм), *Гречинница* поле (Толв), *Гречинница* поле (Кузар), *Гречинница* поле (Кажем), *Гречинница* поляна (Карас), *Гречинница* поляна (Велик), *Гречинница* поляна (Косм).

Гумно: гумно ‘сарай для молотьбы хлеба’ [СРНГ], ‘рига для молотьбы хлеба’ [Куликовский]. Основа продуктивна в микропонимии, главным образом в наименованиях сельхозугодий, располагающихся рядом или, как явствует из топонимов, за гумном.

Гуменцы покос (Выр), Загумейница покос (Фойм), Гуменное поле (Паян), Загумельница залив (Толв), Загумнище поле (Кузар), Загуменницы покос (Дериг), Гуменное поле (Кажем), Загуменное поле (Велик).

Денник: денник ‘загон для скота в поле или лесу’ [СРГК].

Дальние Денники поляна (Толв), Денник поляна (Кузар), Денник берег Путкозера (Паян), Северные Денники поляна (Толв), Денник поляна (Дериг), Денник поле, «было раньше, что скот запирали» (Кажем), Денник ручей (Фойм), Денник с вариантом Дейник поляна (Выр), Денник поляна (Карас), Денник поляна (Калозеро Косм). Привязка последнего примера к Калозеру, расположенному на северной границе Космозерской волости, граничащей с Кажемской, укладывается в общий северный для Заонежья ареал.

Модель характеризуется явными ареальными предпочтениями в Заонежье: она не получила распространения в южной части полуострова (рис. 11). Есть основания полагать, что в последнем ареале выступает семантически равнозначная модель *Запор* (см.).

Дербина: дербина ‘заросшая пожня, запущенная земля’ [СРНГ]. Диалектные словари отмечают функционирование термина в архангельских, вологодских, новгородских, но не заонежских говорах. С этим согласуется малая продуктивность его в топонимии Заонежья.

Дербино поляна (Кузар), *Дербины* покос (Паян), *Дербинка* поляна (Дериг), *Дербина* покос (Кажем), *Дербина* поляна (Косм), *Дербина* покос (Яндом), *Дярбина* покос (Велик).

Дровник: соответствующая лексема не фиксируется СРГК. Исходя из облика топонимов, а также характеристики мест, к которым они привязаны, дровник (иногда дровняг, дровяник) – заонежское соответствие средневеликорусскому (псковские, тверские, московские, костромские и другие говоры) дровяник ‘участок нестроевого леса, вырубаемого на дрова’ [СРНГ].

Дровняги покос (Кажем), *Дровнинская* деревня (Толв), *Дровники* с вариантом *Дровняги* (Карас), *Дровники* или *Дровяники* урочище (Типин), *Дровняги* лес (Яндом), *Дровняги* урочище (Велик), *Дровник* или *Дровяник* лес (Косм).

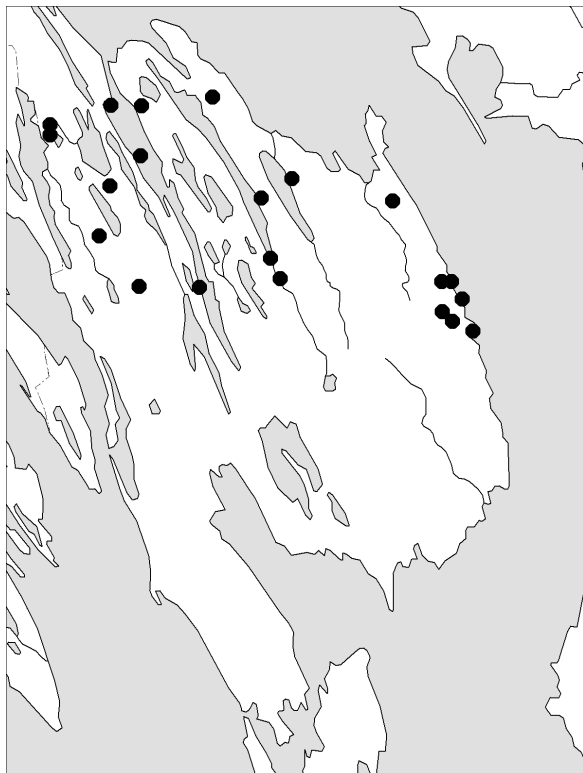

Рис. 11. Ареал модели *Денник* в Заонежье

Дружинница: используется для наименования угодий (лесных полян, покосов), находившихся в совместном, общинном использовании. Для пореформенного землепользования было характерно частное владение такого рода земельными участками. В основу топонимов, целью которых является дифференциация географического объекта от прочих объектов того же рода, выносятся часто именно отличительный признак. Та же идея общего владения выражена в топонимах *Общинная полянка*, *Артельное поле* и др.

Дружинница поляна (Кузар), *Дружинницкая поляна* (Паян), *Дружинница* покос (Толв), *Дружинщина* покос (Велик), *Дружковщина* поле (Кажем), *Дружковищина* покос (Типин).

Ез: ез ‘преграда из свай, кольев, вбитых в дно реки и оплетенных прутьями, с промежутками, в которые вставляются рыболовные снасти; закол’ [СРНГ].

Езовая губа залив (Шунг), *Ежовица* или *Язжевица* брод через ручей (Дериг), *Езинская губка* (Косм), залив *Ежгуба* и остров *Ежевец* (Сенн). Местность *Езевец* в устье Калейручья (Толв) известна также как *Ежевец* и *Язевец*, представляющие собой диалектные фонетические варианты. Кстати, именно в виде *Язевец* топоним зафиксирован в источнике XIX века: в прошлом здесь стоял крест в память о Зосиме Соловецком, детство которого прошло в Толвуде и который «уединялся для молитв из родительского дома в Язевце» [ОГВ 1887, № 81]. Очевидно, именно данным диалектным фонетическим вариантом вызвано то, что в Толвуде народная традиция устойчиво связывает топооснову с лексемой язь (якобы язь заходил весной в устье Калейручья).

Чередование *з* ~ *ж* – фонетическая особенность заонежских говоров, проявляющаяся и в целом ряде других топонимов.

Займище: займище ‘часть земли, взятая или отведенная под луг или посев или сданная в аренду и используемая по желанию хозяина’ [СРГК].

Займище поле (Дериг), *Займище* покос (Толв), *Займище* покос (Кузар), *Займище* поле (Выр).

Заколье: закол ‘тип рыболовной снасти (типа рюжи, мережи)’ [СРГК].

Заколье покос (Паян), *Заколье* поле (Кажем).

Заполек: заполек ‘поляна, расположенная за полем’ [СРГК].

Средние запольки поляна (Дериг), *Заполек* поляна (Кажем), *Запольки* поляна (Паян), *Запольки* поляна (Кузар), *Никольские запольки* поляна (Выр), в южном Заонежье сельхозугодья под названием *Заполек* хорошо известны в большинстве волостей (Великон,

Типин, Яндом, Косм, Велик, Киж). Кроме того, фиксируется и вариант *Заполье* (Яндом, Велик).

Запор: запор ‘изгородь’ [СРГК]. Из приводимых в словарной статье примеров явствует, что термин использовался для названия загона для телят. Это подтверждают и наши полевые материалы из дер. Конда (Сенн), где «в Запор телят отпускали».

Запор поляна (Косм), *Запор* (иногда с вариантом *Забор*) или *Запоры* были известны в большинстве деревень, входивших в состав Космозерского куста поселений, *Запоры* покос (Великон), *Запор* поляна (Сенн).

Видимо, в один ряд входят и топонимы, выраженные известным в Заонежье термином запертище ‘огороженное пастбище для скота’: «Загоним телят в запертище да начнем сено грабить» [СРГК]. В топонимии *Запертище* поляна (Великон), *Запертище* покос (Типин), *Запертище* поляна (Яндом), *Запертище* покос (Сенн).

Топонимическое функционирование слова привязано практически исключительно к южному Заонежью. Ареально топомодель, таким образом, противостоит известной в северном Заонежье семантически равнозначной модели *Денник*, которая представлена на территории бывшего Шунгского погоста, в то время как *Запор* привязывается к Кижскому погосту. Ареальная дистрибуция может, таким образом, иметь уже давнюю традицию.

Зарод: зарод ‘приспособление для сушки снопов, сделанное из жердей’ [СРГК].

Зародница или *Зародняя поляна*, *У Зарода* (Кажем), *Зародня* поляна (Кузар), *Зародница* деревня, *У Зародов* поляна (Типин), *У Зарода* поляна (Яндом), поляны *Зародницы*, *Привальи Зароды*, *Частый Зарод* (Велик).

Зябл-: зяблый ‘о месте, где часто бывают заморозки’ [СРГК]. В топонимии основа закономерно привязана к сельскохозяйственным угольям.

Зяблица покос (Выр), *Зяблехи* поляна (Толв), *Зяблое* урочище (Кажем), *Зяблушное поле*, покос *Зяблица* (Выр), *Зяблое поле* «на го-

рушке высоко, когда мороз, раньше всего зябнет» (Красная Сельга Карас), *Зяблые Нивы* деревня (Сенн), *Зяблухи* покос дер. Вигово, *Зяблые нивы* в окрестностях Пегремы (Велик), *Зяблая Сельга* поляна (Типин), покос *У Зяблого* (Киж).

Казеный: в топонимии Заонежья два микропонима – названия поля, в основе которых заложена одинаковая идея. Поле *Казеницина* в Яндомозере и Космозере расположено на окраине деревенских полей, перед самым лесом, принадлежавшим казне. Эта граница общинных и казенных земель в случае с космозерской *Казенициной* подчеркивается еще и тем, что поле примыкает к угодию с названием *Обод*, которое служило пограничной меткой.

Китовина: СРГК приводит фонетический вариант кедовина в значениях 1) заброшенная нива; 2) распаханное поле на месте выкорчеванного и выжженного лесного участка. В заонежской топонимии закрепились глухие фонетические варианты китовина и кетовина. По истокам своим термины карельские: ск. keto, kedo, люд. kedo ‘заросшая подсека, поляна, залежь’ [ПФГЛК].

Китовицинье покос (Кузар), *Китовское поле* (Кажем), *Кетовина* покос (Киж), *Китовинка* покос и *Кетовинье* поле (Сенн).

Клепальницы: от глагола клепать ‘полоскать белье’.

Клепальницы покос (Кузар), *Клепальники* покос (Косм), *Клепальницы* – место при впадении ручья в Галайгубу (Велик).

Клин: клин ‘невспаханный или недокошенный участок поля; луг, вдающийся в лес; межа’ [СРГК]. Как правило, *Клины* являются покосами.

Клины (Выр), *Клинки* (Кузар), *Клины* (Толв), *Клин* (Кажем), *Клины* (Велик), *Клины* (Типин), *Клин* (Косм), *Клины* (Велик), *Клины* (Киж), *На Клину* (Сенн).

Кулига: кулига ‘часть сенокосной земли, вдающейся клином в лес, кустарник’ [СРГК]. Заонежье является для термина маргинальным ареалом, он фиксируется здесь спорадически, точно. При этом предполагается, что он распространился в говоры

Обонежья с востока, из каргопольско-лачских говоров [Мызников 2003б: 238–243].

Кулига покос (Толь), *Кулежи* покос (Великон), *Кулида* покос (Новинка Косм), *Куличье поле* с вариантом *Кулижье поле* (Пургино Косм).

Топонимическое бытование термина позволяет высказать еще одно предположение о генезисе термина в Заонежье. Ареал топонимов данного гнезда – центральное Заонежье, которое по ряду признаков относится к территории вторичного заселения. Таковы Великая Нива с округой, а также космозерские деревни Новинка (на позднее появление поселения указывает само название) и Пургино. Ареал позволяет предполагать не только маргинальность слова для Заонежья, но и относительно позднее его появление здесь.

Лукша: в русских кондопожских говорах лукша ‘заливной луг или пашня возле излучины реки’, связываемое авторами СРГК с семантически однородным новгородским лука. Однако исходя как из значения термина, так и из ландшафтно-географической привязки названных им объектов (ср. *Лукша* поле, а также заливной покос дер. Ладозеро (Кажем), *Лукса* покос дер. Никонова Губа (Кажем), расположенный рядом с топким болотом), в качестве исходного можно предполагать ск. *luhta*, люд. *luht*, *luhte*, вепс. *luht* ‘заливной луг, низкое сырое место’. Видимо, в ходе карельско-вепсского контактирования или русской адаптации в Заонежье произошло развитие по аналогии, и слово вошло фонетически в один ряд с приб.-фин. *lahti* – *lakši* (лахта – лакша) ‘залив’.

Луч-: основа воплощена в термине луч ‘железный держатель для горючего материала, закрепленный на носу лодки’ [Логинов 1993: 47] и лучить ‘бить рыбу острой’ [СРГК].

Лутчева яма тоня в Святухе (Кажем).

Лядина: термин лядина в Заонежье многозначен, при этом в семантике отражаются разные этапы освоения и использования участка: ‘участок в лесу, расчищенный под посев; подсека; лес;

лесная поляна с мелким кустарником или зарастающая лесом делянка; низина, ложбина в лесу' [СРГК]. Топонимическое функционирование связано, как правило, с сенокосными участками.

Большая ледина покос (Дериг), *Заледины* поляна (Паян), *Мокрая ледина* покос (Толв), *Великая ледина* покос (Кузар), *Ламбас/ледина* покос (Фойм), *Сосновая лядина* покос (Карас), *За Лядиной* урочище (Яндом), *Великая лядина* покос (Велик), *Страшная лядина* поляна (Киж), *Лединный остров* (Сенн).

Мочало: мочало, мочило 'углубление, яма, приспособление для мочения льна, лыка и т. п.' [СРГК].

Мочники поляна (Кузар), *Мочальник* болото (Паян), *Мочильное озеро* (Толв), *Мочалище* болото (Сенн), *Мочалище* поляна (Типин), *Мочальная губа* залив (Велик), *Мочальня* остров (Киж).

Нива: нива 1. 'вырубленное и выжженное под пашню место в лесу'; 2. 'заброшенное невозделываемое поле на месте бывшей подсечной нивы'; 3. 'небольшое поле в лесу'; 4. 'участок сенокосной земли на месте запущенной пашни'; нивище – см. нива [СРГК].

Нивище поле (Фойм), *Нивья* покос (Кузар), *Нива* поле (Дериг), *Нивище* поле (Кажем), *Нивья* покос (Сенн), *Нивища* поляна (Типин).

Обельный: в Заонежье обельный 'освобожденный от выплаты налогов, податей' [СРГК], обельщина 'местность, селения которой были освобождены от налогов' [СРГК].

Обельная пожня (Типин), *Обельщина* (с вариантом *Потаповщина*) деревня (Яндом), *Обильщина* покос (Пургино Косм), *Обельщина* (с вариантом *Клементьевская*) деревня, *Обельные ободы* покос и *Обельское поле* (Сенн).

Обод: обод 1. 'огороженный луг для выпаса животных, выгон'; 2. 'неогороженный луговой участок'; 3) 'участок для покоса' [СРГК]. В Заонежье выступает, как правило, в наименованиях сельхозугодий, расположенных на границе сельскохозяйственных земель данной деревни.

Обод поле (Выр), *Ободная поляна* (Толв), *Ободки* покос (Кузар), *Ободец* поляна (Дериг), *Обод* поле (Кажем), *Обод* покос (Сенн), *Большой обод* покос (Типин), *Ободский родник* (Яндом), *Ободцы* поле (Велик).

Общий: основа выступает своеобразным семантическим эквивалентом основы дружина (дружинный) и помечает расположенные в лесу сельскохозяйственные поляны, находившиеся в общем владении деревни или нескольких семей. Правилom, как известно, было частное владение такого рода участками.

Общая поляна (Дериг), *Община* поляна (Кузар), *Общие поляны* (Косм), *Общая поляна* (Типин), *Общая поляна*, *Общие нивы* (Велик), *Общая лядина*, *Общие нивы*, *Обиций обод* (Сенн).

Осек: осек 1. ‘изгородь, отделяющая пастбище в лесу’; 2. ‘огороженное лесное пастбище, выгон’ [СРГК].

Заосечье поле (Выр), *Осечевское поле* (Кузар), *Осека* грибное место (Кажем), *Осек* покос (Сенн), *Серед осека* поляна (Типин), *Внутресек* (< Внутри Осека) поляна (Яндом), *Осек* поляна (Велик).

Остожье: остожье ‘специально подготовленное для стога место’ [СРГК]:

Остожье покос, *Среднее Стожье* покос (Дериг), *Косое Остожье* – прежнее название деревни Игуменской (Выр), *У Остожья* поле (Кажем), *Остожье* ~ *Устожье* поляна (Типин), *Вместежное Остожье* поляна (Яндом), *Остожье* покос (Велик), *За Остожьем* поле (Киж).

В топониме *Потыков Острамок* (Мунозеро Карас) отразился термин острамок, являющийся синонимом лексемы остожье.

Остреч: острец, остреч ‘окунь’ [СРНГ].

В Заонежье четыре топонима, все в бывшей Толвуйской волости: дер. *Остречево* или *Остречевская* на берегу *Остречевского* (или Бездонного) озера, по которому, безусловно, и названа деревня, здесь же поляна *Остречиха*, а также луда *Остречье* на Падмозере у дер. Белохино.

Острог: острог ‘втыкаемый в землю шест, вокруг которого сметывается стог, зарод’, пуд. [СРГК]; остроги ‘вертикально воткнутые шесты, на которых сушили сено’, арх. [СРНГ].

Острог поляна (Кузар), *Остроги* покос (Косм).

Словари отмечают слово в пудожских и архангельских говорах. Топонимические фиксации свидетельствуют о том, что слово бытовало и в Заонежье.

Пенняк: пенняк ‘поле на месте вырубленного и выжженного леса’ [СРГК].

Пенняк поле (Фойм), *Лучкинские пенняги* покос (Кажем), *Пенняг* ~ *Пинег* поляна (Велик).

Поскотина: поскотина ‘пастбище, выгон в поле, в лесу, часто огороженный’ [СРНГ].

Поскотина покос (Кажем), *Поскотина* пастбище (Кузар), *Поскотина* поляна (Толв), *Поскотина* лесное угодье в 1,5 км от деревни, у лесной дороги (Яндом), *Поскотина* угодье (Косм), о котором информатор свидетельствует: «там не пашут, не сеют; верно, скот пасли». Ср. покос *Пастьба* (Леликово Сенн), *Пастьба* урочище (Еглово Киж), урочище *Пастба* на острове Тамбич (Сенн). Наблюдается определенная ареальная оппозиция северного и южного Заонежья.

Ригач(а): ригача, ригач ‘большой крытый сарай для сушки снопов и обмолота; рига’ [СРГК].

Заригачье поле (Кажем), *Ригачное поле* (Великон), *У Ригачи* поле (Велик), *У Ригача* поле (Типин), *У Ригачи* поле (Яндом), *У Ригачи* поле (Сенн). В названии деревни *Ригачино*, входящей в состав Типиниц, отражается фамилия ее жителей Ригачины. Название угодья *Ригачевщина* (дер. Усть-Яндома Яндом) имеет вариант *Лигачевщина* или *Легачевщина* (*Леговщина*), из которых именно последний фиксировался в письменных источниках XVI–XVII веков [Витов, Власова 1974: 107], а также архивных материалах XIX века [РГИА, ф. 380, оп. 17, № 533, планшет 20, 1868], а поэтому должен рассматриваться как примарный.

Смол-: топонимы с данной основой помечают места смолокурения.

Лес *Смоляные Ямы* (Ажебнаволок Дериг), поляна *Смоляница* (Кефтеницы Кажем), урочище *Смоливые Ямы* (Тережье Кажем), поле *Смолевые Ямы* (Лебещина Толв), поляна *Смоливая Яма* (Пургино Косм), местечко под названием *Смолокурня* на Виговском зимнике (Велик), мыс *Смолек*, напротив которого острова *Ближние* и *Дальние Смольки* (Усть-Яндома Яндом), остров *Смолев* (Киж), гора *Смолюха* (Сенная Губа Сенн). Возможно, в этот же ряд входит урочище *Сморняги* (Есино Яндом), в котором проявляется характерная для Заонежья нестабильность *л* и его замещение *р*.

Спорный: спорный характер владения земельным участком, как правило, лесной поляной, возникшей на месте подсеки, отражает ряд топонимов:

Спорная поляна, *Супорница* поляна (Шунг), *Спорная нива* (Толв), *Спорная нива* (Кузар), *Супорницы* поляна на границе владений деревень Софроновской и Демеховской (Выр), *Спорные поляны* (Яндом).

Стан: стан ‘лесная избушка’. Такими избушками пользовались лесорубы, а также косцы на отдаленных лесных покосах.

Станок поляна в лесу (Фойм), *Становой остров* (Толв), *Ефремов Станок* покос (Кузар), *Шошин Станок* покос (Кажем), *Становые острова* (Киж), *Становой остров* (Сенн), *Станок* лесное урочище (Яндом), *Станок* или *Марковская Присталь* – место на западном берегу Яндомозера, куда причаливали лодки путников из расположенной на северном берегу Яндомозера дер. Марковской, с тем чтобы далее продолжить путь по лесу в Великую Губу (Велик).

Термином стан обозначался более примитивный тип лесной избушки, чем разновидность, обозначавшаяся термином избушка. Избушками, более основательными строениями по сравнению со станами, пользовались прежде всего охотники и рыбаки. В топонимии примеры их употребления немногочисленны: *Терентьева Избушка* покос (Дериг), *Избушки* покос (Косм), *Избушки* поляна в лесу (Типин), *Избушечный остров* (Велик), *Избушка* покос (Сенн).

Очевидно, топонимия отразила факт появления подсеки или лесного покоса в районе охотничьих или рыболовецких избушек.

В топонимии Заонежья получил отражение еще один тип лесных избушек – шалаши, которые делались из бересты или сосновой коры и могли поэтому прослужить довольно длительное время – обстоятельство, необходимое для закрепления термина в топонимии.

Шалаши сенокосная поляна в лесу (Косм), *Шалашиница* лесной покос (Типин), *Шалашиная поляна* (Яндом), *У Шалаши* поляна в лесу (Велик), *Шалашный бор* (Толь, Велик, Киж).

Стаи: стаи ‘хлев, особенно конские стойла’ [Даль]; стая ‘двор около дома’ олон., ‘летняя постройка, хлев для скота’ заон. [Картоотека СРНГ]; ‘хлев’ [Подвысоцкий].

Стаи покос (Кажем), *Артовские Стаи* берег Космозера (Косм), *Стаи* покос (Сенн), *Горние Стаи* покос (Яндом), *Стайный обод* покос (Киж), *Стайный остров* (Волкостров Киж).

Страда: страда ‘сенокос, жатва, тяжелая работа’ [Подвысоцкий, Даль], острада ‘страда, пора жнитва, жатва’ [Даль], острада ‘уборка хлеба, жатва; страда’ [СРНГ]. Ни один из вариантов не отмечен словарями в говорах Карелии, однако в заонежской топонимии модель имеет устойчивое распространение. Складывается впечатление, что она использовалась исключительно для маркировки островов:

Страдные острова (Косм), *Страдный* или *Острадный остров* (Усть-Яндома Яндом), *Страдня* небольшой остров в архипелаге островов Уймы (Киж).

Сукром: сукром ‘сруб вчерне’ олон. [Даль], ср. новгородское сукром ‘деревянное сооружение из нескольких венцов, скрепленное в форме четырехугольника; сруб’ [НОС].

Сукромный или *Сукронный бор* лес (Вицино Кузар), *Сукромы* поляна (Раньково Яндом).

Тереб: тереб ‘росчисть из-под кустарника, зарослей’. Термин выступает либо самостоятельно, либо в качестве основного

элемента сложных топонимов, являющихся, как правило, названиями покосов.

Затереб покос (Паян), *Теребова гора* (Выр), *Тереба* поле (Фойм), *Теребы* покос (Кузар), *Теребки* покос (Толв), *Тереб* покос (Дериг), *Тереба* покос (Кажем), *Смытный тереб* покос (Сенн), *Тереба* покос (Типин), *Тереб* покос (Яндом), *Горелый тереб* покос (Велик), *Теребок* покос (Киж).

Ужилице: ужилице ‘место ужения рыбы’.

Ужилице залив в оз. Нижнее Пигмозеро (Кажем). Видимо, в этом же гнезде *Жилице* поле у берега оз. Пигмозеро (Кажем): здесь проявляется характерное для севернорусской фонетики выпадение начального гласного в случае безударности первого слога.

Чища: Термин маркирует исключительно названия покосов и отражает особенности северного земледелия, связанного с расчисткой лесных участков под сельскохозяйственные поляны.

Чищи покос (Кажем), *Чища* покос (Толв), *Чищеница* покос (Кузар), *Чищеницы* покос (Косм), *Чища* покос (Типин), *Чищеница* покос (Киж), *Чищеница* поляна (Сенн). К ним примыкают *Новочисть* покос (Косм), *Новочисть* покос (Яндом), *Новочисть* (Велик), *Новочисть* покос (Киж), *Новочисть* покос (Сенн), которые преобладают в южном Заонежье.

Прибалтийско-финские основы

А(г)ин-: кар. ahven, вепс. ahven (с основой ahne-), ahn ‘окунь’. Основа связана с рыболовным промыслом.

Основа представлена в южном Заонежье в вариантах аг(и)н- и айн-: *Агиностров* (Вегорукса Велик), рядом с которым *Айностровская луда*; *Айннаволок* (с вариантом *Айнаволок* и *Вайнаволок*) мыс на северном конце Климецкого острова (Киж). Возможно, в этом же ряду *Вайностров* с вариантом *Ваньостров*, а также *Ванагуба* (с вариантами *Ваннойгуба* и *Ванная Губа*) в окрестностях деревень Гарницы и Вертилово (Сенн).

Фонетически представленные варианты топоосновы укладываются в закономерности фонетической интеграции прибалтийско-

финской топонимии в русскую систему названий: появление протетического *в* перед начальным *а* (Валимоны < *Alimaine), переход приб.-фин. *h* в позиции перед сонорным в русское *й*, ср. в русских говорах *лейма* ‘корова’ из *lehmä*, в топонимии *Лайностров*, в котором первый компонент содержит приб.-фин. *lahna* ‘лещ’.

Верт-: глагольная основа, ср. ск. *vierteä*, люд. *viertä*, вепс. *verta* ‘палить подсеку’ [SSA].

Лесное урочище *Вертисельга* (Верховье Велик).

Гал-: ск. *halla*, люд. *halle*, *hallu*, *hal*, вепс. *hala*, *hal* ‘заморозок’. Основа используется, как правило, в наименованиях участков местности, подверженных ночным заморозкам. Она непродуктивна в вепсской топонимии, в связи с чем может квалифицироваться как дифференцирующая карельская модель в Заонежье.

Галгуба залив Кефтеньгубы (Кажем), залив Яндомозера *Галайгуба*, а также расположенный в нем остров *Галайостров* и прибрежное *Галайское болото* (Яндом), *Галайболото* и рядом с ним лес *Галайбор* (Велик), *Галая поляна* (Сенн).

Гом-: ск. *halmeh*, люд. *halmeh*, *halmeh*, вепс. *haumeh*, *houmeh* ‘подсека, пожар’. Топонимия Заонежья указывает на то, что здесь произошел звукопереход *-al-* > *-au-* > *-ou-* по вепсскому типу.

Сай/гомы (из *Savi/houm ‘глиняный пожар’) поляна за дер. Сайпелда (Дериг), *Гаумозеро* озеро (Кажем), *Гомсельга* гора (Типин), *Токо/гом* (из *Touko/houm ‘подсека, засеянная яровыми’) покос (Велик), *Гомсельга* урочище (Яндом), *Гуморга* урочище (Вегорукса Велик), лес *Гомсельга* (Кондобережская Велик), *Гонсельга* = *Гончельга* (Ерснево Киж).

Ерн-: ск., люд., вепс. *herneh* ‘горох’.

Ерна/пала поле у Кефтеницы (Кажем), *Ерницкий остров* (Сенн).

Каск-: ск., ливв. *kaski*, люд. *kaski*, *kašk*, вепс. *kašk* ‘подсека, пожар’.

Каскосельга покос (Кузар), *Каскеснаволок* мыс у южного побережья Климецкого острова (Сенн), *Каскосельга* деревня, *Каскоснаволок* мыс (Типин).

Кет-: ск. keto, kedo, ливв. kedo ‘заросшая подсека, поляна, залежь’ [ПФГЛК]. Слово заимствовано в русские говоры Карелии (см. кедовина).

Кетовская поляна (Типин), *Кетсельга* гора (Велик).

Ким-: ск. kiima, ливв. kiimu, люд. kiim(e), вепс. kim ‘ток, токовище’.

Кимозеро (Фойм), *Киммох* болото (Выр), *Кимкалка* ~ *Кимкалька* (-калка < приб.-фин. kall- ‘скала’) скала (Киж), *Киматки* ~ *Климатки* остров на болоте (Паян), *Кимбереги* – западный боровой берег Ажебнаволока (Дериг). В данное гнездо входит, возможно, также *Клим/бор* (с вариантом *Ким/бор*) – название обширного лесного урочища на полуострове *Клим/нос* (Толв), а также *Клин/мох* болото (Кузар), в котором произошел переход *м* > *н*, спровоцированный диссимиляцией с инициальным *м* основного элемента топонима. В свою очередь появление вставного *л* находит подтверждение и в других заонежских топонимах.

Ламбас-: ск. lammas, люд., вепс. lambaz ‘овца’. Основа выступает в наименованиях мест (чаще всего островов или других окруженных водой мест), использовавшихся для летнего выпаса овец. Судя по фонетическому облику основы, топонимы могут иметь вепско-людиковские истоки.

Ламбаслядина покос (Фойм), *Ламбостров* в Шуньгской губе (Дериг), мыс *Ламбазнаволок* и луда *Ламбаслуда* в Святухе на полуострове Вершуньга (Кажем), *Ламбасостров* в Вегорукской губе (Велик), *Ламбасостров*, остров *Ламбазник*, а также *Ламбинские острова* (Сенн), *Ламбич* остров (Киж).

На острова вывозили на лето также телят, что отразилось в топониме *Вазостров* (Волкостров Киж): приб.-фин. vaza ‘теленки’.

Лиг-: ск., люд., вепс. ligo ‘мочило, место для замачивания льна’.

Лигопашня поле (Дериг), *Лиго* покос (Кажем), *Лигостров* (Типин), *Лигагуба* залив (Яндом), *Лигойгуба* залив (Велик).

Маймас:- ск. *maima*, люд. *maim*, *maime*, вепс. *maim* ‘малек, мелкая рыба’. Слово усвоено в русские говоры маймуха ‘один из видов онежского сига’ [SSA], ‘мелкая рыба’ [СРГК].

Маймасгуба залив Мягрозера, *Маймукса* залив оз. Ладмозеро (Кажем), имеющий два отрога мыс *Маймас* на острове Еглов (Киж), при этом один конец, отдаленный от деревни Еглово, носит название *Маймас*, а второй, расположенный ближе к деревне, – явно калькированное, переводное *Малек*, в котором отражена семантика ‘мелкая рыба’, присущая прибалтийско-финскому оригиналу.

Мерд:- ск. *merda*, *merda*, люд. *merd*, вепс. *merd* ‘мережа; верша’ [SSA].

Мердегуба залив оз. Ладмозеро (Кажем), *Мернаволок* (Типин), *Мердостров* или *Мергостров* (Усть-Яндома Яндом).

Нот:- ск. *nuotta*, люд. *nuott*, *nuotte*, вепс. *not* ‘невод’ [SSA].

Нот/калье скалистый обрывистый берег оз. Путкозеро, с которого ловили неводом (Шабалино Дериг).

Озр:- ск. *ozra*, *ozra*, люд. *ozr*, *ozge*, вепс. *ozr* ‘ячмень’.

Озрнаволок или *Озорнаволок* мыс (Сенн).

Палеостров или Палий остров (с формами склонения «конец Палья острова», «на Палье острове»). Второй вариант известен по письменным памятникам XV–XVI веков, а для первого памятники XVI–XVII веков позволяют реконструировать вариант *Пальяостров, поскольку наряду с Палеостровский в них бытует и Пальяостровский монастырь. Это один из наиболее известных островов Заонежья, на котором во второй половине XIV – первой половине XV века возник Рождественский Палеостровский монастырь [Амелина 2001: 326], история которого отразилась в целом ряде документов. Название острова традиционно связывается с наименованием рыбы пальи или палии ‘рыба рода лососевых’, в изобилии водившейся в омывающих остров водах. Эта мысль

проводится как в исторических исследованиях, так и в рассказах местных жителей.

На самом деле этимология топонима не столь очевидна, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, сам морфологический облик топонима допускает наряду с русской нерусскую интерпретацию, поскольку существует сложный топоним с застывшим первым компонентом, что не характерно для русских по образованию топонимов. Кроме того, вариант *Палий остров*, возможно, на самом деле лишь внешне совпадает по форме с русскими топонимами-прилагательными. Он хорошо вписывается в один ряд с адаптированными в русское употребление прибалтийско-финскими топонимами *Перый наволок* (pegä ‘задний’), *Ширый наволок* (syjtjä ‘боковой’), *Турий остров* (tuго ‘нерестилище плотвы’), *Мурый мох* с вариантом *Муромах* (кар. muigoi ‘морощка’) и др.

Перечисленные моменты в структурном оформлении поддерживают возможное прибалтийско-финское происхождение топонима пал-, что, на первый взгляд, кажется, согласуется и с этимологией обонежского слова палья, которая традиционно связывается с вепс. paľ ‘рыба палия’. Эта этимология восходит к Калима [Kalima 1919: 180] и повторяется затем неоднократно в этимологических исследованиях [Фасмер, Герд 1988: 10, Мызников 2003: 182]. Если предположить, что в основе наименования острова закрепились вепсская лексема, то с позиций структурного оформления оба варианта – и *Палеостров*, и *Палий остров* – вполне обоснованны.

Однако такая интерпретация наталкивается на следующее противоречие, на которое, кажется, не обратили внимания названные авторы. Вепсскому paľ нет никаких соответствий в прибалтийско-финских языках, что наводит на мысль о неисконности слова в вепском. Отмечу попутно и странную для вепского языка форму paľ со множественным числом paľad, приводимую Я. Калима. Скорее, надо было бы ожидать paľ : paľad по типу maľ : maľad, kaľ : kaľod. Слово, кстати, отсутствует в СВЯ, что, по всей видимости, связано с его фрагментарностью в вепских говорах. Я. Калима приводит вепс. paľ со ссылкой на Сетяля, вепские материалы

которого во многом состояли из данных северного диалекта, представленного на юго-западном побережье Онежского озера. Эти факты, складываясь воедино, указывают на то, что вепс. *paŋ* – заимствование из ареально смежных русских говоров Обонежья, т. е. путь заимствования был обратным: не из вепсского языка в русские говоры, а из русских говоров в вепсский, причем, скорее всего, в северновепсский диалект Прионежья.

В русских говорах палья (пальга) известна прежде всего в Заонежье, где лексема зафиксирована практически во всех населенных пунктах. На смежной же территории встречаются только единичные фиксации. Так, слово отмечено на пудожском берегу в Римском и Пяльме (что, замечу в скобках, вполне естественно в связи с активными и традиционными контактами Заонежья и Пудожья). Слово отмечено также фрагментарно на вытегорском побережье Онежского озера. Из более отдаленных территорий называются Беломорье (окрестности Кандалакши), а также Ладожское озеро и нижнее течение Волхова [Мызников 2003: 181–182]. Вырисовывается ареал с явным центром на Заонежском полуострове и периферией в Беломорье и Приладожье. При таком строении ареала кажется логичным исходить из того, что слово родилось в Заонежье, откуда продвинулось по водным путям, с одной стороны, в Беломорье, с другой, в Приладожье, хотя и не приобрело там особой продуктивности. Ареал лексемы, кстати, согласуется с замечанием Я. Калима (со ссылкой на естественнонаучную работу Сабанеева «Рыбы России») о том, что палья представлена в России только на территории Олонецкой губернии.

Если согласиться с тем, что термин палья родился в русских говорах Заонежья, то каков может быть источник его возникновения? Один из наиболее реальных путей состоит в том, что в наименовании породы рыбы закрепилось название острова, акватория озера вокруг которого известна запасами этой рыбы. Недаром ведь монастырь возник именно здесь, и монахи заручились поддержкой государства на запрет окрестным крестьянам заниматься ловлей рыбы в своей вотчине: «вкруг Палья острова и Грецного острова

тонь не ловити селяном, с лучом не ездети» (из Данной новгородского посадника 1415–1421 гг.) [Материалы 1941: 99].

Подобный путь возникновения терминов, хотя и не частый, встречается в практике наименования рыб, прежде всего, имеющих локальный ареал, каковой характерен и для палья.

Все эти рассуждения, опровергая традиционную версию происхождения термина палья, не приближают нас, однако, к выявлению истоков названия Палеострова. Одна из возможных версий, особенно с учетом исторического варианта Пальяостров, позволяет реконструировать в основе приб.-фин. *paljas* ‘голый, без растительности’ и представлять топоним в изначальном виде как **Paljas/soari* ‘Голый остров’, преобразовавшееся далее в результате наложения конечного *s* определяемого компонента и начального *s* детерминанта в **Palja/soari*, которое породило полукальку Пальяостров. Модель «голый» для островов без растительности хорошо известна в Заонежье, причем как в русской (остров *Голый*, *Голяши* и др.), так и в прибалтийско-финской (остров *Пальяк*) топонимии. Эта фонетически стройная и семантически оправданная гипотеза имеет, однако, один существенный изъян, заключающийся в том, что все заонежские «голые» острова – это небольшие скалистые выступы, на которых не может закрепиться и вырасти лес. Палеостров же – обширный поросший лесом остров, который, разве что выгорев полностью, мог быть охарактеризован как «голый», но, скорее, как «горелый». Поэтому есть сомнения в истинности данной интерпретации.

Намечается еще одна возможность в этимологической интерпретации топонима Палеостров, связанная с саамскими языковыми данными. Она основана на географическом положении острова, точнее, группы островов, из которых Палеостров – самый значительный, между двумя обширными полуостровами северного Заонежья – Падмозерским и полуостровом Клим. При продвижении по воде с одного на другой путь, скорее всего, проходил мимо Палеострова, точнее, по проливу (по-местному «речке») между Палеостровом и островом Речным (речка ‘пролив’). Палеостров был одним из двух приметных островов на пути, что и

могло отразиться в его названии: саам. *bælle* ‘другой в паре’ [SSA, статья *rieli*]. Впрочем, топоним может отражать и другой оттенок значения саамской лексемы – ‘край, бок, сторона’, ср. производное от нее *bæl'lje* ‘ухо’ [SSA]. В топонимии северо-западных областей России обнаруживается целый ряд «боковых» объектов, в названии которых присутствует основа пал- [Муллонен 2002: 257–258]. Не исключено, что *Палеостров* входит в их число. При этом требуется, однако, некоторый комментарий к фонетической стороне топоосновы. Саамское *æ*, восходящее к праязыковому *ε, отражается, как правило, в топонимии Обонежья в виде *ä* (в приб.-фин. употреблении) и *я* (в русском бытовании). Вместе с тем возможна и более задняя огласовка в виде *а*. Здесь, не исключено, отразились особенности прибалтийско-финской адаптации. На такую мысль наводит, в частности, сосуществование двух вариантов *Päl'garvi* и *Päl'ärvi* (соответственно в русских вариантах Палье озеро и Пялезеро) названия озера на западной границе Заонежья, в людиковском языковом ареале. С другой стороны, истоки заднего *а* в принципе могут быть заложены уже в самом прасаамском языковом развитии, для которого известна тенденция к большей открытости, передвижке назад гласного первого слога в зависимости от конечного гласного основы [Korhonen 1981: 89]. Стремление к более открытому звучанию известно и русским говорам севера в передаче прибалтийско-финских заимствований (вахта из *vehka*, падра из *petra* и др.). Истоки данного явления не вполне ясны, хотя высказывается мысль о воздействии местного субстратного языка саамского типа [Матвеев 1995: 32–33]. В данном контексте, возможно, происходило и развитие топоосновы пал- в *Палеостров*, тем более что в палеостровской округе зафиксирован еще один топоним с саамскими истоками, в котором также саамское *æ* из исторического *ε отразилось в виде *а*. Это зафиксированный источниками XVI–XVII веков мыс *Каин наволок*, на котором расположена деревня Кривоноговская. В основе саам. *gæid'no* ‘дорога’, восходящее к более раннему фонетическому варианту *kejnō (см. подробнее в разделе «Саамское наследие...»).

Пелд-: ск. *pelto*, *peldo*, люд. *peldo*, *peld*, вепс. *põud*, *peed*, *püud* (< *peld) ‘поле’. В топонимии часто выступает деминутивная основа **pelto(i)se-*.

Сай/пелда (из приоб.-фин. *Savipeldo ‘глинянное поле’) деревня (Дериг), *Пелдуша* поле (Выр), *Пелдужа* поле (Погост Толв), *Пелдожи* покос (Толстиково Толв), *Пелдожа* поляна (Кузар), *Пелдожа* остров (Сенн), *Пеудушка* поле (Типин), *Пелдушинаволок* мыс (Велик), *Пёлгуба* и *Пелнаволок* (Кургеницы Киж).

Рид-: ск. *rita*, *rida*, люд., вепс. *rida* ‘силос, ловушка (для птиц)’.

Рыдручей (Паян), *Ридобор* поляна (Белохино Толв), *Риднаволок* мыс (Сенн).

Руж-: ск. *gysä* ‘мережа’.

Ружеостров на Святухе (Дериг), *Ружематки* поле (Косм). Заднерядная огласовка спровоцирована в данных примерах, видимо, твердостью *ж* второго слога. Возможно, в данный ряд входят *Рючнаволок* с вариантом *Ричнаволок* (Дериг), *Рюча* залив Падмозера (Коровниково Падм), а также *Грызнаволок* на западном побережье Климецкого острова (Корба Киж), в котором произошло характерное для заонежской топонимии наращение согласного.

Сорд-: ск. *sorto*, *sordo*, люд. *sord(o)*, вепс. *sord* ‘изгородь из валенника, поваленных деревьев; огороженное пастбище, выгон’ [ПФГЛК].

Сорды покос (Пабережье Кажем).

Сявн-: ск. *säyneä*, *säyneh*, люд. *säyne*, *šäyñäg*, вепс. *säune*, *säunaz* ‘язь’ [SSA, KKS, СВЯ]. Современные данные позволяют реконструировать более древнее *säyneh, которое воплотилось в ряде заонежских топонимов:

Сявнега ручей, впадающий в Яндомозеро с севера (Яндом), *Сявнега* сенокос на Климецком острове, вдоль русла высохшего ручья (Киж), мыс *Сявнаволок* (очевидно, из *Сявннаволок) и впадающий около него в Великую губу Онежского озера *Сявручей* (Велик). По-видимому, в этот же ряд входит и название озера *Сям-*

никозеро (Косм), в котором усвоение в русское употребление сопровождалось ассимиляцией согласных внутри основы.

Терв-: ск. *terva*, люд. *terv(e)*, вепс. *terv* ‘смола’. Топонимы с данной основой связаны с местами смолокурения.

Тернаволок (Киж), урочище *Тер/калье* в окрестностях Великой Губы (Велик) < **Terv/kal'lo* ‘смоляная скала’.

Тур-: ск. *turo* ‘нерестилище’. Слово известно также в восточных финских говорах в виде *turo*, *tura*, *turas* [SSA]. В словаре этнографических терминов устройство такого нерестилища описывается подробнее: ‘*turo* – место для нереста плотвы, подготовленное из молодых елей, еловой или можжевельной хвои; здесь устанавливаются верши или сети, или же ловят рыбу на крючок’ [Vuorela 1979: 479].

В Заонежье термин закрепился в названии небольшого *Турой-острова* или острова *Турий* в Яндомозере, напротив дер. Погост (Яндом). При этом атрибутивный компонент названия в ходе русской адаптации оформляется по типу прилагательного на -ой, -ий (ср. *Перыйнаволок*, *Мурый мох* и др.).

Основы прибалтийско-финского происхождения более популярны в наименованиях природных объектов – озерных островов, мысов, заливов, лесных урочищ, в то время как имеющие русские истоки более продуктивны в названиях объектов сельскохозяйственного назначения.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ИМЯ В ТОПОНИМИИ ЗАОНЕЖЬЯ

Антропонимы, т. е. имена, фамилии, патронимы, прозвища, являлись, без сомнения, самым востребованным строительным материалом для географических названий Заонежья. Подсчеты, проведенные по материалам Великогубского и Толвуйского сельсоветов, показали, что около трети топонимов образовано там от антропонимов. Очевидно, такова же ситуация и по другим сельсоветам. Исключительная активность их вызвана в первую очередь активным сельскохозяйственным способом производства, сопряженным с появлением большого количества наименований сельскохозяйственных угодий, содержащих указание на владельца земельного участка. Кроме того, в Заонежье существовала одна из наиболее плотных в Карелии сетей поселений, что предопределило большой слой ойконимов, для которых типовой моделью являются отантропонимные наименования.

В связи со значительным объемом материала и одновременно отсутствием явно выраженных типовых топооснов-антропонимов развернутый анализ топонимов, восходящих к русским антропонимам, в рамках данной работы невозможен. Наоборот, количество топонимов, в которых закрепились прибалтийско-финские именованья людей, обозримо. Это связано не только с поступательным от века к веку нарастанием русского элемента в населении Заонежья, но и в значительной мере с тем обстоятельством, что прибалтийско-финское население, будучи православным, носило русские имена. Последние, правда, нередко преобразовались в соответствии

с закономерностями как фонетики, так и именованности прибалтийско-финских языков.

Далее в форме словаря приводится интерпретация выявленных прибалтийско-финских антропонимных топооснов в Заонежье.

Артово: дер. *Артово* (Косм) в виде нового починка *Артовы Нивы* упоминается впервые в 1720 г. [Витов, Власова 1974: 86]. Она располагалась в северном конце обширного гнезда поселений Космозеро. В основе карельский вариант *Artto* русского православного имени Артем.

Ганжак: дер. *Ганжак* на берегу Космозера. Людиковским говорам известно *hańdžak* ‘дерево с раздвоенным стволом’, в вепском *hańdžak* ‘кол с развилиной на конце’ [SSA], которые, на первый взгляд, не вполне вписываются в силу семантики в ряд антропонимных основ. Однако следует иметь в виду, что в финских говорах соответствующая лексема *hantsukka* активно используется в качестве характеристик (главным образом, негативных) человека: *hantsu* ‘медлительный, бестолковый, ленивый’, *hantsukka* ‘безалаберный, суетливый, бездельник’ [SMS]. Надо полагать, что слово, активно расширяющее семантическое поле за счет метафоры в финских говорах, обладало этим же свойством в карельском, т. е. и в карельских говорах *hańdžak* использовалось в прошлом применительно к человеку, а значит, порождало антропоним-прозвище. Последнее естественно в наименовании деревни, особенно поздней, к каковым относится Ганжак.

Иготецкий остров: современное название *Иготецкого* или *Иготецкого острова* – Букольников или Букольниковский – восходит к наименованию одноименной деревни, при этом последняя не известна по источникам, по крайней мере, до конца XVIII века, зато «дер. Иготецкая», а в более раннем облике «дер. на Иготецком острове» упоминается на всем протяжении XVII–XVIII веков, начиная с писцовой книги П. Воейкова 1616–1617 гг. [Витов, Власова 1974: 74]. Возможно, деревня Букольниково пришла на смену Иготецкой.

Каковы истоки топонима? Для их выявления топоним *Иготецкий* надо рассматривать в паре с *Выгачино* – названием пролива, отделяющего Иготецкий остров от соседнего Карельского. Оно сохранило первоначальное ударение на первом слоге, в то время как в названии острова в связи с многосложностью слова ударение оттянулось на второй слог. В нем далее в соответствии с закономерностью фонетической адаптации прибалтийско-финских топонимов в русской системе имен происходит наращение протетического *в* (ср. *Ихлевица* и *Вихлевица*), сопровождающееся переходом *и* в *ы* (*Вирозеро* и *Вырозеро*, *Имоченицы* и *Вымоченицы*). Оформление топонима формантом *-ино* указывает на возможные антропонимические истоки топоосновы и позволяет реконструировать в основе древнее прибалтийско-финское личное имя *Ihattu*, *Ihačcu* с семантикой ‘вызывающий восхищение, любовь’. Оно было хорошо известно карельскому именованию [Forsman 1894, Nissilä 1975].

Иматов мох: название расположенного в окрестностях Кузаранды болота имеет варианты *Иматов мох* и *Иматова мох*, из которых во втором произошло наращение конечного *о*, вызванное удобством произношения. В основе прибалтийско-финский антропоним *Himattu*, выраженный причастным образованием от *hima* и имевший значение ‘желанный, ожидаемый (ребенок)’. Эта именная основа (*Hima*), а также суффиксальные производные от нее (*Himo*, *Himoī*, *Himačcu*) были хорошо известны в древнем прибалтийско-финском именовании [Forsman 1894: 167; Nissilä 1975: 284,]. Выпадение начального фриктивного *h* обусловлено его слабой позицией и подтверждается как на апеллятивном [Kalima 1919: 41–50], так и на топонимном [Муллонен 1994: 93, 95] уровне.

Каргачево: дер. *Каргачево* входит в состав Кузарандского гнезда поселений. Для расшифровки топонима должно быть привлечено название расположенного рядом с деревней сельскохозяйственного угодья *Каргополе*, в котором второй структурный элемент *-поле*, исходя из заонежской традиции сложных топонимов на *-поле* (ср. дер. *Рамполе*, *Вянешполе*, *Кургополе* и др.), восходит к приоб.-фин. *ruoli* ‘край, бок, сторона’. В первом же элементе позво-

лительно видеть антропоним с прибалтийско-финскими истоками, выступающий в *Каргачево* с суффиксом -č (-čču), продуктивным в прибалтийско-финской антропонимии. Производящая основа карга- (*karha*), по-видимому, представляет собой фонетический вариант приоб.-фин. *karhe-* с семантикой ‘шершавый, грубый на ощупь’, который в древнем ономастиконе прибалтийских финнов использовался для называния человека с жесткими, грубыми волосами или бородой [Sukunimet], ср. *karhapiä* ‘с взъерошенными волосами’ [KKS], *karha* ‘о волосах: взъерошенные’ [SMS]. Впрочем, при анализе мотивации надо, скорее, иметь в виду переносное значение слова, ср. *karhi* ‘упрямый’ [KMS], в восточных финских говорах *karhakka* ‘злой, сердитый, вспыльчивый’, *karhake* ‘с трудным характером, неуправляемый’ и особенно *karhatsu* ‘злой, сердитый человек’ [SMS], идентичное по форме названию заонежской деревни. *Karhatsu* известна среди древних фамилий Северного Приладожья [Nissilä 1975: 284].

Коржаево: дер. *Коржаево* (Косм), располагавшаяся в северном конце оз. Калозеро, на самой границе Космозерской волости, не упоминается в ранних письменных документах, что согласуется и с ее расположением. Границы волостей заселялись, как известно, позднее центра. Топоним имеет прибалтийско-финские истоки. В его основе можно предполагать известное в восточных финских говорах прозвище *korsu* ‘обжора’ [KMS].

Куковская: древний прибалтийско-финский антропоним, ср. фин. *Kukko*, кар. *Kukko*, *Kukkoï*, *Kukoï*, вепс. *Kukoï*, восходящие к соответствующим апеллятивам с семантикой ‘петух’. Он отразился в целом ряде карельских [Nissilä 1967: 41] и в некоторых вепсских [Муллонен 1994: 98] ойконимах.

Судя по данным ПКОП 1563 г., в составе Усть-Яндымы существовала деревня под названием *Куковская* [ПКОП, с. 125], при этом ее название явно соотносится с фамилией Ульянки Васильева Кукова, у которого монахи купили мельницу [ПКОП, с. 134]. Не исключено, что потомки его проживали в деревне еще в начале XX века, поскольку в одном из земельных документов 1922 г. среди

фамилий жителей Усть-Яндымы упоминается и фамилия Куккоев [НАРК, ф. 357, оп. 1, 12/196, л. 21].

Кургеницы: антропоним *Kurki, Kurgi* входит в число наиболее известных традиционных прибалтийско-финских именовании и был широко распространен, в том числе в карельском ономастико-не. Обычно он возводится к апеллятиву *kurki, kurgi, kurg* ‘жур-авль’.

В Заонежье он восстанавливается в ойконимах, что служит дополнительным основанием для антропонимной этимологии. Наиболее известное заонежское название с данной основой – дер. *Кургеницы* на Клименецком острове, при этом оформление названия ойконимным суффиксом -(ен)ицы является знаком его отантропонимных истоков. Среди других примеров дер. *Кургополе* в Толвуйской волости, в котором второй структурный элемент -поле восходит, скорее, не к русскому поле, а прибалтийско-финскому *ruoli* ‘край, бок, сторона’, представленному и в ряде других заонежских ойконимов (наиболее показательные Рамполе ‘береговая сторона’ и Вянешполе ‘Онежская (т. е. тяготеющая к побережью Онежского озера) сторона’ в Вегоруксе). Кроме того, известен покос *Кургово* в Хашезере (Дериг).

Кярзино: карел. *kärsä, kärzä*, вепс. *kärz* ‘рыло’, в переносном значении ‘(некрасивое) лицо’. Семантика слова такова, что оно легко переходило в разряд антропонимов прозвищного характера. Последний отразился, по крайней мере, в одном заонежском топониме – дер. *Кярзино* в составе Фоймогубского сельсовета. Знаменательно при этом, что исторические документы донесли до нас имя основателя деревни – Кипра Иванова Кярзина, который упоминается в писцовой книге 1563 г. [Витов 1962: 269]. Примечательно, что в этой же писцовой книге в Фоймогубе впервые упоминаются, по крайней мере, еще два новых жителя с прибалтийско-финскими патронимами/фамилиями: Ушак *Пекуев* – основатель деревни Пековской или Пековки, а также Якимко Яковлев *Лопаков*, фамилия которого закрепилась в названии дер. *Лопаково*, впоследствии переименованной в Харлово. Не исключено, что в

одном ряду с ними должны рассматриваться Манулка и Иванко *Патракеевы*. Патроним Патракеев закрепился позднее в названии деревни *Патрово*, при этом известно, что *Patro*, *Patroi* – это карельские варианты русского Патракей. Не отразился ли в этом факте приток нового карельского населения на Путкозеро, в район Фоймогубы?

Мехкель: небольшая деревенька *Мехкель*, или *Мехтель* входила в состав Мягрозерского куста поселений (Кажем). Из двух фонетических вариантов первый – *Мехкель* – является примарным, а вариант *Мехтель* должен рассматриваться как следствие освоения нехарактерного для русского языка звукосочетания -хк- в виде -хт-, ср. аналогичный процесс в севернорусском *ухта* из кар. *uhku* [Kalima 1919: 234–235], *пихта* из вепс. *pihk*, *вахта* из приоб.-фин. *vehka* [Меркулова 1967: 37–38], *вихтус* из приоб.-фин. *vihto* [Матвеев 1995: 32], а также некоторые топонимные фиксации (руч. *Вехтой*, р. *Пяхта*) и др. [Муллонен 2002б: 63–64]. Ойконим восходит, по-видимому, к прозвищу или образовавшемуся от него патрониму *Möhkö* (*möhkö* ‘толстый’), известному в карельском ономастике Приладожья [Nissilä 1975: 143] и оформленному антропонимным суффиксом -*li*. Впрочем, присоединение суффикса могло произойти уже в апеллятиве, породившем позднее антропоним: ср. *möhkäle* ‘громоздкий, бесформенный’.

Деревня Мехкель, как, впрочем, и в целом Мягрозерское гнездо поселений, является поздней. Характерно, что Мягрозеро не отмечается даже на картах генерального межевания конца XVIII века. Предложенная этимология хорошо согласуется с этой исторической подоплекой: антропонимы в чистом виде, без дополнительного суффиксального оформления или родового термина, закрепляются в ойконимах в период вторичного освоения территории из традиционных центров заселения. Наглядным примером может служить топонимия смежного с Заонежьем карельского Сегозерья, где ойконимы, совпадающие по форме с антропонимами (типа *Tikku*, *Turha*, *Lyttä*, *Miina*, *Loški* и др.), появляются позднее, чем ойконимы -*l*-ового типа [Муллонен 2001: 30].

В предложенную схему развития, кажется, укладывается и тем самым подтверждает ее и название второй мягрозерской деревни – *Папуки*. Данный ойконим должен рассматриваться в одном ряду с наименованием расположенного в окрестностях Семчезера хутора *Pappized*, а истоки обоих, возможно, объясняет «уличная», т. е. неофициальная, фамилия *Pappized*, бытовавшая в людиковском селе Пелдожи. Последнюю информатор связывает с людиковским словом *rappine*, служившим для обозначения человека маленького роста⁸.

Мигуры: выступает в названии деревни *Мигуры* около Сенной Губы (Сенн). Возводится к ск. *mykurgä* ‘округлый, с выпуклыми боками предмет’ (например, горка). Слово используется и для характеристики внешнего облика человека и применяется к полному, небольшого роста человеку [KKS]. Поэтому в основе ойконима возможно предполагать антропоним, тем более что антропонимическое происхождение имеют и некоторые соседние с Мигурами деревни, ср. дер. *Петры*, *Плешки*. Для всех них характерно оформление показателем множественного числа, свойственного именно отантропонимным наименованиям поселений.

Микково: дер. *Микково* (Косм) относится, видимо, к поселениям позднего образования, поскольку не упоминается в известных письменных источниках вплоть до XVIII века. Позднее появление согласуется с расположением деревни на границе Космозерской волости, бывшей ранее границей Кижского и Шунгского погостов. В этимологическом отношении ойконим прозрачен, в его основе карельское личное имя *Mikko*, восходящее к русскому Михаил.

Муство: современный облик восходит к более раннему, однозначно указываемому на отантропонимные истоки названию *Мустоевское*, *Мустиево*, *Мустуево* [Витов, Власова 1974: 32]. Прибалтийско-финский антропоним *Musta*, *Mustoi* (*musta* ‘черный’) был широко известен в карельском и вепсском именослове [Nissilä

---

⁸ Из полевых материалов Д. В. Кузьмина, записанных в 2004 г. в дер. Пелдожи.

1975: 142; Муллонен 1994: 96]. В Заонежье в Шунгском погосте был известен Иванко Микифор Мустар [ПКОП], в родовом прозвании которого закрепился антропоним *Mustari*, где именная основа *Musta* оформлена свойственным традиционной прибалтийско-финской антропонимии суффиксом *-ri*, ср. *Toivari*, *Huväri* и др.

Рамбачево: хутор *Рамбачево* возник на южной окраине Кузандринской волости. Ойконим восходит к карел. *gampa*, *gamba* ‘хромой’, ср. производное от него при помощи суффикса *-č* *gambač* с тем же значением.

Рахк: древний прибалтийско-финский антропоним *Rahko* неоднократно фиксируется в документах, относящихся к территории средневековой Финляндии [Forsman 1894: 129, *Sukunimet*], в материалах XVI века по Карелии упоминается Гридка Рахкоев [Попов 1949: 54]. Следы использования имени в вепсской среде сохранились в вепском ойкониме *Rahkoil*, русский вариант Рахковичи [Муллонен 1994: 88]. Интересно, что Рахой – один из вариантов имени героя пудожских преданий о Рахкое из Рагнозера [Чистов 1958: 358–388]. Считается, что антропоним восходит к апеллятиву *rahko* ‘мифологическое существо, домовый’.

Надо полагать, что антропоним был хорошо известен несколько столетий назад и в Заонежье. Следы его бытования обнаруживаются в нескольких заонежских топонимах:

дер. *Ровкачевская* или *Рохкачевская* в составе Вырозерского куста поселений, дер. *Равкуевская* или *Ракуевская* в составе Толвуйского погоста (Витов, Власова 1974: 23), *Рахкоева поляна* (дер. Поля Типин). Толвуйское название не сохранилось до настоящего времени. Оно фиксировалось в документах в XVI–XVII веков по реконструкции Витова и Власовой на месте современной дер. Лахта в конце Каргубы. Судя по приводимым ими данным, смена названия могла произойти в начале XVIII века.

В *Рохкачевская* еще на этапе прибалтийско-финского антропонима произошло оформление имени характерным антропонимическим суффиксом *-č* (*Rahkač), что отразило имя основателя деревни Захарки Рахкачева [Витов, Власова 1974: 33]. Позднее уже в

процессе русского функционирования топонима сказалось севернорусское оканье, спровоцированное сдвигом ударения с первого слога на третий. Примарный фонетический облик антропонима лучше всего сохранился в микротопониме *Рахкоева поляна*, в ойконимах же и вследствие их фреквентативности в речи, и по причине традиций письменного употребления произошли сдвиги.

Репный Посад: народная этимология устойчиво связывает ойконим с русским словом **репа**, при этом мотивация номинации совершенно размыта. Анализ топонимии окрестностей деревни открывает возможности для другого толкования истоков названия. Деревня *Репный Посад* (Велик) располагается на берегу залива Великая губа, а сразу за деревенскими домами начинается возвышенность, название которой – Репонварская гора – звучит странно для русского уха, но не вызывает особых затруднений, если подойти к нему с мерками прибалтийско-финских языков. Оно легко возводится к прибалтийско-финскому оригиналу *Reponvaaga или *Reponvoaga, имеющему сложное строение. Второй элемент *-vaaga/-voaga* переводится как ‘(лесистая) гора’, а в первом элементе выступает, очевидно, приб.-фин. геро(i) ‘лиса’, причем в форме генитива, на что указывает конечное *-n*.

Таровская: название деревни *Таровская* (Выр) отразилось в письменных документах XVI–XVII веков в виде дер. *Тарувская*, в котором сохранился размытый в более поздних фиксациях первоначальный облик топоосновы, восходящий к карельскому антропониму *Taroi* – рус. Дорофей.

Ушкальнаволок: Древнему прибалтийско-финскому именованному известно личное имя *Uskali*, которое принято возводить к апеллятивному гнезду *uskaltaa* ‘сметь, осмеливаться’, *uskalikko* ‘смелый’ и др. [например, *Nissilä* 1939: 377]. Имя сохранилось в целом ряде имен, фамилий и топонимов на территории Приладожья, ср. Ушкал Ивашков, Омелянко Демешкин Ушкалов, Федотко Ушколов, все в 1500 г. [*Sukunimet*]. Его заманчиво реконструировать и в основе названия мыса *Ушкальнаволок* (Киж).

А. В. Форсман, заложивший в конце XIX века основы финской антропонимики, выделял в Uskali суффикс -li, свойственный и другим древним прибалтийско-финским личным именам [Forsman 1894]. Это предполагает возможность существования именной основы и без данного суффикса или с иным суффиксальным оформлением, характерным для антропонимов. В средневековых документах именная основа отразилась как Uski, Usko или Uskoi⁹, из них два последних варианта могут быть перспективны для объяснения истоков топонима *Ушково* – название обширного урочища у южной оконечности *Ушковской губы* Яндомозера, при истоке реки Яндомозерки. В данное гнездо входят также топонимы *Ушков бор* и *Ушковский обод*. Наличие целого гнезда топонимов указывает на важность объекта в локальной структуре местности. Возможно, Ушково – бывшее поселение (в этом плане показательным оформлением названия посессивным суффиксом -ов-, свойственным ойконимам, а также присутствие топонима *Ушковский обод*, поскольку топонимная модель с элементом **обод** маркирует, как правило, границы земельных владений деревни), и в таком случае присутствие в названии антропонима является естественным.

В одном контексте с яндомозерским *Ушково* есть смысл обратить внимание на целое гнездо топонимов в окрестностях с. Вигово (Велик): *Ушков* (с вариантом *Ошков*) *остров* в Виговской губе, при впадении *Ушковой речки*, которая в своем среднем течении протекает под *Ушовым* (или *Ошовым*) *мостом*, а в верховьях речки располагается лесное урочище *Заушова орга*. Очевидно, данное топонимическое гнездо сформировалось вокруг некоего центра, в котором заманчиво видеть старый, утраченный ойконим, восходящий к карельскому антропониму Usko, Uskoi. Исходя из ландшафтных реалий, а также фактов топонимики, можно предполагать, что поселение с названием *Ушково могло располагаться либо рядом с устьем *Ушковой речки*, на мысу *Пелдожнаволок* (приб.-фин. pelto, peldo ‘поле’), напротив которого находится *Ушков остров*, либо на некотором удалении от побережья, около *Ушового*

⁹ В действительности речь может идти и о другом имени, не входящем в одно гнездо с Uskali, а восходящем к приб.-финскому апеллятиву uskoa ‘верить’.

моста, в районе которого располагается сельскохозяйственные поляны деревни Вигово.

В приведенном гнезде топонимов наблюдается примечательная фонетическая особенность – нестабильность *к* внутри слова (*Ушкова речка*, но *Ушовый мост*), для объяснения которой заманчиво привлечь факты карельского чередования ступеней согласных, ср. *koski* : *kosen*. Если бы удалось обнаружить в заонежской топонимии и другие примеры с подобной фонетической особенностью, то последнюю можно было бы рассматривать в ряду дифференцирующих карельских признаков.

Ютева Гора: дер. *Ютева Гора* с вариантами *Гютева Гора*, *Ютевицина* (Дериг). Деревня расположена на берегу Путкозера и входит в состав села Шуньга. Веским основанием для поиска антропонимной основы служит то обстоятельство, что историю становления ойконима удастся проследить от карты генерального межевания XVIII в. вглубь более чем на два столетия, вплоть до писцовой книги 1563 г. [Витов 1962: 275], в которой упоминается Тимошка Григорьев Гютюев. Очевидно, данный патроним и лежит в основе названия поселения. Для этимологии важно, что вплоть до начала XVIII века ойконим записывался в форме *Ютеева Гора*, что позволяет восстанавливать в его основе карельский и саволакский антропоним Нуутиä, который хорошо известен, к примеру, письменным источникам XVI в. по территории Карельского перешейка, откуда широко распространился позднее с саволакским освоением на территории всей Восточной Финляндии [Sukunimet]. Авторы Словаря финских фамилий считают возможным возводить его к апеллятиву *huutiä* (более известный фонетический вариант *huuriä*) ‘сова, филин’, что вполне укладывается в закономерности семантики карельских патронимов. Добавим к этому, что фамилия Нуутиä(inen) входит в число наиболее фреквентативных саволакских фамилий [Sukunimet].

Не исключено, что рассмотренный антропоним выступает и в названии дер. *Ютнаволок* (с вариантом *Гютнаволок*), расположенной на мысу лесного озера Чужмозера, в глуби Заонежского полуострова.

Якорлядина: деревня в центральном Заонежье, на западной границе Великоновинской волости. Второй элемент топонима выражен русским термином лядина, который в говорах Заонежья используется в значении ‘участок в лесу, расчищенный под посев; подсека’ или в развившихся вторичных значениях ‘лесная поляна с мелким кустарником или зарастающая лесом делянка’, ‘лес’ и др. [СРГК]. Что же лежит в основе атрибутивного элемента? Морфологический облик топонима, выраженного сложным словом, указывает на прямую возможность прибалтийско-финских истоков определения. В качестве возможного источника предлагается лексема, зафиксированная в восточных финских говорах: *jakkaга* ‘о маленьком, хилом, неуклюжем человеке’ или *jakkaги* ‘ласкательное имя ребенка, маленького мальчика’ [SMS].

С позиций этнической идентификации населения важно то, что ряд антропонимов с прибалтийско-финскими истоками фиксируется в наименованиях деревень, ныне являющихся русскими, и указывает тем самым на прибалтийско-финские истоки их населения.

В контексте следов прибалтийско-финской антропонимии в Заонежье определенный интерес представляет антропонимия, закрепившаяся в писцовых книгах и других ранних письменных источниках. Хотя следует сразу оговориться, что в целом в смысле этнической идентификации населения эти материалы достаточно безлики. Васюк Кузьмин из Кижского погоста мог быть, если судить по его имени, и русским, и карелом, и вепсом. Письменные документы XVI–XVII веков не передают, как правило, фамилий, которые к тому времени не получили еще официального статуса, а соответствующие неофициальные родовые прозвания, а также прозвища лишь в качестве исключений попадают в официальные источники. Так, в Паяницах Шунгского погоста отмечены Першка да Якушка да Кондратко Керкины и Гаврилко Киркин, в роли родового патронима закрепился по одной из версий карельский антропоним, восходящий к апеллятиву *kirki* ‘с горячим темпераментом, пылкий, страстный’ [Kirkinen 1990: 18]. В этом же погосте отмечены Ивашко *Габунув*, Фофанко *Поскочев*, Микулко *Кокуев*, все с «птичьими» патронимами.

В Толвуйском погосте патронимы отразились в Степанко Юрьев *Рохачов*, Клишко Степанов *Гемячов*, в Кижском Кондратко Федоров *Пекуев*, Васюк Иванов *Мечаков*, Оксентейка Семенов *Цыкоев*. В последнем вследствие севернорусского неразличения *ц* ~ *ч* правомерно восстанавливать *Чикоев, в котором закрепился приб.-фин. антропоним *Šikko, Šikoī*, ср. вепс. *šikoī* ‘сестра’.

Родовые прозвания – редкость на фоне именований, представленных личным именем и отчеством. При этом отчество, как правило, бывает выражено православным именем и не несет этнической нагрузки. Лишь в редких случаях выступает нехристианский антропоним: Фетка да Перха *Лембоевы* из дер. Хабаровской в Толвуе или Марко *Хидоев* из того же погоста. В ряде случаев прибалтийско-финские истоки отчества угадываются благодаря тому, что православное имя в нем получило карельское или вепское оформление: ср. Осташко *Тимуев* (кар. *Timoī* ← рус. Тимофей), Гридка *Вачюев* (кар. *Vačuī* ← рус. Василий), Харло да Степанка *Онтуевы* (карел. *Ontoī* ← рус. Антон), Гаврилко *Ермоев* (кар. *Ermoī* ← рус. Еремей). Примеров такого рода единицы. Видимо, в официальном документе предпочтение отдавалось русскому официальному варианту антропонима, а не его прибалтийско-финскому варианту, имевшему неофициальный статус. Тем не менее некоторые из прибалтийско-финских вариантов православных антропонимов сумели закрепиться в наименованиях деревень. В Шунгском погосте к такому относятся дер. *Вачуево, Сипуево, Ивкуева*, в Толвуйском – дер. *Пичуева, Пароева* и некоторые другие. В них именная основа оформлена суффиксом *-oi* ~ *-ui* (в русской передаче обычно *-ей* и *-уй*), свойственным вепскому и карельскому именословам. Первоначально он нес деминутивную нагрузку, однако со временем стал восприниматься просто в качестве формального элемента, присущего личным именам.

Материалы писцового дела XVI–XVII веков содержат, таким образом, своеобразный прибалтийско-финский «привкус» в виде прибалтийско-финской антропонимии и возникших на ее основе ойконимов. Одновременно сопоставление антропонимии разных погостов обнаруживает явные очаги, скопления дифференцирую-

щих русских антропонимов. К последним относятся прозвища, неканонические имена и образованные от них отчества и фамилии, ср. в Шуньге Федко Васильев *Горлов*, Иванко *Лехкой*, Фефилко Федоров *Одинец*, Мишук Дмитров *Кривой*, *Третьяк*, *Поздячко*, Ронко *Бобров*, Иванко Васильев *Волк*, Сенка *Гладышов*, Мишук Иванов *Ременников*, Тимошка да Якуш *Селезены*, Федотко Федоров *Коровников*, Никитка *Буйносов* (в русских говорах буйнос 'бойкий, удалой, молодой парень' [СРНГ]) и др. Даже если признать, что часть из них возникла в результате перевода прибалтийско-финских оригиналов, все же нельзя не принимать во внимание того, что здесь на ограниченной территории представлено значительное скопление русской антропонимии, являющееся свидетельством присутствия русского населения. Такие же очаги заметны также, к примеру, в Великой Губе и в Толвуе.

СААМСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТОПОНИМИИ ЗАОНЕЖЬЯ

Ареал Заонежья входил в территорию древнего саамского расселения, о чем свидетельствуют археологические данные [АК], так что поиск топонимов с саамскими истоками здесь естествен и оправдан. Ряд таких названий известен и по специальной топонимической литературе, и по популярным изданиям. Предложенный список названий с саамскими истоками сформирован преимущественно из тех топонимов, которые не привлекли внимание предшественников. Из известных в него попали только те (например, с основами Челм- или Нюхч-), которые не вызвали у автора сомнений в их истинности.

Вабл-: саам. *vavl*, *faw'le* ‘путь, фарватер’ [Lehtiranta 1989]. Основа восстанавливается в названии острова *Ваблок* или *Вавлокостров* (Толв). Остров Ваблок является центральным в группе трех островов (*Кайнос*, *Ваблок*, *Мегостров*), протянувшейся вдоль Заонежского залива между толвуйским и челмужским берегами более чем на 4 км (рис. 12). При этом между Ваблоком и Мегостровом расположена обширная отмель, так что единственный возможный фарватер находился между островами *Ваблок* (саам. *vavl* ‘фарватер’) и *Кайнос* (саам. *kain-* ‘дорога, путь’ – см.). Это обстоятельство и отразилось в названиях острова.

Вол-: саам. *vuolle* ‘нижний’. Озеро *Волозеро* расположено на северной окраине Заонежья, на древнем транзитном пути из Онежского озера в Белое море. Путь шел с северного побережья Онежского озера на Волозеро, за которым начинался водораздел Масельга дли-

ною в 5 верст, отделявший бассейн Онежского озера от бассейна Белого моря. Далее путь продолжался чередой озер и рек в обширное Выгозеро, после которого следовал волок длиной 27 верст, выводящий на озера Коросозеро, Пулозеро и Сумозеро. На завершающем участке пути рекой Сумой добирались до Белого моря. Исходя из расположения Волозера на данном маршруте, оно, будучи водораздельным, должно было бы рассматриваться, скорее, как верхнее, а не нижнее. Чем же вызвано восприятие озера как «нижнего»?

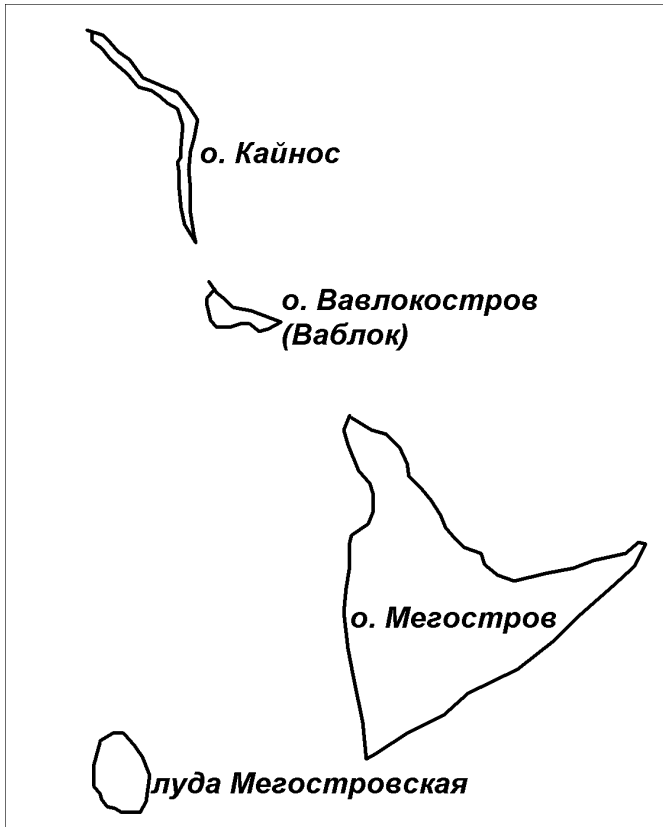

Рис. 12. Саамские «дорожные» топонимы Кайнос и Ваблок

Кроме названного водно-волокового пути Волозеро входит в состав другой, локальной водной системы, которая формируется рекой Вола, вытекающей из Верхнего Волозера в собственно Волозеро. По-видимому, точкой отчета, т. е. «верхним» в данной системе, служило озеро с явно вторичным названием *Верхнее Волозеро*, расположенное на северной окраине бывшего Челмужского погоста. По отношению к нему Волозеро действительно является «нижним».

Ерм-: в основе предполагается саам. *jēgm* ‘омут, яма в воде’ [KKLS 55]:

Ермостров остров у восточного побережья Клименецкого острова (Кургеницы Киж).

Кайн-: топооснова может быть связана с саамской лексемой *gæid'no* ‘дорога’, восходящей к более раннему фонетическому варианту **kejnō* [Lehtiranta 1989: 48]. Огласовка первого слога саамского слова в принципе предполагает, что топооснова в Обонежье должна иметь вид **käin(o)-* → рус. кяйн(о)- [Муллонен 2002]. Однако наличие заднего гласного во втором слоге могло спровоцировать отодвижку гласного первого слога назад и, следовательно, бытование топоосновы в виде кайн(о)-. Не исключено, что речь могла идти об особенностях прибалтийско-финской адаптации древнего саамского топонима, когда в соответствии с гармонией гласных задняя огласовка топоосновы приводила к отодвижке назад и гласного первого слога, т. е. **käino-* > *kaino-*. В Толвуйской округе данную основу можно реконструировать в названии длинного и узкого острова *Кайнос* (-с < -s – топонимный формант, свойственный топонимам саамского происхождения) в Заонежской губе Онежского озера. Остров расположен в самом узком месте губы, между полуостровом Клим, глубоко вдающимся в воды залива с южного берега, и полуостровом Хиж, расположенным на противоположном, челмужском берегу залива. Кажется уместным предполагать, что именно здесь, мимо острова Кайнос, проходил путь (саам. **kejnō*) с Толвуйского берега на Челмужский. Память о существ-

вовании этого пути хранит, видимо, и название расположенного рядом с Кайносом острова Ваблок (см. вабл-).

Саамскую основу *кайн(о)*- можно предполагать еще в одном толвуйском топониме. Это зафиксированный источниками XVI–XVII веков мыс *Каин наволок* (д. на Каине наволоке, на Кане наволоке, на Канненаволоке, на Кан наволоке [Витов, Власова 1974: 36]), на котором расположена деревня Кривоноговская. Мотивом для названия могло послужить то обстоятельство, что отсюда был самый короткий водный путь до Палеострова – чуть более 2 км. Между прочим, в Толвуйской округе, на Путкозере, к северу от Паяниц известен еще один мыс, в названии которого возможна реконструкция основы *кайн*-. При этом он, как и *Каин наволок*, отделен незначительным по ширине проливом от острова Часовенского. Название мыса звучит на первый взгляд странно – *Каньяволок* вместо ожидаемого *Каннаволок. Однако эту странность можно объяснить, если принять во внимание известную прибалтийско-финскую фонетическую закономерность, в соответствии с которой выпадение конечного элемента -i- из дифтонгов приводило к палатализации следовавшего за ним согласного, т. е. *kain- > *кай*-. При стыковке двух «п» – мягкого в конце атрибутивной части сложного названия и твердого в начале основного элемента -наволок – палатализованный вариант побеждал, что и приводило к фонетически странному *Каньяволок* [кан'н'аволок]. Если предложенная схема развития верна, то в изначальном древнем топониме должна была выступать снова *kain*-.

Современное саамское слово привязано не столько к водным, сколько к сухопутным лесным дорогам, охотничьим тропам. Однако для саамов Обонежья, видимо, было обычным использование термина для водных путей. В качестве подтверждения приведем название деревни *Кайно* в южном Обонежье, в Ундозере. Через нее истари проходил и зимний, и летний (водный) путь через озеро Лухтозеро. Не исключено, что в один ряд с упомянутыми топонимами входит и название островка *Канестров* или *Каняостров* (в архивных материалах XIX века *Кайнеострова*) напротив Сенной Губы.

Карас-: саам. *kāreṣ* ‘узкий, тесный’ [KKLS: 93]. Основа наглядно отражает форму узкого и длинного озера *Карасозеро* (Карас), втиснутого между двумя возвышенностями. Надо полагать, что в прошлом название описывало форму озера еще точнее, поскольку примыкающее сейчас к северному концу озера узкое длинное болото являлось продолжением озера на север.

В специальной топонимической литературе отмеченная саамская основа практически не представлена, хотя ее бытование подтверждается несколькими убедительными примерами в Обонежье, в том числе узкое длинное *Карасозеро* в бассейне реки Сумы на транзитном пути в Беломорье, а также два озера с названием *Карасозеро* на пудожском берегу Онежского озера.

Нюхч-: саам. *njuk'ča* ‘лебедь’. Основа выступает в названии озера *Нюхча* или *Нюхчаозеро* (Киж), зафиксированном в Писцовых книгах XVI века, а также в более поздних документах XIX века, хранящихся в НАРК [ф. 357]. В последних топоним закрепился как *Нюккозеро*. После того как была прокопана канава для отвода воды, озеро получило название *Копанец*. Этимология подтверждается тем, что еще в начале XX века на озере гнездились лебеди [Агапитов 2000: 30]. Основа сохраняется в наименовании расположенного на берегу озера Копанец сенокосных угодий *Нючнаволок* и *Нюсьгуба*.

Ойб-: в основе, очевидно, саам. *oai've* ‘голова’ [SSA]. Семантический спектр саамской лексемы шире, однако предложенное значение хорошо подтверждается географической характеристикой: озеро *Ойбозеро* или *Войбозеро* (Кажем), в названии которого она скрыта, является верхним, иначе «головным» в течении реки. Появление протетического *в* может быть спровоцировано как прибалтийско-финской, так и русской адаптацией топонима. Собственно, предпосылки его появления заложены уже в самой саамской лексеме.

Пет-: саам. *pâttâ, pedd* ‘зад, задница’ (< *peṭe). Из этого примарного значения развилась со временем вторичная семантика ‘конец

фьорда или залива' [Nielsen]. Река *Пет/река* (Киж) впадает с севера в залив Вожмариха, который на более ранних картах известен под названием *Матгуба*¹⁰, восходящим к *Матгуба с прибалтийско-фин. «дорожным» определением *matk* 'волок' (см. подробнее в разделе «Дорожная топонимия»). Волок, отразившийся в названии залива, пересекал примыкающий к Матгубе длинный узкий мыс Кушнаволок и позволял попадать в соседний залив Сычевская губа, а оттуда в Заонежский залив Онежского озера. О том, что такой волок действительно существовал в прошлом, свидетельствует и название сельскохозяйственной поляны *Зимник*, расположенной в основании мыса Кушнаволок. Здесь начинался зимний санный путь через Кушнаволок из Матгубы в Сычевскую губу, проходивший, видимо, по маршруту древней «матки» прибалтийско-финского времени. Не исключено, что этот волок существовал и в саамский период истории Заонежья, на что и указывает топоним Петрека. Впадающая в конец залива река воспринималась как задняя по отношению к волоку.

Добавим, что заонежская Петрека входит в ряд других наименований водных объектов с основой пет-, характеризующихся задним, крайним, конечным расположением, в котором отражается семантика саамской лексемы [Муллонен 2002б: 284–285]. При этом в части из них основа явно привязана к водно-волоковым путям и маркирует боковое, заднее по отношению к магистральной дороге местоположение объекта [Муллонен 2002а].

Расшифровка этого и других древних топонимов позволяет установить приоритетные центры освоения и локализовать его направления.

Поч-: основа выступает, по крайней мере, в одном заонежском топониме – названии поля *Почеверье* или *Подчеверье* в окрестностях дер. Трошово (Кузар). Прибалтийско-финский оригинал **Pod'ža/viegi* является сложным по структуре названием, в котором второй элемент *viegi* имеет значение 'бок, край, сторона', так что название интерпретируется как 'поле, расположенное сбоку, на

¹⁰ Например, Мать губа [РГИА, ф. 380, оп. 17, № 533, планшет 74, 1868].

краю угодыя *Pod'ža'. Исходя из того, что Почеверьье располагается на краю болотистой низины под названием Мокреди, надо полагать, что прежде Мокреди назывались *Почей. Жители деревни Трошово помнят по рассказам своих предков, что Мокреди – осушенное под сенокос озеро, которое располагалось в конце глубоко вдающегося в берег залива Люмбогуба. Когда-то оно, по-видимому, являлось северным концом залива.

Такая ландшафтно-географическая характеристика позволяет возводить этимологию к саамскому *boas'šo, roašš* (< *rōššō) ‘задняя часть, задний угол саамского чума’. Подобная семантика (‘задний угол’) вполне адекватно отражает характер географической реалии – конец залива. Здесь уместно отметить, что этимологически саамское слово имеет единые истоки с прибалтийско-финским *rohja* [SSA], для которого естественно использование в сочетании *lahden/pohja* ‘конец залива’. Многочисленные примеры присутствия основы *roža- ~ rodža-* в наименованиях озерных заливов в Карелии и на смежной территории Присвирья [Муллонен 2002б: 252–253], возможно, указывают на наличие географической семантики в прошлом и у саамского слова.

Итак, за топонимной основой Поча- может скрываться саамский оригинал. Фрикативный *ч* является следствием интеграции основы вначале в прибалтийско-финскую систему названий с закономерным озвончением саамского оригинального шипящего до *dž*, а затем в русскую, которая преобразовала последний в *ч*.

Челм-: саам. *čoaľ'bme* ‘пролив’. Основа закрепилась в названии залива *Челмужгуба* в окрестностях дер. Гарницы (Сенн). Основанием для номинации послужил, видимо, пролив между островом Люкостров (или Лычково) и мысом Котнаволок, примыкающим к заливу Челмужгуба. Возможно, в прошлом саамская основа закреплялась и в названии мыса, сменившись позднее прибалтийско-финской. В свою очередь, *Челмужская губа* – залив Онежского озера, на берегу которой находится старинное село *Челмужи*. Челмужская губа отделяется от озера узкой и длинной Челмужской косой, и лишь узкий пролив соединяет ее с Заонежским заливом.

Чол-: озеро *Чолозеро* (Косм) имеет характерную особенность конфигурации. С северного берега в него глубоко вдается узкий длинный мыс, практически разделяющий озеро на две части. Оно напоминает по форме озера северной Финляндии, в названиях которых выступает диалектный географический термин *juolu* ‘мыс, вдающийся в болото или водоем’, имеющий саамские истоки и сопоставимый с саамской лексемой *čuollo*, *čuollu*, которая имеет целый ряд значений, в том числе ‘специальное устройство, направляющее лососей в запруды; загон для оленей; специальная изгородь, перегораживающая озерный мыс’ и т. п. [Räisänen 1995: 539]. Эти на первый взгляд достаточно далекие друг от друга значения в действительности объединяются вокруг одной идеи: некий природный или созданный человеком постепенно сужающийся коридор, использовавшийся для того, чтобы направить оленей, лососей и проч. к месту отлова. Видимо, значение промыслового термина в данном случае вторично, изначальное же значение ‘край, бок, сторона, тупик’ сохранились в саамском *čuolo* ‘расположенный боком’, *čuollot* ‘сбоку, боком, ребром’ [KKLS].

В финских говорах саамское заимствование в целом сохраняет семантику оригинала. Сопоставление не вызывает возражений и с точки зрения фонетики, ибо в диалектах северной Финляндии саамское начальное *č* в словах с задней огласовкой последовательно передается через *j*, ср. саам. *čuahkos*, *čuokas* ‘зимник, зимняя дорога’ → фин. диал. *jokos*; саам. *čor* ‘бедро, ляжка (животного)’ → фин. диал. *jorva*; саам. *čolme*, *čoaľ'bme* ‘пролив’ → фин. диал. *jolma* и др.

По данным А. Ряйсянена, саамская основа отразилась в целом ряде географических названий на территории северо-восточной Финляндии, причем речь идет о названиях вдающихся глубоко в озеро мысов или узких перешейков, отделяющих одно озеро от другого, т. е. мест, удобных для загона оленей. Подобным образом может быть охарактеризовано и заонежское Чолозеро.

В контексте приведенного материала обращает на себя внимание и саамская лексема *čolle* ‘возвышенность, холм, пригорок’ [IW], для которой не удалось обнаружить научной этимологии,

однако в смысле семантических универсалий (край → гора) [см. подробнее Муллонен 2002б: 296–303] она явно тяготеет к рассматриваемому ряду слов.

Ян-: топооснова восходит, возможно к саамской лексеме æpâ со значением ‘большой’ (ср. приоб.-фин. epä в том же значении). Она отразилась в названии *Онежского озера*, точнее, его прибалтийско-финском варианте *Änipe* (основа Äniž-) [Муллонен 2002б]. В это же гнездо входит, видимо, название поля *Янежполе* (Кузар), предполагаемый приоб.-фин. вариант которого *Änižpol’ или *Änižpuoli ‘Онежская сторона’. Идентично по своим истокам и название одной из деревень, входившей в состав Вегоруксы, – *Вянишполе* ‘Онежская сторона’¹¹. Предложенная этимология подтверждается расположением деревни внутри Вегорукского куста поселений: деревня Вянишполе – самая западная и тяготеет к Онежскому побережью, в то время как, например, деревня Рамполе (из *Randpol’ или *Randpuoli ‘Бережная сторона’) располагалась на берегу Вегорукского залива. Представленный в начале топонима **в** – протетический звук, появление которого вызвано адаптацией фонетически чуждого облика топонима русским языком.

В северном Заонежье на западном берегу Кефтенгубы известна обширная возвышенная область с названием *Янская гора*, вариант *Диановы горы* или *Дяновы горы*. Здесь отмечена самая высокая точка Заонежского полуострова. Озеро под горой называется *Подъянское озеро*. Возможно, эта заметная топографическая деталь рельефа получила название уже в саамское время.

Не исключено, что в этот же ряд входит название самого крупного озера в южном Заонежье – Яндомозеро, из которого вытекает р. *Яндом*, впадающая к тому же в губу (т. е. залив) под названием *Великая* (!), не отличающуюся на фоне других действительно «великих» губ Онежского озера особыми размерами. Для объяснения появления **д** в основе *янд-* можно выдвинуть два предположения:

¹¹ Интересно в связи с этим, что за западными границами Заонежья, на территории современного Кондопожского района, аналогичный топоним воспринят в русское употребление как *Янишполе*.

или $nj > nd$ было присуще тому древнему саамскому диалекту, который бытовал в Присвирье, т. е. название озера Яндомозеро, которое могло, предположительно, выглядеть как **enjavr*, развилось в **end'avr*, или эта фонетическая метаморфоза произошла на каком-то последующем, например, уже вепсском этапе (для вепсского, кстати, $nj > nd$ является закономерным), т. е. **Enjärv > *End'ärv*. Оба варианта не слишком устраивают своей и неопределенностью, и сложностью, однако в связи с тем что данный конкретный пример, кажется, подтверждается и другими, в которых основа янд-фиксируется в наименованиях наиболее крупных, заметных водных объектов [Муллерен 2002б], стоит все же обратить внимание на этот факт и, возможно, найти ему в будущем более внятное объяснение.

ИНТЕГРАЦИЯ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ТОПОНИМИИ В РУССКУЮ ТОПОСИСТЕМУ ЗАОНЕЖЬЯ

В силу того, что субстратные прибалтийско-финские топонимы составляют значительный пласт в Заонежье, появляется возможность выявить определенные закономерности в том, как происходило восприятие их в русскую систему наименований, как прибалтийско-финские топонимы приспособлялись к особенностям русской фонетики, морфологическому облику, свойственному русской топонимии, ее семантическим приоритетам.

Анализ свидетельствует о том, что процессы, происходившие в ходе контактирования топонимных систем в Заонежье, в целом аналогичны соответствующим процессам в других районах Русского Севера. При этом, однако, в Заонежье есть свои особенности, связанные со временем и характером контактирования. Языковые процессы, сформировавшие современный облик многих топонимов Заонежья, имеют выход в историко-культурное развитие Заонежья, и поэтому их анализ имеет не только сугубо лингвистическое значение.

Среди названий прибалтийско-финского происхождения значительно число так называемых прямых заимствований, возникающих в результате непосредственного перехода прибалтийско-финских оригиналов в русское употребление: урочища *Важмарь*, *Кавзома*, *Сявнега*, угодья *Гавдоля*, *Корежи*, *Пекома*, острова *Ламбач*,

Еряума, Каткос, Кердей, Кивдук, Кижси, Мудач, Сато, Уйма, Урбаж, болото *Кульпега*, поляны *Лигой, Матка, Рифта, Риганды*, залив *Мудлакша*, мыс *Пидия*, ручей *Чалька* и др. (Киж). При этом такое прямое усвоение сопровождается определенной морфологической адаптацией, например, появляется свойственный русской топонимии родовой показатель или конечное *i* прибалтийско-финской основы осознается как русский показатель множественного числа (*Кижси, Ловги*). Происходит также фонетическая адаптация, особенно в случае отсутствия эквивалентов в воспринимающей звуковой системе. Это хорошо просматривается на примере усвоения прибалтийско-финских согласных.

Отсутствие в русских говорах геминат приводит к закономерной замене их одиночным согласным [Kalima 1919: 36–37]. Это, впрочем, не единственная возможность для передачи удвоенных прибалтийско-финских согласных. Топонимия Заонежья содержит ряд примеров, указывающих на расподобление -kk- в русской передаче в -тк-: *Кибитка* дер. (Великон) < kivikkö ‘каменистое место’; *Кулатка* залив со скалистым побережьем (Корба Киж), а также скалистый остров *Кулатка* (Линдома Типин): названия возводятся, видимо, к известному в восточных финских говорах термину *kolakka* или *koleikko* ‘каменистая скалистая местность; неровная с рытвинами дорога’ [SMS]; *Лопатка* поле (Пустыня Косм) < sk. *latakka* ‘плоский, приплюснутый’ [KKS].

Видимо, характерное для русского языка сочетание согласных в начале слова провоцирует появление звукосочетаний -пл-, -кл- и др. в адаптированных прибалтийско-финских топонимах с инициальным одиночным согласным: *Пламбина* поле (Толв), рядом с которым существует вариант *Ламбина* < *lampi, lambi*; залив *Пролгуба* (Паян), восходящее, возможно, к *Полгуба; озеро *Хрыль* (Фойм); *Звягсельга* (Кузар); поляна *Киматки* или *Климатки* (Паян) < *Kimmatka (*kiima, kiim, kim* ‘токовище, место токования’). Такого же рода фонетическое развитие произошло, видимо, в названии обширного лесистого полуострова *Клим* или *Климнос* (Толв), а также болота *Климмох* (Кузар). В последнем примере усвоение топонима сопровождалось еще

дополнительно расподоблением согласных на границе элементов сложного топонима. Аналогичное фонетическое явление прослеживается и в исконных русских топонимах: к болоту с названием *Клапино* примыкает *Лапина пожня* (Яндом).

И в исконных, и в адаптированных прибалтийско-финских топонимах довольно активно происходит замена р~л и л~р: *Валесельга* и *Варисельга* (Киж), *Чальканаволок* (Киж), в основе которого карельский термин *šärkä* ‘гора, кряж, крутой берег’, поляна *Мальяха* или *Марьяха* (Кузар), угодье *Сморняги* (Яндом), восходящее, конечно, к *Смольняги, луда *Кальяка* с вариантом *Карьяка* (Паян), ручей *Гарьюсручей*, названный в архивных документах XIX века *Гальюс* [ЦГИА, ф. 496], варианты *Тельпозеро* и *Терпозеро* (Дериг) и др.

В отражении фрикативного *h* заонежская топонимия укладывается в закономерности, известные в Обонежье и смежных районах традиционного прибалтийско-финско-русского контактирования. В позиции перед гласной и звонкой согласной *h* передается русским *г* (*Габостров*, *Игосельга*), в то время как перед глухой согласной – русским *х* (*Вехкозеро*). В некоторых случаях инициальное прибалтийско-фин. *h* исчезает (*Ожематка*). При этом исчезновение *h* перед гласным переднего ряда сопровождается естественным для русской фонетики наращением *j* (*Ййжезеро* ~ *Ижезеро* ~ *Гижезеро*).

Заонежье входит в ареал распространения полукалек, возникших в результате адаптации сложных по структуре прибалтийско-финских топонимов русской системой географических наименований. В полукаляках последовательному переводу подвергается основной элемент сложного топонима, или детерминант, в то время как определяемый компонент, или атрибут, сохраняется без перевода.

Набор полукалек с разными детерминантами чрезвычайно широк. Здесь присутствует большинство из известных севернорусской топонимии типов, во всяком случае все основные.

Далее представлены разновидности полукалек, известные в Заонежье.

-гора

Полукальки данного типа немногочисленны:

Ижгора, Климгора, Чургора (Толв), *Чургора* (Кузар), *Ланьгора, Левгора, Поньгора* (Карас), *Матигора* (Великон), *Мяньгора* (Киж), *Конгора* (Сенног).

Возможно, непродуктивность модели обусловлена тем, что в Заонежье очень популярен в наименованиях возвышенностей тип топонимов с основным элементом -сельга, который взял на себя ее функции.

-губа

Полукальки с детерминантом -губа входят в ряд наиболее продуктивных в Заонежье. Их число достигает сотни. Они являются основным структурным типом названий заливов Онежского озера, а также внутренних озер полуострова:

Ковгуба, Пергуба, Лепайгуба (Яндом), *Вицейгуба, Койгуба, Пяжгуба* (Типин), *Вышгуба, Тазгуба, Калгосгуба* (Толв), *Люмбогуба* (Кузар), *Фоймогуба* (Фойм), *Пергуба, Полгуба, Руйжгуба* (Велик), *Кондейгуба, Ламбасгуба, Чургуба* (Кажем), *Нюргуба, Мадогуба, Пуньгуба* (Паян), *Карнежгуба, Кузьгуба, Неверьгуба* (Дериг), *Вазатгуба, Матгуба, Пидяйгуба* (Киж), *Ладгуба, Нюсгуба, Ровгуба* (Сенн).

В прибалтийско-финских оригиналах выступал детерминант *lahti/laksi* залив, что подтверждает уникальный пример сосуществования вариантов *Войгуба* и *Войлакша* (Сенн). Для того чтобы считать возможным оригиналом прибалтийско-финские топонимы с детерминантом -каг, -кага 'небольшой залив, бухта', достаточных оснований нет. Во-первых, термин, судя по топонимии, бытовал в Заонежье очень ограниченно, только в Толвуйской округе. Во-вторых, были, видимо, и некоторые семантические ограничения, связанные с тем, что губа первоначально обозначала достаточно обширные озерные и морские заливы (см. ниже).

Модель покрывает все Заонежье, хотя продуктивность ее варьируется в зависимости от ландшафтных особенностей: на побережье Онежского озера она активнее, чем внутри полуострова. Параллели обнаруживаются в Беломорье и на восточном побережье

Онежского озера, при этом действительно только вдоль побережья, в то время как в глубине материка там господствует заимствованный прибалтийско-финский термин лахта 'залив'. В юго-западном Обонежье, а также в Присвирье полукальки с основным компонентом -губа практически неизвестны, как непродуктивен и сам термин губа. Такая ареальная дистрибуция, видимо, маркирует маршрут продвижения на север русских переселенцев, при этом модель первоначально использовалась, очевидно, для наименования обширных озерных и морских заливов.

-МОХ

Муромох (Толв), *Ершанимох*, *Мурыймох*, *Отримох* (Кузар), *Кеммох* (Выр), *Падомох*, *Ситомох*, *Варежмох*, *Рядемох* (Типин).

Примеры немногочисленны, при этом ареально они привязаны преимущественно к восточному Заонежью, хотя модель известна и в западной части полуострова. Гелоним *Розный мох* (Велик) при первом приближении может быть интерпретирован как словосочетание, однако с учетом свойственных топонимии Заонежья фонетических закономерностей на самом деле перед нами, скорее, полукалька. В Заонежье, как уже отмечалось, проявляется тенденция к появлению -й, оформляющего прибалтийско-финский атрибутивный элемент сложного по структуре топонима: *Палойнаволок*, *Ильнейгуба*, *Пырейгуба*, *Лигайнаволок*, *Мурыймох* (с вариантом *Муромох*), *Курнейостров*, *Калийнос* и др. Те из них, в которых детерминант выражен существительным мужского рода, могут восприниматься как словосочетания типа *Калий нос*, *Мурый мох*, *Сарый ручей*. Так же и *Розный мох* на деле восходит к прибалтийско-финскому оригиналу *Rozmeso (вепс.) или Ruozmesuo (кар.) 'ржавое болото'. В ходе русской адаптации *т* атрибута перешло в *н*, что было вызвано диссимиляцией с *м* детерминанта -мох.

Данный тип полукальки отличает Заонежье от южного побережья Онежского озера и Присвирья, где в образовании полукалек стабильно используется наддиалектный термин болото (*Кайдболото*, *Кимболото*), притом что здесь известен и говорной термин мох. Чем может быть вызвана такая дифференциация? Наиболее правдоподобно связать ее с разным возрастом названных полука-

лек. Модель полукалек на -болото господствует на верхней Свири и ее притоках, а также на верхней Ояти [Муллерен 2002б: 108], т. е. в ареале позднего обрусения вепсов. По спискам населенных мест 1973 года часть поселений верхней Свири числилась тогда еще вепскими [СНМ 1873], а верхняя Оять и сейчас является по преимуществу вепской территорией. Очевидно, к моменту появления здесь полукалек диалектное слово мох уже уступало в продуктивности наддиалектному болото, которое и закрепилось в присвирских полукаляках.

То, что в Заонежье господствуют полукальки с детерминантом -мох, может в данном контексте служить знаком их раннего по сравнению с верхним Присвирьем возраста. Этот вывод согласуется и с ареалом модели, который привязан преимущественно к восточному Заонежью, омываемому Заонежским заливом. В западном же Заонежье модель представлена на старом волоке, соединяющем Великую губу с Космозером, т. е. в месте, также относительно рано освоенном русскими переселенцами. Этот вывод подтверждают и единичные примеры полукалек с детерминантом -болото (*Кондоболото*, *Сярболото*), бытующие во внутренних областях Заонежского полуострова – территории позднего освоения и соответственно позднего обрусения.

-नावолок

Полукальки на -नावолок составляют вместе с топонимами с детерминантом -губа основной массив полукалек Заонежья. Их количество на этой локальной территории превышает сотню. Они являются здесь основной моделью для называния озерных, иногда и речных мысов, отражая основное содержание севернорусского диалектного नावолок ‘мыс, полуостров’:

Видनावолок, Перхनावолок, Палनावолок (Яндом), Лазनावолок, Габनावолок, Лепनावолок (Типин), Кунनावолок (Выр), Лигойनावолок, Гауनावолок, Ряпусनावолок (Велик), Маймасनावолок, Ивनावолок, Койनावолок (Кажем), Марनावолок, Кальनावолок, Путкनावолок (Паян), Курनावолок, Перейनावолок, Кудनावолок (Дериг), Почनावолок, Кодनावолок, Ридनावолок (Сенн), Катनावолок, Варनावолок, Карनावолок (Толв), Дудनावолок, Кушनावолок, Лейनावолок (Киж).

Заонежские полукальки возводятся к прибалтийско-финским оригиналам с детерминантом *piemī* (ск), *piem* (люд), *piem* (вепс), о чем косвенным образом свидетельствуют следы бытования прибалтийско-финского ландшафтного термина в топонимии Заонежского полуострова.

Исключительная продуктивность в Заонежье полукалек с элементами -губа и -наволоок, возникших путем перевода прибалтийско-финских названий, должна рассматриваться как свидетельство прочного освоения территории, особенно побережья Онежского озера, карельским и вепским населением.

-озеро

Модель -озеро является наиболее убедительным подтверждением прибалтийско-финского прошлого Заонежья.

В целом в лимнонимах Заонежья господствуют две структурные модели: полукальки с детерминантом -озеро и конструкции, в которых основной компонент *озеро* определяется русским прилагательным (*Кривое озеро*, *Воронье озеро*). Количественно соотношение топонимов, построенных по данным моделям, 2 : 1, т. е. полукалек примерно в два раза больше. При этом названные ими озера относятся к числу наиболее значимых как по размерам, так и по роли в жизни населения, в то время как лимнонимы второго типа функционируют, как правило, в микротопонимах – наименованиях небольших лесных озер, часто бессточных, известных ограниченному кругу пользователей. Подобная характеристика, в свою очередь, означает неустойчивость и недолговечность топонимов, что и демонстрируют некоторые из них, являясь вторичными, произведенными, например, от названий соответствующих населенных мест. *Рябовское озеро*, к которому тяготела небольшая деревня Рябово, известно и под первоначальным названием *Палозеро* (Косм), а *Палтегское озеро* (от дер. Палтега) – как *Шидрозеро* (Великон).

Возвращаясь к модели -озеро, следует отметить, что среди лимнонимов этой модели есть такие, в которых атрибутивный элемент выражен русским словом: *Хмелезеро*, *Вилозеро*, *Ковшозеро*. Следует, однако, очень осторожно отнестись к возможности самостоятельного рождения их в русской системе топонимов Заонежья. На

самом деле за ними могут стоять прибалтийско-финские оригиналы. На берегу озера *Вилозеро* (Фойм) размещается угодье под названием *Гангасы* (ск. *hankas, hangas* ‘развила, развилка’), так что *Вилозеро* может быть полной калькой оригинального *Hangasjärvi. Прибалтийско-финский оригинал не исключен и для *Ковшозера*, при этом предположение основывается на том, что для русской системы лимнонимов Заонежья и смежной территории основа ковш не характерна, в то время как в карельской и восточнофинской топонимии широко используется основа *kapusta* ‘ковш’ [Кузьмин 2003]. Дополнительным обоснованием в пользу калькирования может считаться и сложная структура названия. В *Хмелезеро* произошел другой процесс приспособления чужеродного названия к русскому языку – наращение согласного к прибалтийско-финской основе *mele*, проявляющееся и в ряде других топонимов с начальным сонорным (см. подробнее в словарной статье **мел**).

-остров

Модель -остров стабильно представлена на всей территории Заонежья наряду с другими структурными типами:

Кильостров, Тягостров, Куйкостров (Кажем), *Ситостров, Габостров, Ряпостров* (Паян), *Кокостров, Себостров, Сельгостров* (Дериг), *Лепостров, Мудростров, Поростров* (Толв), *Мягостров, Пидостров, Хедостров* (Кузар), *Гонгостров* (Косм), *Галгостров* (Карас), *Лигостров, Курнейостров* (Типин), *Кудростров, Ишукостров, Коткостров* (Велик), *Баргостров, Вальгостров, Галайостров* (Яндом), *Вальестров, Ермостров, Керкостров* (Киж), *Рогостров, Геностров, Лигостров* (Сенн).

-река

Полукальки с основным элементом -река являются раритетными в Заонежье, при этом они сосуществуют нередко с простым по структуре вариантом:

Локречка (Типин), *Лейрека* или *Лельрека* (Велик), *Мунарека* наряду с *Муна*, *Мягрека* как вариант к *Мягра* (Кажем), *Каларека* (Карас).

Малочисленность сложных речных наименований находится в прямой зависимости от непродуктивности соответствующей потома-

нимной модели в прибалтийско-финской топонимии, где господствуют одночленные образования. Простым наименованиям рек отдает предпочтение и русское Заонежье: *Пигма, Падма, Путька*.

-ручей

Модель -ручей известна в Заонежье, хотя и не получила широкого распространения:

Лепручей (Униц), *Сараручей* (Кажем), *Калейручей*, *Рыдручей*, *Савручей* (Паян), *Лепручей* (Толв), *Калейручей* (Кузар), *Кибручей* (Выр), *Кивручей*, *Липручей* (Фойм), *Липручей*, *Савручей* (Великон), *Ковручей* (Яндом), *Кибручей*, *Корежручей* (Типин), *Лепручей* (Велик), *Вехручей*, *Яручей* (Киж), *Лепручей*, *Семяручей* (Сенн).

Детерминант -ручей заменил в полукальках прибалтийско-финский термин -оја 'ручей', реальное бытование которого в Заонежье в прошлом подтверждается такими реликтовыми топонимами, как *Толвуи* или *Толвуя*, в котором -уй или -уя восходит к -оја (см. подробнее этимологию *Толвуя*).

Незначительное распространение модели следует, видимо, связывать с тем, что ручьи как объект ландшафта были в Заонежье существенны прежде всего в формировании системы сельскохозяйственных угодий, названия которых не отличаются стабильностью. В связи с этим среди них множество вторичных названий, восходящих к наименованиям сенокосных и пахотных полей, а также к именам их владельцев.

Остальные разновидности полукалек не формируются в особые типы, а представлены единичными примерами бытования:

- берег: *Кимбереги* (Дериг)
- бор: *Якорьбор* (Великон), *Лавашбор* (Велик)
- луда: *Габлуда* (Толв), *Ламбаслуда* (Кажем), *Евалуда* (Сенн)
- лядина: *Якорьядина* (Великон)
- нива: *Перекнива* или *Перяхнива* (Типин), *Чиуканива* (Велик)
- нос: *Климнос* (Толв), *Пертнос* (Фойм)
- песок: *Мелтески* (Дериг)
- пожня: *Лигопожня*
- поле: *Киндасполе* (Униц)

-поляна: *Калийполяна* (Кузар)

-порог: *Рокпорог* (Униц)

-соломя: *Рогсоломя* (Сенн)

-сосна: *Карзососна* (Велик)

-яма: *Орожъяма* (Сенн)

В целом ряде топонимов в качестве определяемого компонента выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финских языков. Обширную группу названий образуют топонимы с детерминантом -сельга 'кряж, хребет, возвышенность' (ск. *šelkä*, *šelgä*, *selgä*, люд. *šelg*, *selg(e)*, вепс. *sel'g*), тип -орга, -корба значительно уступают ей.

-сельга: *Гомсельга* (Униц), *Гомсельга* (Кажем), *Пидесельга*, *Бутсельга* (Толв), *Каскосельга*, *Кидасельга* (Кузар), *Любосельга* (Косм), *Чудсельга* (Великон), *Кябисельга* (Фойм), *Рупосельга*, *Гомсельга*, *Барансельга* (Яндом), *Кяписельга*, *Педасельга*, *Косельга* (Типин), *Путсельга*, *Кетсельга* (Велик), *Видсельга*, *Вилисельга* (Киж), *Косельга*, *Кодосельга*, *Любсельга* (Сенн).

-орга: *Габорга* (Дериг), *Габорга* (Паян), *Габорги* (Фойм), *Гуморга* (Велик).

-корба: *Вардокорба*, *Паякорба* (Велик).

По некоторым критериям большинство этих топонимов вряд ли являются полукальками, а появились в ходе прямого усвоения прибалтийско-финских топонимов в русскую систему именований. В пользу такого вывода говорят те фонетические изменения, которым подвергается в ряде случаев детерминант -сельга, не воспринимающийся как самостоятельный элемент сложного топонима, что ведет к относительной свободе звуковых изменений: *Витчельга*, *Волчерга*. Кроме того, невозможно не заметить повторяемость, идентичность ряда топонимов (*Габорга*, *Гомсельга*, *Косельга* неоднократно), говорящую о том, что соответствующие прототипы сложились уже в оригинальной прибалтийско-финской системе именований.

На самом деле из трех групп только названия с детерминантом -сельга могли частично возникнуть как полукальки. Две другие группы (-орга и -корба) в силу немногочисленности примеров

бытования не образуют своего типа полукалек и пришли в результате прямого усвоения.

В хорошо известном историкам и этнографам исследовании В. Майнова «Поездка в Обонежье и Корелу» заонежские топонимы-полукальки использованы автором в качестве доказательства этнических истоков населения. Он уверял, в частности, что «русский человек, придя в эти места, всегда обходил тщательно сельги», стараясь поселиться на берегу водоема, в результате «все русские поселения носят в названиях своих эту черту русского характера, мы то и дело встречаем Габ-наволоки, Пер-губа, Выг-река, Выг-озеро... и можем быть вполне уверены, что все поселения с такими названиями совершенно русские. Наоборот, финны вечно заберутся со своим поселком на горушку и именуют свои поселения Мянсельгою, Масельгою, Кяпсельгою» [Майнов 1877: 110–111]. В контексте изложенного выше механизма возникновения топонимов-полукалек это высказывание вряд ли верно. Перечисленные в нем полукальки с детерминантами -наволоки, -губа, -река и -озеро имели дорусские истоки, а то, что во времена В. Майнова названные ими поселения были русскими, доказывает лишь то, что население побережий в силу их приоритетного расположения уже рано становилось русским. Примеры ойконимов с детерминантом -сельга, приведенные В. Майновым, не вполне корректны, поскольку относятся к людиковскому ареалу, а не к собственно Заонежью, где также встречается целый ряд названий поселений на -сельга, типа *Пидсельга*, *Ридсельга*, *Варисельга*, *Каскосельга* и др. на северной окраине Типиницкой волости. При этом в противовес утверждению автора о сугубо карельском типе сележных поселений все перечисленные деревни, судя по присущей их окрестностям топонимии, уже изначально могли быть русскими и возникнуть на месте бывших лесных урочищ, названия которых достались в наследство от прибалтийско-финских насельников края. Поселения с этими названиями не известны еще картам Генерального межевания, следовательно, они появились лишь в XIX веке, когда на севере в связи с потеплением активно начинает развиваться сележный тип поселений.

В смысле отражения былого двуязычия населения еще большей показательностью обладают так называемые полные кальки, рожденные в ходе полного поморфемного перевода иноязычного топонима. Поскольку процесс перехода на русский язык в Заонежье полностью завершился уже определенное время назад, обнаружить кальки непросто. Они чаще всего полностью совпали внешне с русскими по происхождению названиями. Обнаружить калькированный источник возможно в том случае, если сохранился или возможно восстановить соответствующий прибалтийско-финский оригинал. Подтверждением перевода в некоторых редких случаях могут выступать варианты (синхронные и диахронные) одного названия. Топоним *Песчаная гора* на Волкострове (Киж) в архивных материалах XIX века известен как *Чургора* (šurгу 'крупный песок, гравий'), а для названия мыса *Габнаволок* на Святухе существует синхронный переводной вариант *Осиновый наволок* (Косм). Еще один возможный пример кальки, устанавливающийся на основе диахронных вариантов, – название деревни *Житницкая* в составе Вырозера. В Писцовых книгах Обонежской пятины XVII века она названа *Певдуновой*. При этом калькированный источник происхождения устанавливается из семантики топонимов жито 'всякий зерновой немолотый хлеб' [Даль] и карел. *peldo* в значении 'растущий в поле хлеб' [KKS].

Подтверждением калькирования служат и так называемые метонимические кальки, т. е. использование переводного названия для смежного объекта. Примеров такого плана в Заонежье немало. На острове Еглов (Киж) один конец мыса назван *Маймаснаволок*, а другой – *Малек*, в котором отразилось значение прибалтийско-фин. *maimas* 'малек, маленькая рыбка'. На южной окраине урочища *Маренница* (Есино Яндом) находится *Песочная поляна*, что дает основание видеть в последней кальку, возникшую на основе хорошо известного восточным финским говорам термина *maigi* 'крупный песок, песчинки величиной с горошину или зернышко', *maieikko* 'песчаная или каменистая отмель в озере, на которой устанавливаются ловушки на налима' [KMS]. Любопытным примером происшедшего в процессе адаптации перевода топонима является название реки

Кузнецкой (Вегорукса Велик). В верховьях реки находилось, судя по данным источников XIX века, обширное урочище *Паякорба* (кар., вепс. раја ‘кузница’). При этом восприятие атрибутивного элемента в Паякорба как восходящего к раја ‘кузница’, по-видимому, является народноэтимологическим: трудно обосновать расположение кузницы в глухой местности, вдали от дорог и населенных пунктов. На самом деле кажется заманчивым реконструировать в атрибуте топонима первоначальное прибалтийско-фин. рају ‘ива’, которое по разным прибалтийско-финским языкам и диалектам имело также значение ‘ивовое корье, лыко’. На эту мысль наводит то замечательное топонимическое обстоятельство, что верховья реки Кузнецкой в тех же документах XIX века названы *Липовским ручьем*, который вытекает из болота *Липовский Мох*, а слово *липа* использовалось в заонежских говорах для обозначения лыка. Этот пример показывает, насколько непросты закономерности становления топонимов, особенно когда процесс осложнен взаимодействием топонимических систем с разными языковыми истоками. На самом деле количество калькированных топонимов, очевидно, значительно больше, чем удастся доказать с привлечением имеющихся современных и исторических материалов. Чем раньше произошло угасание одного из контактирующих языков и соответственно системы географических названий, тем сложнее реконструировать возможные кальки в современной топонимии территории. И, наоборот, в условиях свежести контактов и недавнего билингвизма населения кальки просматриваются лучше. Это подтверждает топонимия окрестностей Вегоруксы, расположенной на западной окраине Заонежья, – территории с отчетливыми карело-людиковскими признаками в языке и культуре. Помимо упомянутой уже Кузнецкой реки можно отметить пару *Летелакса* и *Пески*. Первый топоним является названием обширной болотистой низины на южной окраине дер. Южный Двор, входящей в Вегорукский куст поселений. Он может быть интерпретирован как ‘Песчаный залив’, что подтверждается названием расположенного рядом поля *Пески*. Последний топоним мог появиться и самостоятельно как отражение характерной особенности местности, но не исключены и его

калькированные истоки и прямая связь метонимической кальки с примарным *Летелакса*. Другая показательная пара топонимов из окрестностей Вегоруксы – это *Щупник* и *Очесной Угол* или просто *Угол* – названия смежных сельскохозяйственных полей, расположенных у поворота Кузнецкой реки. В обоих названиях представлена лексема с семантикой ‘угол’, в первом прибалтийско-финская *šurri*, *šur*, во второй соответственно русская *угол*. Прибалтийско-финское название в ходе адаптации осложнилось русским суффиксом -ник, а также претерпело определенные фонетические изменения, однако то, что за ним скрывается указанный прибалтийско-финский источник, подтверждается названиями смежных угодий: к Щупнику примыкают с севера и юга поляны с одинаковым названием *Войги*, ср. кар. *oigie* ‘прямой’. Обе, в отличие от Щупника, располагаются вдоль прямого, без поворотов берега реки.

Суффиксальное оформление как способ интеграции иноязычных топонимов не получил в Заонежье значительного распространения и по количеству образований значительно уступает топонимам, перешедшим в русское словоупотребление в результате как прямого фонетического усвоения, так и калькирования. И это при том, что суффиксация – один из наиболее распространенных способов словообразования в русской топонимии. Из богатого набора суффиксов, зафиксированных в топонимии Присвирья, лишь часть способна сочетаться с иноязычными основами. Среди них наиболее интересный в смысле этноисторической интерпретации суффикс -ичи/-ицы. Продуктивность этой ойконимной модели незначительна. С привлечением письменных источников разного времени – от ПКОП конца XV века до СНМ 1935 г. – удается восстановить немногим более десятка названий. При этом примечательна их локализация: *Кургеницы*, *Клименицы*, *Погаченицы/Пахиничи*, *Типиничи* расположены на южной оконечности Заонежского полуострова – на Климецком острове и в его окрестностях, а *Паяницы*, *Кайбиничи*, *Паханичи*, *Кехтеницы*, *Юрговичи* (в ПКОП 1496 г. *Верговичи*) – в северо-восточном конце полуострова, в окрестностях Шунги. На остальной территории Заонежского полуострова модель отсутствует. Зато она представлена несколькими примерами,

среди которых *Койкиницы*, *Тайгиницы*, *Тиконицы*, *Кяменицы*, *Пижиничи* на водоразделе Онежского озера и Выгозера, на Выгозере и в верховьях р. Сумы. Еще несколько ойконимов данного ареала с формантом *-ицы* (типа *Возрицы*, *Тамбицы*) скорее все же вторичны в качестве названий населенных пунктов и восходят к соответствующим названиям рек (реки *Возрица*, *Тамбица*) с продуктивным для гидронимии русским адаптационным суффиксом *-ица*. От ойконимов на *-ичи/-ицы* их отличает отсутствие элемента *-ин-* перед формантом.

Ареал ойконимов на *-ичи/-ицы* в северном Обонежье явно накладывается на тот путь, по которому проходила новгородская миграция из Присвирья в Заонежье и затем в Беломорье. К ареальной характеристике модели мы вернемся подробнее в заключительной главе работы. Здесь же отметим, что в северном Обонежье модель на *-ичи/-ицы* используется прежде всего, как и в Присвирье [Муллонен 2002б], для адаптации иноязычных топонимов. Среди названий с данным суффиксом практически нет образований от русских антропонимов. Наоборот, прибалтийско-финские антропонимные основы явны в некоторых здешних ойконимах. Об этом свидетельствуют следующие примеры с территории северного Обонежья:

Кургеницы, ср. широко известный в древнем прибалтийско-финском ономастиконе дохристианский антропоним *Kurki*. Истоки его, как и многих других древних имен, в апеллятивной лексике, ср. фин. *kurki*, кар. *kurki*, *kurgi*, вепс. *kurg* ‘журавль’.

Пахиничи или *Погаченицы* на Климецком острове (обе формы приводятся в ПКОП 1563 г.): в основе возможно предполагать прибалтийско-финский антропоним прозвищного характера *Paha*, *Pahač* ‘плохой’ и реконструировать оригинал в виде **Pahala*, **Pahila* [Агапитов 1994: 26] или **Pahačala*. Аналогичное происхождение имел, видимо, и упомянутый в том же источнике XVI века топоним *Паханичи* («а се в Паханичах») в Шунгском погосте.

Кайбиницы (ПКОП, с. 4), ср. группу древних прибалтийско-финских личных имен с основой *Kaipa-* ‘долгожданный, желанный (ребенок)’. Имя встречалось у всех прибалтийско-финских народов, в том числе у карел [Nissilä 1975: 124] и вепсов [Муллонен 1994: 93].

Койкиницы, ср. зафиксированный в средневековых источниках финский, а также карельский антропоним **Koikka** прозвищного характера, по-видимому, восходящий к апеллятиву **koikka** ‘длинноногий, сгорбленный (о человеке и животном)’ [Sukinimet].

Тайгиницы, ср. известное, во всяком случае, карельскому имённому слову **Taikina** [Nissilä 1975: 152–153]. Видимо, антропоним, восходящий к прибалтийско-финской (фин. **taikina**, кар. **taikina**, **taigin(a)**, вепс. **taigin**) лексеме со значением ‘квашня (посуда для закваски теста)’, имел прозвищный характер.

Безусловные аналогии в функционировании модели в Присвирье и в северном Обонежье наводят на мысль о генетическом родстве присвирского и заонежского ареалов топонимов на *-ичи/-ицы*. Они позволяют предполагать, во-первых, *-l*-овый оригинал для заонежских примеров (**Kurgila*, **Kaibala*), во-вторых, проникновение обеих моделей – и прибалтийско-финской, и русской – в Обонежье из Присвирья в процессе освоения севера. По пути, известному прибалто-финнам (вепсам), хотя, видимо, и редко заселенному ими (если судить по малочисленности ойконимных примеров), проходила и древнерусская миграция на север. Кстати, в заонежской топонимии сохранились следы бытования *-l*-овой ойконимии, в частности, в ПКОП упоминается дер. *Ходарилская*, в основе которой восстанавливается карельский оригинал **Nuotarila* (Nuotari ‘Федор’), а среди живых топонимов Сенногубской волости известно название мыса *Кургилово* в окрестностях дер. Леликово, восходящее, очевидно, к оригинальному **Kurkila* или **Kurhila*.

Среди суффиксов, функционирующих в Присвирье с иноязычными основами, заслуживают внимания посессивные *-ов/-ев*. При этом образцом послужили соответствующие русские модели посессивных топонимов (ср. д. *Демидово*, *Зубово*, *Лантево*, *Лыково*). Ниже приводятся некоторые примеры: *Кукуево* деревня (Киж), *Кярзино* деревня (Фойм), *Микково* деревня (Косм), *Мустово* деревня (Паян), *Выгачино* урочище (Сенн) и некоторые другие. Эта группа особенно интересна тем, что в основе целого ряда перечисленных названий обнаруживаются достоверные прибалтийско-финские антропонимы.

Широкое распространение суффиксов *-ов/-ев* в русской топонимии региона привело со временем к ослаблению их посессивной функции и появлению топонимов, в которых формант выступает, скорее, в качестве своеобразной «метки» топонима (в специальной литературе иногда говорят в таких случаях о топонимической функции суффикса). В составе адаптированных географических имен также присутствует некоторое количество названий, образованных от прибалтийско-финских неантропонимных основ:

Мурово поле рядом с болотом *Муров мох* (Сенн): кар. *muigoī*, вепс. *muim* ‘морошка’, *Лахново озеро* (Дериг): *lahna, lahn* ‘лещ’, *Базов остров* (Киж): *vasa, vaza* ‘теленок’ и др.

Другие суффиксы использовались лишь в исключительных случаях: деминутивный *-ка* отразился в *Кондушка* урочище, *Мегрежка* остров (Киж), *-ник* в *Ламбазник* остров (Сенн), *Мягреник* берег (Карас), *Ребязник* урочище (Яндом), *-щина* в *Ихновщина* угодье (Типин), а также, возможно, в *Ветехинщина* поле (Сенн), *Кореховщина* поляна (Киж).

СЛОЖЕНИЕ ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЫ ЗАОНЕЖЬЯ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ ТОПОНИМИИ

Картографирование топонимов свидетельствует о том, что они формируются в ареалы, имеющие разную конфигурацию, размер, плотность. Распространение одних не выходит за пределы Заонежья, другие же вводят Заонежье в более обширный ареал на Европейском Севере. За ареальной характеристикой скрывается зачастую важное этноисторическое содержание, обусловленное особенностью топонимической номинации.

Топонимы рождаются не произвольно, но по определенным моделям, которые продуктивны на данной территории в данное время. Мода на модель обусловлена целым рядом обстоятельств, в том числе уровнем общественного развития, ландшафтно-географическими особенностями территории, языковыми факторами и т. д. Оказываясь перед необходимостью имятворчества, автор или создатель топонима руководствуется определенными моделями называния, которые он усваивает вместе с языком. У него с детства формируется определенное представление о том, каким должно быть географическое название по форме и по содержанию. В Заонежье, к примеру, сложилась система, в соответствии с которой суффикс *-уха* использовался преимущественно в названиях сельхозугодий: *Тонкуха, Боровуха, Камениуха, Смолюха* и сотни других, а конечный формант *-ицы* был маркером названий населенных мест: *Кургеницы, Паяницы, Типиницы, Койкиницы* и не использовался при назывании других мест. Точно так же существуют и лексико-семантические модели: открытое безлесное

болото называется *Гладким*, узкая расщелина между скалами, по дну которой идет тропа или протекает ручей, маркируется как *Железные Ворота*, а крутая гора часто в Заонежье называется *Городок*. Образование новых названий опосредовано существующими моделями. Поэтому в топонимической системе любой территории масса повторяющихся топонимов.

Для понимания условий формирования топонимных ареалов принципиально важно также то, что в ходе освоения новой территории присвоение названий географическим объектам происходило в рамках традиционной, принесенной с материнской территории системы называния. Использовались те же структурные модели, те же лексические и семантические типы, те же образы для рождения топонимов. Эта особенность называния позволяет выявлять основные пути освоения территории, границы историко-культурных зон, этноязыковые контакты, происходившие на разных этапах.

Высказанные положения демонстрирует топонимная модель *Юлмаки*, закрепившаяся в названии деревни Юлмаки в центральном Заонежье, расположенной на возвышенном месте, а также в наименовании горы Юлмаки в восточной части полуострова, в окрестностях д. Черкасы. В этот же ряд входит название возвышенности Юлмаки на восточной окраине Кузарандской волости. Во всех случаях речь идет о высоких местах, что позволяет связывать истоки топонимов с карельским ландшафтным термином *julmä, julmu* ‘круглая гора, крутой склон’, зафиксированном в говорах Суоярви [KKS]. Слово оформлено суффиксом *-kkö/-kkä*, последний гласный которого преобразовался в русском употреблении в *и*, видимо, в результате вхождения топонима в группу географических названий, выступающих в форме множественного числа. Этому способствовал, очевидно, и переднерядный гласный, выступавший в конце оригинального карельского суффиксального образования. Карельская интерпретация хорошо согласуется с наличием большого количества карельских топонимов в Заонежье. Картографирование модели показало, что заонежские фиксации – это восточная граница довольно обширного ареала, тянущегося из северного Приладожья на север и восток вдоль путей карельской экспансии (рис. 13).

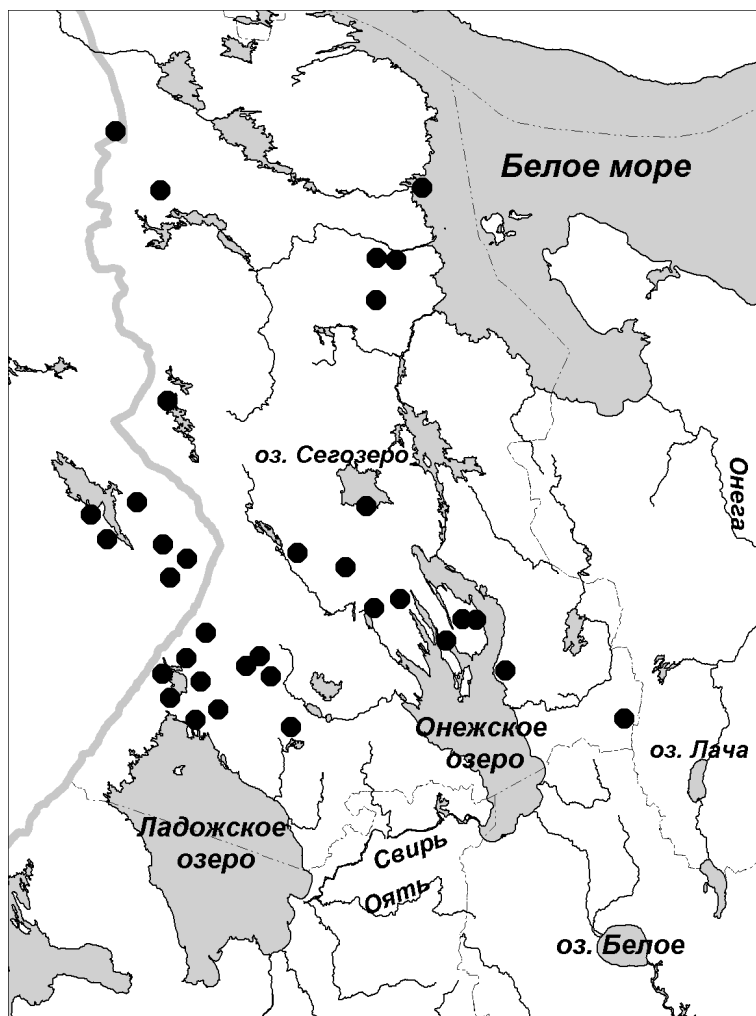

Рис. 13. Ареал карельской топонимной модели Julmäkkö/ Юлмаки

Заонежские Юлмаки хорошо вписываются в карельский ряд, представленный серией фонетических вариантов *Jylmäkkä*,

Jylmäkkö, Jyrmäkkä, Jyrmäkkö, Dyrmäkkö. Ареал наиболее насыщен, плотен в северном Приладожье, там, где, собственно, модель зародилась (на последнее указывает то, что именно здесь фиксируется соответствующий апеллятив). По мере продвижения на окраины он редееет. То, что модель отмечается во внутреннем Заонежье, говорит в пользу ее относительно позднего появления здесь. Поскольку формирование ареала топонимной модели увязано с распространением населения, ареальная характеристика топонима позволяет предполагать освоение Заонежья выходцами из Приладожья, что подтверждается и рядом других топонимных моделей, ареал которых имеет аналогичную конфигурацию. Картографирование позволяет также предполагать, что модель проникла в Заонежье по реке Суне, которая была одним из основных карельских путей в Обонежье.

Надо, однако, учитывать, что не любой топоним может быть использован в целях этноисторического анализа. Наиболее продуктивно использование тех моделей, которые были популярны в какой-то определенный ограниченный промежуток времени и свойственны локальной группе населения. В таком случае ареал не размыт, он имеет достаточно четкие очертания и может быть интерпретирован.

Вряд ли, к примеру, перспективно проводить ареальный анализ топонимной модели *Погост*, представленной в силу административного статуса соответствующих поселений многочисленными фиксациями на всей территории Карелии и сопредельных областей. Наоборот, ареал модели *Посад*, также свойственный наименованиям поселений, несет определенное этноисторическое содержание. В результате картографирования выявляется очень компактный ареал с центром в юго-западном Обонежье. В Заонежье известно только четыре названия данного типа, причем все они группируются строго на южной окраине Заонежского полуострова. На остальной территории Заонежья, как, впрочем, и на остальной территории Карелии и смежных с ней районов, модель не фиксируется. Ареальная характеристика в совокупности с историческими свидетельствами и фактами диалек-

тологии позволяет говорить о появлении модели в Заонежье из юго-западного Обонежья по Шокшинскому зимнику и отражает относительно поздний (XVIII–XIX века) хронологический срез в истории освоения Заонежского полуострова (см. подробнее в статье Посад).

Для целей ареального исследования полезны суффиксальные модели. Каждый суффикс (или топонимный формант) имеет свой ареал, а каждая территория – свой неповторимый спектр формантов. За ареалом топонимного суффикса стоит важное этноисторическое содержание. Названия поселений с конечным *-ицы/-ичи* формируются в два локальных ареала в северном (*Паяницы, Кефтеницы, Юрьевичи* с вариантом *Верговичи* и др.) и южном (*Типиницы, Кургеницы, Пахиничи, Клименицы*) Заонежье, которые интерпретируются в более широком ареальном контексте северо-запада России (рис. 14). О древности модели в Заонежье говорит то, что перечисленные топонимы упоминаются уже в самых ранних из известных исторических документов по Заонежью (XV век), при этом они называют не одиночные деревни, но кусты поселений. Это означает, что письменные источники не застают начального этапа становления модели в Заонежье. В Присвирье ойконимы этого типа попали в источник XIII века – самый ранний из известных для этой территории.

Картографирование модели свидетельствует о значительной ее продуктивности на Свири, откуда она, очевидно, проникла в Заонежье. На присвирские истоки указывает и сам механизм формирования ойконимов на *-ицы/-ичи*: в Заонежье, точно так же как на Свири, имеющая древние славянские истоки суффиксальная модель используется, как правило, для адаптации прибалтийско-финских оригинальных ойконимов, образованных от древних имен или прозвищ и оформленных формантом *-l(a)* с локативной семантикой: *Погаченицы* < *Paḡaṣal, в котором *Paḡaṣ ‘плохой’, *Кайбиницы* < **Kaibal(a)*, в котором суффикс с местным значением присоединен к антропонимной основе *Kaiba-* ‘долгожданный, желанный (ребенок)’.

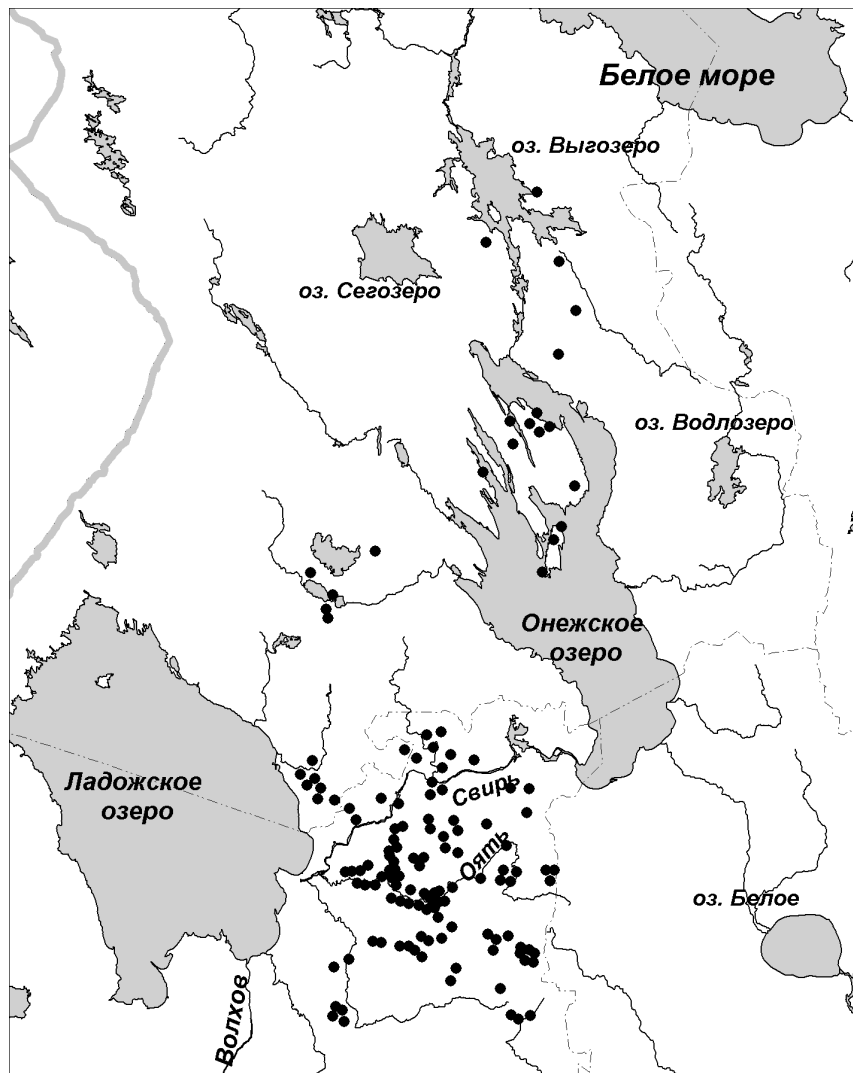

Рис. 14. Ойконимы на -ичи/-ицы в Обонежье

Ареальная характеристика модели указывает, кажется, на то, что она проникла в Заонежье по водно-волоковому пути, начинавшемуся в Важинах на Свири и шедшему через устья Шуи и Суны и далее через многочисленные «губы» Заонежского полуострова до Шуньги. Во всяком случае, модель фиксируется на начальном и конечном этапах данного маршрута, а появление ее на южной оконечности Заонежья, видимо, связано с тем, что одно из ответвлений этой магистральной дороги уходило с низовьев Шуи через Онежское озеро в южное Заонежье. В этом контексте знаменательно присутствие ойконимов на -ици/-ичи в Сямозерье, которое также прилегало к шуйскому участку описанного маршрута. Вдоль Олонецкого Зимника (под этим названием северный участок древнего транзитного пути из Присвирья в Заонежье известен заонежским старожилам) группируются некоторые дифференцирующие вепские топонимные модели [Муллонен 2002б, рис. 13 на с. 163], что позволяет говорить об использовании этой дороги в Заонежье вепсами. К этому пути привязаны и некоторые ойконимы на -ицы/-ичи с более поздней хронологией (*Клименицы, Борковицы, Павловицы*). Модель подтверждает, таким образом, ареальные связи между Заонежьем и Присвирьем. При этом явное ослабление интенсивности модели по мере продвижения из Присвирья в Заонежье позволяет констатировать, что центр инноваций для северо-западной России располагался в нижнем Присвирье, а Заонежье представляло собой периферию.

С точки зрения исторической информации, заключенной в ойконимах на -ицы/-ичи, важно то, что их ареал выходит за пределы Заонежского полуострова на Челмужском направлении. Здесь, на водоразделе между Онежским озером и Выгозером, исторические и современные источники фиксируют поселения *Тикиницы, Тайгиницы, Пижиничи* и *Койкиницы*. Их распространение маркирует путь между средневековыми Челмужским и Выгозерским погостами и позволяет реконструировать один из важных участков на пути из Обонежья в Беломорье через Челмужи, реку Немину, с которой выходили на Выг выше серии порогов в районе современного поселения Шелтопорог и далее вдоль Выга на Выгозеро. Важно,

что этот маршрут подтверждается и рядом других топонимов с саамскими, прибалтийско-финскими и русскими истоками [Муллонен 2001б], говорящими об использовании его различными этноязыковыми коллективами на протяжении долгой истории колонизации севера (см. также ниже).

Практика картографирования топонимных моделей показывает, что определенную историческую информацию возможно извлечь и из так называемой ареальной семантической оппозиции моделей, когда один и тот же признак, положенный в основу названия, выражается различными языковыми коллективами по-своему. Из накопившихся в ходе исследования топонимии Заонежья примеров выберем только один, который интересен и тем, что показывает неоднородность этой компактной территории в плане ее освоения. Здесь хорошо просматривается противостояние топооснов *великий* и *большой*. Топооснова **Великий** (*Великий мох, Великая ледина, Великий бор, Великая щельга* и др.) использовалась на ранних этапах русского освоения Заонежья, сменившись позднее основой **Большой**. В результате в заонежской топонимии «великие» топонимы могут рассматриваться как знак раннего русского освоения территории. Практически полное их отсутствие во внутренних районах полуострова свидетельствует о вторичном освоении данной территории (см. подробнее в статье Великий).

Таким образом, ареальная характеристика топонимных моделей несет большой этноисторический заряд, который использован нами при анализе сложения этноисторической карты Заонежья. Эта проблема неоднократно поднималась в исследованиях, касающихся ареала Заонежья, однако осталось много вопросов, на часть из которых можно попытаться ответить, используя возможности топонимики. Кроме указанного ареального потенциала ценность топонимии как этноисторического источника в ее удивительной устойчивости во времени, массовости, формульности.

Исследователи языка и культуры Заонежья довольно единодушны в выделении в Заонежье двух зон – кижско-шунгской (западной) и толвуйской (восточной), однако не обсуждают вопрос о том, чем вызвано такое деление территории. Топоними-

ка, между тем, позволяет предположить, что оно связано с традиционными путями освоения территории полуострова (рис. 15). Толвуйская зона сформировалась вдоль водного маршрута, проходившего по Заонежскому заливу Онежского озера. Образование кижско-шунгской зоны, в свою очередь, сопряжено с освоением внутренней территории полуострова, которое распространялось из залива Великая губа через волок на протянувшееся на многие километры с севера на юг озеро Космозеро и далее уходило к Повенецкому заливу Онежского озера. На реальное существование волока в прошлом указывает топоним *Тайбола* (карел. *taipale*, *taibale* 'путь, расстояние; переход, например, из деревни в другую по глухой лесистой местности') на водоразделе между северной оконечностью Великой губы и южным концом озера Космозеро, а также система расселения, сформировавшаяся вдоль этого маршрута (см. подробнее в разделе «Границы...»). К этой транзитной водно-волоковой дороге привязаны некоторые топонимные модели, маркирующие раннее для Заонежья русское освоение, в частности, здесь представлена топооснова *Великий*, служащая, как отмечалось, маркером относительно раннего русского освоения территории. Карта распространения топоосновы *Великий* в Заонежье свидетельствует о том, что основная масса «великих» топонимов тяготеет к восточному побережью Заонежского полуострова и маркирует тот поток русского освоения, который продвигался вдоль Заонежского залива, омывающего полуостров с востока. Более слабый, но несомненный колонизационный поток шел и по западной границе Заонежья, по обозначенному выше водно-волоковому пути.

Ареал «великих» топонимов в западном Заонежье в значительной степени накладывается на ареал другой хронологически ранней для Карелии русской топонимной модели *Соломя*, что также свидетельствует об использовании представленного выше водно-волокового пути из южного Заонежья в северное. Эта дорога, кажется, осталось вне поля зрения исследователей языка и культуры Заонежья.

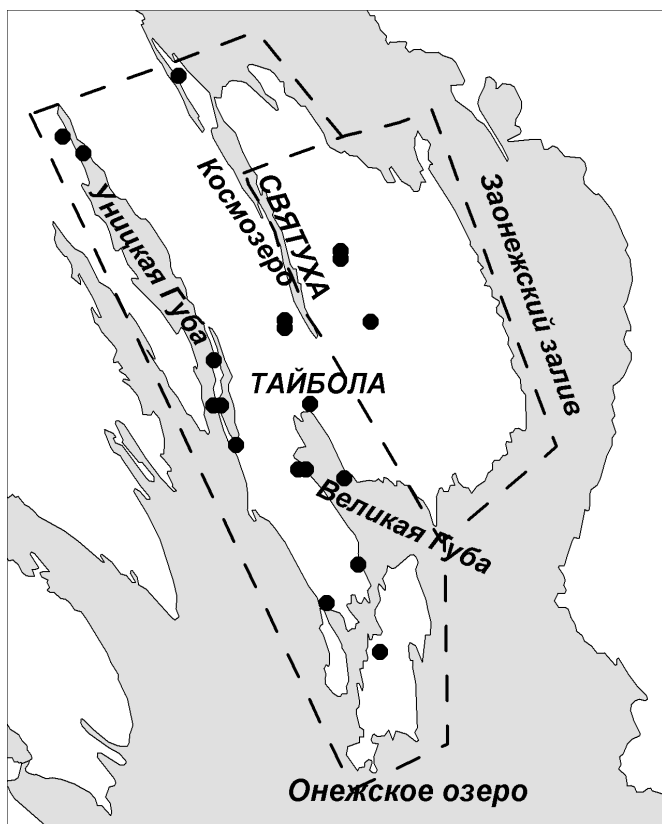

Рис. 15. Формирование двух языковых и культурных зон в Заонежье вдоль традиционных водных путей

Видимо, должен быть принят во внимание и другой транзитный путь, пересекавший Заонежский полуостров в его северной части с запада на восток и помеченный серией топонимов с элементом матка (ср. приб.-фин. *matka* 'путь, дорога, расстояние'). Этот путь известен современным жителям Заонежья под названием Олонецкий Зимник, указывающим на длительное использование этой дороги в Шуныгу в зимнее время (см. подробнее в статье Матка).

Очевидно, деление Заонежского полуострова на западную и восточную половину относится к наиболее древним. На традиционность границы между ними, проходящей по губе Святуха и пересекающей полуостров с севера на юг на две половины, указывает сам топоним *Святуха*. Есть основания – главным образом, ландшафтно-географического характера – полагать, что название имело прибалтийско-финский оригинал с основой *ruhä* ‘святой’, которая в прошлом закреплялась за пограничными географическими объектами, и в ней отражалась первоначальная семантика лексемы *ruhä* ‘граница, ограда’ (см. подробнее в разделе «Границы...»).

Граница, сложившаяся еще в прибалтийско-финское время, сохраняла свое значение и в ходе русского освоения территории. На устойчивость и древние истоки указывают и антропологические данные, согласно которым на западе Заонежья преобладает ильменско-беломорский антропологический тип, в то время как на востоке – атланти-балтийский, с повышенной концентрацией лапоноидных черт [Витов 1962].

Однако представленное зонирование – не единственное. Его дополняет явное разделение этой компактной территории на северную и южную половину. Оно начало складываться, по всей видимости, уже давно, в дорусское время. На это косвенным образом указывает отмеченное в документах XIV века родоплеменное образование, объединявшее жителей Шуньги, Толвуи, Кузаранды и Челмужей («все вымоченцы»), т. е. северного Заонежья, от имени которых продавались угодья к северу от Челмужей. Это деление продолжало ощущаться и в дальнейшем и закрепилось в XX веке в административном делении Заонежья на Шунгский и Великогубский районы. Ранние этапы данного зонирования не находят убедительного подтверждения в топонимии Заонежья, а вот более поздние, связанные со становлением локальных групп русского населения, подтверждаются фактами топонимики. Среди них, например, четкая привязка модели *Денник* к северному Заонежью.

Связь Толвуйской округи с Челмужской, отразившаяся в ранних письменных документах и подтверждаемая, к примеру, данными из области этнонимики (окрестное пудожское население еще в

XX веке называло жителей Челмужей заонежанами «за близость их говора и обычаев к заонежским» [Логинов 2001: 364]), прослеживается и в топонимии. Если проанализировать названия рек Пудожского побережья Онежского озера, то налицо использование здесь для адаптации иноязычных потамонимов к русской системе форманта *-ица*, чрезвычайно характерного для речных наименований на восточнославянской территории (реки *Шалица*, *Тамбица*, *Возрица* и др.). Эта модель известна и на западном побережье Онежского озера, где, однако, редка. Здесь используется другая адаптационная модель – оформление прибалтийско-финской или саамской основы формантом *-ина*, также нередким в восточнославянских потамонимах (рр. *Чебина*, *Марина*, *Елчина*). Это противостояние носит довольно четкий характер в Присвирье и Обонежье: *-ина* господствует в Присвирье и западном Обонежье, в то время как *-ица* преобладает на южном и восточном берегу Онежского озера. За этой ареальной дистрибуцией стоят, очевидно, несколько разные потоки восточнославянского населения. Этот ареальный контекст важен для того, чтобы высветить одну особенность топонимии Челмужей: именно здесь в плотном окружении речных наименований на *-ица* появляется р. *Немина*, в названии которой прибалтийско-финская основа оформлена суффиксом *-ина*, характерным для западного Обонежья. В данном факте позволительно усматривать подтверждение связей Челмужей с Заонежьем. Вырисовывается своеобразный коридор из Заонежья в Челмужскую округу, подтверждающийся и другими топонимными моделями, маркирующими в Карелии места относительно раннего русского освоения. Это топоосновы великий (противостоящая хронологически более поздней большой): *Великий Мох*, *Великозеро*, а также остр-рец/остреч (в отличие от окунь): озера *Остречье*, *Острецкое*.

С другой стороны, в топонимии есть определенные следы того, что коридор между Толвуйей и Челмужами использовался в обоих направлениях: инновации проникали не только с запада на восток, но и наоборот. Убедительным подтверждением восточных связей Толвуи может служить активность в здешней топонимии топоосновы *кар-* (вепс. *kar* > рус. говоры кара ‘небольшой залив, бухта’),

которая при абсолютном отсутствии на остальной территории Заонежского полуострова представлена многими фиксациями на восточном берегу Онежского озера (рис. 16). При этом вряд ли речь идет о русской топонимной модели, т. е. возникшей на основе усвоенного в русское употребление вепского географического термина. Основа закрепилась в качестве атрибутивного элемента в названии мыса *Карнаволок*, в основании которого стоит село Толвуя, и омывающего его залива *Каргуба*. И сам статус названий, и их структурное оформление свидетельствуют, скорее, о старом прибалтийско-финском, чем русском, наследии.

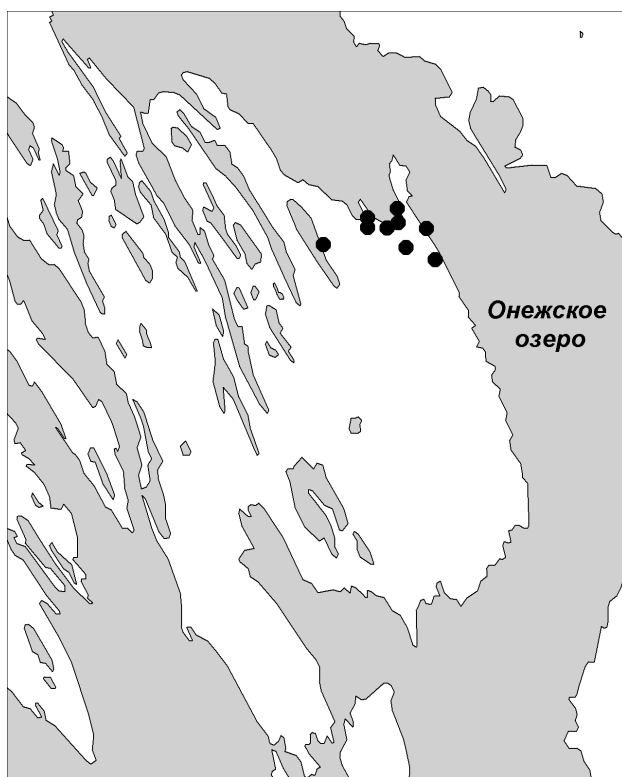

Рис. 16. Ареал топонимов с элементом «кара» в Заонежье

В этом контексте следует отметить, что связь между толвуйским и челмужским берегами имеет глубокие исторические корни и подтверждается наряду с русскими и прибалтийско-финскими также и саамскими топонимными моделями. Память о существовании древней, еще саамского времени дороги между указанными берегами хранят названия двух смежных островов, расположенных в самом узком месте Заонежского залива, между полуостровом Клим, глубоко вдающимся в воды залива с толвуйского берега, и полуостровом Хиж, находящимся на противоположном, челмужском берегу залива. Это острова *Кайнос* (от саам. *gæid'no* 'дорога', восходящей к более раннему фонетическому варианту *kejnō) и *Ваблок*, из саам *vav̥l*, *faw'le* 'путь, фарватер' (см. подробнее в разделе «Саамское наследие...»).

Намечающаяся по данным топонимии древняя дорога (и водная, и зимняя) имела не только местное значение. Челмужи – старинное село в устье впадающей в Заонежский залив Онежского озера реки Немины – располагалось на древнем пути из Онежского озера в Белое море. На это указывают некоторые косвенные данные из области топонимии и географии расселения. Кроме приведенных выше древнерусских топонимных типов есть смысл отметить ойконимы, оформленные русским суффиксом *-ицы* (*Тайгиницы*, *Пижиницы*, *Тигоницы*, *Койкиницы*), также показательные для территории относительно ранней русской колонизации. Названные ими поселения располагаются между Челмужским и Выгозерским погостами, на реках Немине и Верхий Выг, через которые как раз и проходил путь к Белому морю (рис. 14). Кстати, на картах, приложенных к исследованию М. В. Витова и И. В. Власовой, посвященному географии сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках [Витов, Власова 1974], неверно реконструировано расположение дер. Пижиницы, которая привязана авторами к далекой восточной окраине Выгозерского погоста, водоразделу рек Вожмы, Илексы и Нюхчи. На самом деле поселение располагалось вплоть до недавнего времени на Верхнем Выге, на водно-волоковом маршруте.

Обозначенные в исследованиях по этнографии Заонежья локальные этнографические зоны [например, Логинов 2001] не

получают надежного топонимического подтверждения, хотя определенные приоритеты в использовании топонимных моделей на разных участках Заонежского полуострова намечаются. Так, в центральных областях полуострова практически не используется топооснова *Великий*, которая характерна для районов более раннего русского освоения. В то же время здесь присутствуют некоторые модели, объединяющие Заонежье с Пудожским берегом Онежского озера (*Кулига, Пендукса* – см. подробнее соответствующие статьи словаря), дающие основание предполагать участие пудожан в освоении центрального Заонежья в позднее время. В северо-западном Заонежье в названиях населенных мест закрепились антропонимы с прибалтийско-финскими истоками, при этом нередко без дополнительной русской переработки в виде суффиксов. Последнее обстоятельство может указывать на относительно позднее время появления топонимов, а значит, и объектов их называния [Муллонен 2001a], а первое – на карельские корни их основателей.

Вернемся еще раз к мысли о том, что сложение сети поселений и этнографических зон обусловлено в значительной степени традиционными путями освоения территории. Топонимные факты позволяют наметить несколько таких путей. Один из них проходил вдоль Заонежского залива, по восточной границе Заонежья, где сформировались еще на дорусском этапе освоения (о чем свидетельствуют субстратные истоки топонимов) прибрежные гнезда поселений Тамбица, Кузаранда, Толвуя. Об использовании маршрута на ранних этапах новгородского освоения свидетельствует привязка к побережью древних новгородских топооснов острец (см. ниже), лющик (уроч. *Лющик* в дер. Никитинской Выр), солоть, отсутствующих на других участках Заонежья. К этому же побережью привязаны полукальки с детерминантом -мох, практически отсутствующие во внутренних областях полуострова, но известные также на противоположном, пудожском берегу Заонежского залива. Залив был той дорогой, вдоль которой закрепился данный топонимный тип. Возможно, именно эта водная дорога оформила зону восточного Заонежья в противоположность западному,

сформировавшемся, в свою очередь, вдоль Великогубско-Космозерского волока и прилегающих к нему территорий.

Другой путь, о котором уже упоминалось, проходил по западной окраине Заонежского полуострова, через перешеек, разделяющий Великую губу Онежского озера и южную оконечность Космозера. Он также подтверждается топонимически. Он сыграл важное значение для появления поселений на побережье Великой губы Онежского озера, а также Космозера.

Чрезвычайно важную роль в освоении северной части Заонежского полуострова сыграл уже упоминавшийся водно-волоковой путь, шедший из Присвирья через низовья рек Шуи и Суны и далее пересекавший с запада на восток многочисленные заливы (губы) Онежского озера. Он помечен целой серией топонимов с элементом -матка (приб.-фин. *matka, matke, matk* с семантикой 'волок') и вплоть до недавнего времени был известен под названием Олонецкий Зимник.

Был и четвертый путь, шедший в южное Заонежье из юго-западного Прионежья и известный под названием Шокшинского Зимника. Сам топоним указывает на то, что этот путь объединял Кижскую округу с северновепскими территориями и использовался еще относительно недавно. Он подтверждается топонимной моделью *Посад*, а также некоторыми микротопонимами Южного Заонежья с вепскими истоками. Среди них название острова *Кивдук* (Киж), из. вепс. *kiuduk (см. *küuduk* СВЯ) 'печка-каменка'. Вепская этимология предложена В. Агапитовым [Агапитов 2000: 31]. Фонетический облик слова таков, что четко отличает вепский оригинал от родственного карельского *kiukua*. Однако поскольку основа нетипична для вепской топонимии, не исключено, что возникновение названия Кивдук спровоцировано соответствующей русской метафорической моделью *Печка*, характерной для названий небольших островков и луд, представляющих собой нагромождение камней, выступающих над поверхностью воды. В таком случае имеющий вепские истоки Кивдук может быть переводом, калькой русского оригинала. Это предположение хорошо согласуется с поздним использованием Шокшинского Зимника.

Помимо этих транзитных путей, ведших в Заонежье и из Заонежья, на самом полуострове сложился целый ряд местных дорог, сыгравших свою роль в становлении локальных этнографических зон. Они реконструируются на основе топонимных «помет» – специальных топооснов и моделей типа *Зимник*, *Матка*, *Переход*, *Кайн-/Кейн-* и др.

Был и другой существенный фактор, повлиявший на сложение сети поселений в Заонежье. Это месторождения шунгита, определяющего плодородие почв в Заонежье. М. В. Витов убедительно доказывает, что центры трех древних погостов Заонежья – Шунгского, Толвуйского и Кижского – привязаны к местам выхода шунгитовых сланцев [Витов 1962: 95–96]. Для населения, основой экономики которого было сельское хозяйство, это, безусловно, решающий фактор.

Топонимия Заонежья, как и всей Карелии, многослойна, хотя и отличается на фоне смежных территорий наличием некоторых старых русских топонимных моделей. Среди традиционных русских показателей топооснова острец или остреч ‘окунь’. Она закрепилась в названии толвуйской деревни *Остречево* или *Остречевцы*. При этом ойконим вторичен, и основа первоначально использовалась в названии небольшого озера, на берегу которого располагается деревня (современное озеро *Остречевское* < дер. Остречево, или *Бездонное*).

В Толвуйской округе известен еще один факт топонимного функционирования лексемы остреч: луда *Остричьа* на оз. Падмозеро. Анализ бытования старого новгородского слова, рано вытесненного общерусским синонимом окунь, в топонимии Присвирья показал, что там оно маркирует места относительно раннего русского освоения [Муллонен 2002б: 143]. Этот вывод подтверждается и ареалом топоосновы, который на севере четко привязан к транзитному водно-волоковому пути из Присвирья через Онежское озеро на юго-западное побережье Белого моря (рис. 17). Толвуйские топонимы лежат на этом пути и помечают территорию, относительно рано попавшую в сферу новгородского языкового воздействия.

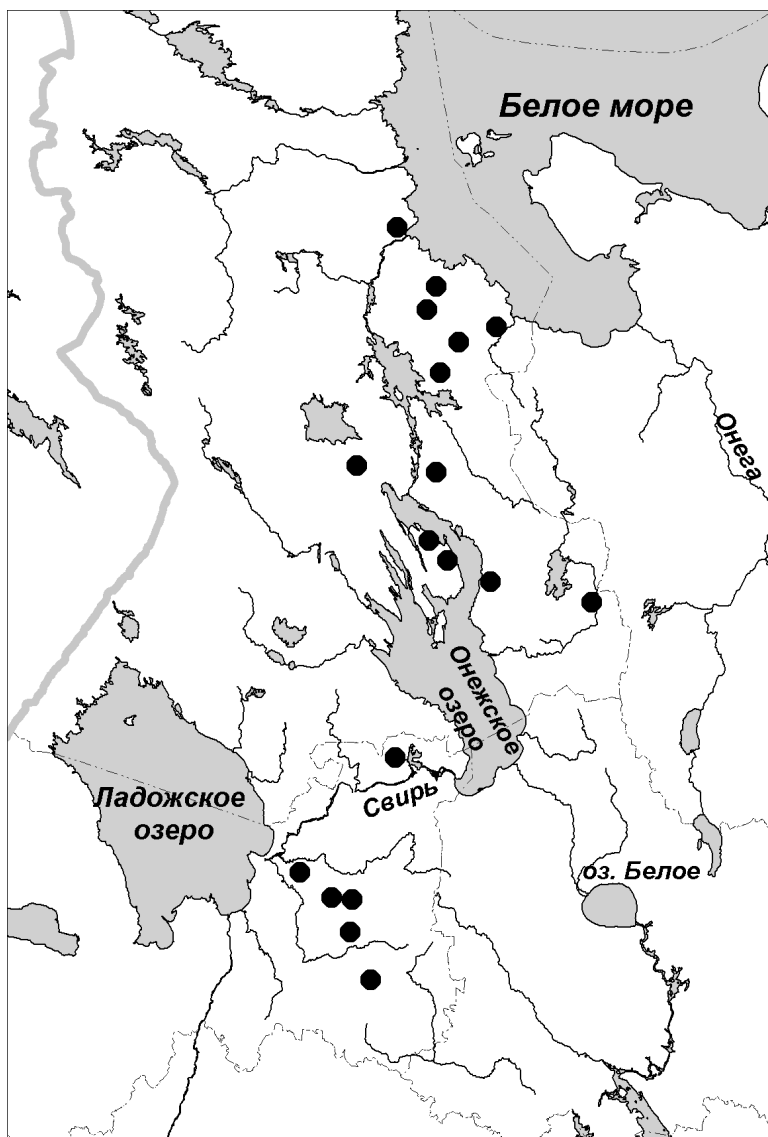

Рис. 17. Ареал топоосновы Остреч-/Острец- в Присвирье и Обонежье

Надежным критериями хронологии является и фонетический облик топооснов, в частности, отражение прибалтийско-финского ударного *a*. Известно, что на разных этапах финско-русского языкового контактирования прибалтийско-финское ударное *a* передавалось в русском по-разному: на раннем этапе контактов через *o* (Karjala – Корела), а позднее – через *a* (Karjala – Карелия, lambi – ламба) [Kalima 1919: 46–47]. Заонежье явно не принадлежит к числу зон, где отражается древнерусское состояние, т. е. приб.-фин. *a* → рус. *o*. Здесь массово представлен более поздний рефлекс *a* → *a*. Однако на этом общем фоне выделяются единичные примеры с рефлексом *o*. Самый известный из них – название старинного села и центра древнего погоста *Толвуй* или *Толвуя*, в котором приб.-фин. *a* (talv- ‘зима, зимний’) передается как *o* (Толв-) (см. подробнее в статье Толвуя). Примечательно, что остальная топонимия окрестностей Толвуи практически лишена древних русских маркеров, что, по-видимому, увязывается с ранней фиксацией названия *Толвуя* в русских источниках, т. е. с ранним, еще в период древнерусского языка, появлением русского варианта топонима.

Есть основания полагать, что отмеченный древний фонетический процесс отразился и в названии озера *Космозеро*. На эту мысль наводит наименование вытекающей из озера реки *Кажма* с *a* в основе. Озеро, как уже отмечалось, является важным этапом водно-волокового пути, т. е. его название рано стало фактом русской речи, что и спровоцировало появление *o* на месте первоначального *a*, сохранившегося в речном наименовании. На первичность *a* указывает в данном случае и возможная этимология топоосновы. Подробнее процесс изложен в разделе «Границы...».

Из фонетических особенностей, маркирующих относительно раннее русское освоение территории, следует отметить также полногласные *-оро-* и *-оло-* соответственно в *Корова* и *Коровина* – названиях озерных заливов (Толв), из вепс. kar ‘залив, бухта,’ и в воплотившемся в целом ряде топонимов западной части Заонежского полуострова ландшафтном термине соломя, из приб.-фин. основы salm- ‘пролив’ (см. подробнее в статье Соломя). Обе

основы представлены на древних водных маршрутах, что хорошо согласуется с их ранним фонетическим обликом.

Однако основная масса топонимных типов с русскими истоками не имеет четких хронологических показателей. Неким критерием их возраста является то, к какому типу объектов они привязаны. Для русской топонимии, составляющей, безусловно, основной топонимический фонд Заонежья, характерно использование в роли названий культурных объектов – сельскохозяйственных угодий (полей, полян, покосов), населенных мест (однако не гнезд поселений) и внутридеревенских объектов. Реже топонимы с русскими истоками выступают в наименованиях прибрежных объектов – островов, мысов и заливов, а также лесных урочищ и болот. Гидронимы – наименования озер и рек – в подавляющем большинстве случаев имеют нерусские истоки. За этой дистрибуцией стоит хронология. Наименования микрообъектов, среди которых основной слой составляют агроонимы, менее устойчивы и очень подвижны, поэтому, как правило, моложе наименований водных и других орографических объектов. В связи с этим наименования с русскими и нерусскими истоками формируют нередко свои зоны в окрестностях поселения, которое окружается русскими топонимами, в то время как субстратные образуют внешнее кольцо. Примером может быть карта топонимов села Усть-Яндома. Впрочем, не менее характерен для Заонежья и другой тип топонимной карты, в которой субстратные топонимы вкраплены в русский фон. При этом они называют наиболее значимые, приметные объекты местности, несут нагрузку своеобразных центров карты.

Соотношение топонимов с прибалтийско-финскими и русскими истоками в разных локальных зонах Заонежья различается. За ним стоят всякий раз процессы формирования населения. Сопоставление по этому признаку двух соседних, расположенных на полуострове Клим поселений Толвуйской волости – Кривоноговской и Лебещины – свидетельствует о заметном преобладании процента прибалтийско-финской топонимии в первой по сравнению со второй. Из 79 топонимов окрестностей Кривоноговской 25 имеют прибалтийско-финские истоки, в то время как из 62 лебещинских

названий лишь 5 можно квалифицировать как прибалтийско-финские. Интерпретируя эту статистику, надо сделать поправку на ландшафтную характеристику мест с нерусскими названиями. Они привязаны, прежде всего, к береговым объектам – мысам, заливам, островам, которых в окрестностях Кривоногово явно больше, чем около Лебещины, и это одна из причин статистического преобладания доли «финских» названий в Кривоноговской. Однако ландшафтные особенности явно не являются единственной подоплекой. У приведенной статистики есть и этноисторические обоснования, заключающиеся в том, что Лебещина, известная в документах XVI–XVII веков под именем Лебежья Матка (из приб.-фин. *matka* в значении ‘волок’), располагалась на волоке из Заонежского залива в Повенецкий и поэтому испытала более раннее и сильное русское языковое воздействие, чем отдаленная Кривоноговская. Статистические методы в сочетании с картографированием вносят, таким образом, свой вклад в реконструкцию происходивших в Заонежье этноисторических процессов.

Современная этническая карта Карелии показывает, что прибалтийско-финские территории вплотную подходят к Заонежью. На западе практически по всей длине полуострова в меридианном направлении русское Заонежье граничит с карельским людиковским Прионежьем, на северо-западе к границам традиционного Заонежья подступают собственно-карельские поселения. Вепское Прионежье только на первый взгляд удалено от Заонежья на значительное расстояние. На самом деле по воде расстояние до первых вепских деревень юго-западного побережья Онежского озера составляет всего 70–80 км. Лишь на востоке – на Пудожском берегу и на севере – в Повенецкой округе располагается русский ареал. Впрочем, анализ языковых и этнографических фактов, как и некоторых исторических документов, реконструирует еще относительно недавнее прибалтийско-финское прошлое и этих территорий. Русское Заонежье формировалось, таким образом, в прибалтийско-финском окружении, о чем надежно свидетельствует топонимия полуострова.

Наличие прибалтийско-финских черт в языке заонежан отмечал уже первый собиратель заонежских былин П. Рыбников. Несколько десятилетиями позже известный русский лингвист А. А. Шахматов объяснял некоторые фонетические особенности в русских говорах Заонежья прибалтийско-финским воздействием. И. П. Гринкова, детально ознакомившаяся с рукописным наследием Шахматова и сама занимавшаяся исследованием севернорусских говоров, писала: «...особенности заонежских диалектов, выявляющие ряд фактов, не свойственных севернорусским говорам, вернее всего следует поставить в тесную связь с местными карельскими диалектами» [Гринкова 1947: 390]. В последующие годы убедительные свидетельства прибалтийско-финского воздействия на язык заонежан были выявлены карельскими диалектологами. Обширный набор диалектных заонежских лексем с карельскими и вепскими истоками содержится в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей», шесть томов которого увидели свет в последние годы.

На сегодняшний день тезис о прибалтийско-финском наследии в языке Заонежья общепризнан. Знаменательно, однако, что исследователями-языковедами чаще всего не дифференцируются вепское и карельское начала или же, как, например, в работах Д. В. Бубриха [Бубрих 1947] или В. В. Пименова [Пименов 1965] проводится мысль о вепских истоках языка и особенно топонимии Заонежья. На вепские истоки заонежской топонимии указывает также Н. Н. Мамонтова [Мамонтова 1977]. Провести границу между вепским и карельским элементами в субстратном языке Заонежья действительно непросто, поскольку речь идет о близкородственных языках. В результате топонимная лексика, т. е. слова, наиболее активные в топонимообразовании, восходит к словарному фонду, общему для всех прибалтийско-финских языков, и, следовательно, не способна дифференцировать языковые коллективы. Заонежские топонимы *Койгуба* (кой- < вепс. *koiv*, кар. *koivu* ‘береза’), *Габсельга* (габ- < вепс. *hab*, кар. *hoara*, *huabe* ‘осина’), *Лепнаволок* (леп- < вепс. *lep*, кар. *leppä* ‘ольха’) допускают в равной степени вепскую и карельскую интерпретацию. В этих условиях актуален поиск надежных критериев для разграничения.

Анализ конкретного топонимного материала Заонежья позволил наметить те направления, по которым можно сгруппировать факты карело-вепсского языкового противостояния. Среди них, прежде всего, специфические топоосновы, восходящие к оригинальной вепсской или карельской лексике. Таковых немного – и в силу отмеченной уже значительной идентичности карельских и вепсских топонимных моделей, и вследствие ограниченного круга лексем, попадающих в число продуктивных топооснов. Тем ценнее те метки, которые удастся обнаружить. К ним относится более 30 надежных карельских, т. е. восходящих к лексемам, отсутствующим (и – что важно – отсутствовавшим) в вепсском языке, топооснов.

Среди них основа *сало-*, причем, очевидно, в значении ‘остров’, так как фиксируется в названии острова *Салоостров*, а также луды *Сальная Луда* в северо-восточном Заонежье. В карельских диалектах слово имеет значение ‘большой дремучий лес, чащоба’, а семантика ‘остров’ зафиксирована лишь в финских диалектах Саво и Хяме. В связи с этим встает вопрос об истоках топоосновы: было ли значение ‘остров’ присуще карельской лексеме *salu* в прошлом (на эту мысль наводят названия некоторых островов с элементом *salu-*, известные в собственно-карельском и ливвиковском ареалах) или здесь наблюдается некое саволакское наследие, которое проникло в собственно-карельский ареал, а затем с собственно-карельским продвижением достигло Заонежья. Однако в любом случае основа не вепсская.

К дифференцирующим собственно-карельским тополексемам относится зафиксированное в топонимах *Кумбовинья* (Сенн), *Кумбушка* (Выр), *Кумбово поле* (Кажем) слово *kumpru*, *kumbu* ‘холм, пригорок’. Показательно, что из трех карельских диалектов слово бытует только в собственно-карельском и неизвестно в ливвиковском и людиковском, содержащих значительный вепсский субстрат. Его нет в вепсском языке. Все это дает полное основание возводить топонимы к карельскому наследию, причем в его собственно-карельском варианте.

Приведем в качестве показательного примера дифференцирующей карельской модели также топонимы с основным элементом

-лакша (< ск. lakši ‘залив’): *Койлакша, Лапилакша* (Велик), *Войлакша, Муталакша* (Сенн), *Кидалакша* (Толв). Здесь наблюдается явное собственно-карельское (в противоположность ливвиковско-людиковскому и вепсскому lahti, laht) оформление топоосновы.

При господстве в топонимии модели -лакша особенно примечательно появление в составе Кижской волости деревни под названием *Лакша* (в составе Кургениц). Другая деревня *Лакша* размещалась в окрестностях Толвуи. Возможно, за ними скрывается вепсский след в топонимии Заонежья.

В целом из списка, включающего более 30 дифференцирующих карельских топооснов Заонежья, значительная часть представлена в микропонимах, что свидетельствует в пользу относительно молодого возраста названий и, соответственно, относительной молодости карельских связей в языке и культуре Заонежья. Позволим привести еще несколько примеров: *Лехостров* (Кажма), *Лехостров* (Уница): ск., ливв. lehto ‘лиственный лес’, покос *Тобий* (Киж): ливв. tobju ‘большой’, поле *Пиндера* (Шуньга): ск. piennar, pienneg, люд. piendaf, pindaf ‘край дороги (обочина), поля (межа)’, острова *Палляк* (Кузаранда), *Палляка* (Шуньга): ср. производное от paljas ‘голый, без растительности’, paljakka ‘голое, безлесное место’, известное, в частности, в говорах Кайнуу, распространенных на северо-востоке Финляндии, в карельском пограничье; остров *Кабак* или *Кабач*, *Кабачья луда* (Шуньга): ск. kabakka, kabakko ‘о рельефе местности: неровный, с ямами и возвышениями’¹² и даже *Садамгуба* (Типиницы): ср. фин. satama ‘порт, гавань’.

Другой методический прием связан с избирательным подходом топосистем разных языков к использованию лексики. В самом деле, общим словарным фондом вепсская и карельская системы топонимов распоряжаются по-разному. Лексема halla (вепс. hal) ‘мороз, иней’ известна в равной мере и карельским, и вепским диалектам. Однако она не нашла применения в вепсской топонимии,

---

¹² Основа хорошо известна, например, в топонимии Валаама, где она привязывается к островам, причем таким, которые при приближении к ним по воде выглядят как ряд холмов, бугров, т. е. возвышения чередуются с участками низинного рельефа (см. подробнее [Муллонен 2003: 50]).

в то время как в карельской достаточно продуктивна. На карельской территории, примыкающей к Заонежью с северо-запада, т. е. в бассейне Нижней Суны, известны руч. *Halloja*, бол. *Hallasuo*, заливы *Hallaksi*, *Hallalaksi*, остров *Hallasuari*. Этот ареал, собственно, продолжается в Заонежье, где есть *Галгуба*, *Галайгуба*, *Галайское болото*, *Галоостров*, *Галово болото*. В вепсской топонимии та же идея – место, подверженное заморозкам – выражается иначе, с использованием лексической модели *külmä*- ‘холодный’. В Заонежье, таким образом, представлена карельская модель, отсутствующая в вепсской топонимии.

В этом же ряду карельских топонимов должны, видимо, рассматриваться возникшие метафорическим путем наименования известных в разных углах Заонежского полуострова горок *Мальяшка*, *Мальяха*, *Малля*, восходящих к карельскому *malja* ‘чаша, чашка, миска’. Вепсское лексическое соответствие *mal'* не получило распространения в вепсской топонимии.

Метод выявления дифференцирующих основ сопряжен с ареальной методикой исследования, т. е. выявлением путей проникновения дифференцирующих топонимных моделей в Заонежье. Показателен в этом контексте ареал распространения топонимов с основой *haiseva*, *haisija* ‘пахнувший, пахучий’. Исследования известного финляндского топонимиста Э. Кивиниemi показали, что эта выраженная причастием модель используется на территории Южной Финляндии и Приладожья для называния зарастающих мелких водоемов или болотистых мест с имеющей неприятный запах водой [Kiviniemi 1971: 95–98]. Оттуда она распространяется в Карелию и представлена, в частности, в бассейне Суны.

В Заонежье, судя по нашей картотеке, карельская основа *haisija* воплотилась, по крайней мере, в трех топонимах северо-восточного Заонежья. Это покос *Гайжеги* в окрестностях Юсовой Горы в Кузаранде, а также озеро *Хашезеро* и обширный полуостров *Ажебнаволок* у Шуньги (см. подробнее этимологию в соответствующей словарной статье в разделе «Квалитативные топонимы»).

Пример с *Хашезером* свидетельствует о том, что в анализе топонимов ареальное исследование идет рука об руку с этимологическим.

С одной стороны, ареализация – одно из необходимых условий этимологических штудий в топонимике, т. е. расшифровки содержания топонима. Оно устанавливает некие объективные рамки анализа и обеспечивает достоверность этимологии. С другой стороны, во многих случаях только в ходе этимологического анализа реконструируется изначальный облик топонима, что позволяет ввести его в ряд однотипных образований, формирующих определенный ареал.

Третий критерий для различения карельского и вепсского начала в топонимии Заонежья – фонетический, основывающийся, с одной стороны, на звуковой специфике вепсского и карельского языков, с другой – на законах севернорусской фонетической обработки прибалтийско-финских оригиналов. Проиллюстрирую сказанное одним показательным примером – названием деревни *Рим*, входившей в Вырозерский куст поселений. Деревня находилась на краю обширного болота Залебежский или Римский Мох, что дает основание связывать ойконим с прибалтийско-финским словом *gäme* (вепс. *gäm-*) ‘болото, поросшее чахлым лесом’. При такой интерпретации возникает, однако, одна сложность фонетического порядка: прибалтийско-финское *ä* в Заонежье передается в русском употреблении через *я* [‘а] или *е* [‘е], но не *и*: *Мяндостров* или *Мендостров* (*mändu, mänd* ‘сосна’), *Сяргозеро* или *Сергозеро* (*särgi, särg* ‘плотва’), *Нелгозеро* (*nälgä, nälg* ‘голод’ – основа, использовавшаяся, как правило, для названия бедных рыбой озер). Эту сложность можно преодолеть, если обратить внимание еще на одну примечательную деталь фонетической системы Заонежья: прибалтийско-финский дифтонг *ie* воспринимается здесь в русском употреблении как *и*: урочище *Литяги* (*liete, lieteh* ‘мелкий песок’), мыс *Пинनावолок* (*pieni* ‘маленький’) и др. В ряду последних заманчиво рассматривать и топоним *Рим* как восходящий не к вепсской или южнокарельской основе с гласным *ä* (*gäm-*), а к собственно-карельской, имеющей вид *gieme*. Фонетический облик топонима несет указание на языковые истоки названия. Кстати, вывод о собственно-карельском происхождении топонима *Рим* поддерживается названием самого куста поселений *Вырозеро*, которое в письмен-

ных источниках XVI–XVII веков известно как *Virözero*. В основе топонима собственно-карельское слово *vierä* ‘кривой, изогнутый’ (при вепском *vär*). Этимология поддерживается кривой, дугообразной формой озера, ныне называющегося Ганьковским.

В топонимии Заонежья, судя по нашим материалам, нашла отражение еще одна характерная карельская фонетическая особенность, заключающаяся в том, что в собственно-карельском наречии происходило выпадение гласного *-i* из основы, сопровождавшееся последовательно палатализацией следующего за *-i* согласного [Rapola 1966, Itkonen 1968]. Этот признак не проявляется в вепских говорах и поэтому может квалифицироваться как дифференцирующая карельская особенность. В топониме *Ватлекша* (Сенн) второй элемент *-лекша* восходит к первоначальному карельскому *-lakši* ‘залив’, в котором, однако, произошла палатализация *l*, спровоцированная закономерной для карельского языка утратой гласного *i* из первого элемента оригинального сложного по структуре топонима **Vatai/lakši* (*vatai-* из *vataja* ‘болотистое, поросшее кустарником место, используемое иногда под покосы’ – см. подробнее в разделе «Ландшафтная терминология») > **Vatoi/lakši* > **Vato/lakši*, которое преобразовалось в русском употреблении в Ватлекшу.

Возможно, отмеченная фонетическая особенность сформировала и варианты *Вайностров* и *Ваньостров* (Сенн), в которых на самом деле отразился целый букет фонетических закономерностей, в том числе наращение протетического *в* перед основой, начинающейся с *а*, преобразование приб.-фин. *h* в позиции перед сонорным в *i*, что позволяет реконструировать приб.-финскую топооснову *ahn* ‘окунь’. *Вайностров* – это, таким образом, ‘Окуневый остров’, а вариант *Ваньостров* с палатализованным *н* появился как следствие утраты из основы гласного *-i*. Аналогична, видимо, история топонима *Ланьостров* или *Ланестров* (Киж), в основе которого с учетом отмеченных закономерностей реконструируется приб.-фин. *lahna* ‘лещ’. Этот ряд завершает убедительный пример, представленный двумя вариантами названия острова в окрестностях Усть-Яндымы: *Кайостров* и *Кадьостров* с карельской основой *kaid-* ‘узкий’.

Неким критерием карело-вепсской фонетической дифференциации можно считать отражение прибалтийско-финского *h* (или *k*) в словах с основой на -е. В топонимии Заонежья представлены две ситуации: в одном случае *h* передается через *x*, в другом через *z*: *Розмега*, *Рядеги* (Кузар), *Пурдега* (Косм), *Сявнеги* (Яндом), *Литеги* (Дериг) и др., но *Кортеха* (Выр), *Кортехматка* (Кажем), *Кортехгуба* (Сенн), ср. также заонежское *кортеха*, *Перехнива* (Типин) < кар. *regeh* ‘семья’, в один ряд с которыми входит, видимо, и руч. *Корежий* (Типин), угодье *Корежи* (Киж), *Кореший Нос* (Фойм), в основе которых заонежское *кореха* из кар. *kuogeh* ‘рыба корюшка’. Анализируя истоки севернорусского *корех*, *кореха*, С. А. Мызников обращает внимание на отсутствие его в Подпорожском районе – в ареале активного вепсского воздействия на русские говоры [Мызников 2003б: 161]. Это замечание обретает особый смысл в контексте следующего наблюдения ареального характера. Ареальная дистрибуция вариантов *кортега* и *кортеха*, приводимая в СРГК, кажется, подтверждает предположение о преимущественно вепсских и людиковских истоках *кортега* и собственно-карельских – *кортеха*: первая бытует в Прионежье, Пудожском и Медвежьегорском районах, вторая – в Прионежье, Медвежьегорском, Кемском районах и в Сегозерье, т. е. в более северном, смежном с собственно-карельским ареале. Тенденцию к сохранению *h*, т. е. передачу его через рус. *x*, позволительно рассматривать в русле карельских истоков топонима. С этим выводом согласуется отсутствие топооснов данного типа с конечным *x* в субстратной топонимии русского Присвирья, сложившейся под бесспорным вепсским воздействием [Муллонен 2002б: 52–54].

Подведем некоторые итоги. Вепско-карельская дистрибуция на деле выливается в поиск критериев, разграничивающих вепские и собственно-карельские топонимные типы. Понятно, почему это происходит: вепское наследие в ливвиковском и людиковском не позволяет провести границу между вепским и карельскими элементами в полной мере корректно. Собственно-карельские элементы представлены практически на всей территории Заонежского полуострова. При этом на западе Заонежья они выступают в люди-

ковском контексте, который на востоке и северо-востоке Заонежья менее выражен. Анализ топонимии свидетельствует в пользу присутствия в ней мощного карельского элемента, формировавшегося в ходе неоднократного карельского внедрения в регион. Надо полагать, большое значение в карельском освоении Заонежья сыграли XVI–XVII века, когда происходил значительный отток карельского населения из Северо-Западного Приладожья.

В этой связи следует отметить, что вепское наследие в языке и топонимии Заонежье, видимо, носит более ограниченный, более размытый характер, чем традиционно представляется. Оно просматривается в некоторых разрозненных топоосновах, восходящих к дифференцирующим вепским лексемам:

деревня *Пурдега*, мыс *Бурднаволок* (Кажем), покос *Бурда* (Яндом): вепс. *purde* ‘ключ, родник’, слово неизвестно в карельских говорах, однако присутствует в качестве топоосновы в людиковском ареале, где, видимо, может рассматриваться как вепское наследие.

залив *Кара*, мыс *Карнаволок* (Толв): вепс. *kaга* ‘небольшой залив, бухта’. В другой связи нам уже приходилось отмечать, что являясь обычным, широко распространенным на вепской территории и неизвестным в целом карельскому языку, слово в то же время присутствует – в качестве вепского наследия – в топонимии на людиковской территории, а также русских Заонежья и Пудожья.

покос *Парчема*: вепс. *paгčom* < *paгžčom ‘место заготовки леса’.

При анализе топонимии Заонежского полуострова складывается впечатление, что на большей части этого региона не произошло непосредственного вепско-карельского контакта. Поскольку русская колонизация севера прошла практически по тем же путям, которые были освоены вепсами, то уже рано начинается их обрусение. В результате карелы, продвинувшиеся в Заонежье из Приладожья, соприкоснулись здесь уже с обрусевшими (или в значительной степени обрусевшими) вепсами. Это значит, что вепская по происхождению топонимия воспринималась карелами через

русское посредство. На основной территории Заонежья не сложилась людиковская речь, которая, как известно, является результатом карело-вепского языкового сплава. Лишь на западе Заонежья вепско-карельское контактирование происходило напрямую, без русского посредства. Некоторые топонимические факты позволяют предполагать карело-вепское контактирование на южной окраине Заонежья, где представлены поздние вепские топонимные признаки, проникавшие сюда, видимо, из вепского Прионежья. Однако в силу фрагментарности вторичного вепского проникновения, присутствия русского этнического компонента, маргинального характера карельского освоения здесь не создались необходимые условия для появления людиковской речи.

ЛИТЕРАТУРА

- АК – Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Агапитов В. А. 1989 – Освоение Заонежья древними вепсами // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 91–94.
- Агапитов В. А. 1993 – Кижы: что в имени твоём? (О происхождении названия Кижы и не только...) // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 18–23.
- Агапитов В. А. 2000 – Путешествие в древние Кижы. Топонимический очерк. Петрозаводск, 2000.
- Агапитов В. А. 2003 – Топонимия и археологические памятники Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 282–284.
- Агапитов В. А., Логинов К. К. 1992 – Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 61–76.
- Алквист А. 1996 – Загадочные камни Ярославского края // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.-15.8.1995. Pars VII. Litteratura. Archaeologia. Anthropologia. Jyväskylä, 1996.*
- Амелина Т. П. 2001 – Основные моменты монастырской колонизации Прионежья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 325–331.
- Ардентов Б. П. 1955 – К изучению заонежского диалекта // Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та. Т. 15. Кишинев, 1955. С. 84–90.
- Арциховский В. А. 1963 – Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.
- Березович Е. Л. 1998 – Топонимия Русского Севера. Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998.

Березович Е. Л. 2000 – Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Бубрих Д. В. 1947 – Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Витов М. В. 1962 – Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962.

Витов М. В., Власова И. В. 1974 – География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974.

Герд А. С. 1989 – К истории образования говоров Заонежья // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979.

Герд А. С. 1988 – Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. С. 4–22.

Грамоты – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гринкова Н. П. 1947 – К изучению олонцевских диалектов // А. А. Шахматов. 1864–1920. Сборник статей и материалов / Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947.

Даль – Даль Владимир. Словарь живого великорусского языка в четырех томах. Том первый. М., 1989.

Доля Т. Г., Суханова В. С. 1975 – Существительные на -га в русских говорах Карельской АССР // Севернорусские говоры. Вып. 2. Л., 1975. С. 35–40.

Карелия в XVII веке. Сборник документов. Петрозаводск, 1948.

Кочуркина С. И. 1973 – Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.

Кочуркина С. И. 1989 – Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья в X–XIII вв. Петрозаводск, 1989.

Криничная Н. А. 2001 – Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Том первый: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб., 2001.

КТК – Картотека топонимов Карелии и сопредельных областей. Хранится в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Кузьмин Д. В. 2002 – Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Петрозаводск, 2002. С. 139–149.

Кузьмин Д. В. 2003 – Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международ. науч. конф. «Рябининские стения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 303–307.

Куликовский Г. И. – Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Культурный ландшафт 1998 – Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионова Е. А. Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье, Поморье. М., 1998.

Курец Т. С. 2000 – Русские заговоры Карелии / Сост. Т. С. Курец. Петрозаводск, 2000.

Логинов К. К. 1993 – Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1993.

Логинов К. К. 2001 – Основные «малые» этнографические зоны Заонежья XIX – начала XX в. // Очерки исторической географии. Северо-запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 370–374.

Майнов В. 1877 – Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.

Макаров – Словарь карельского языка (Ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

Мамонтова Н. Н. 1977 – О вепском субстрате в топонимии Заонежья // Проблемы изучения музыкального фольклора русских и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Петрозаводск, 1977.

Мамонтова Н. Н. 1982 – Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.

Матвеев А. К. 1995 – Апеллятивные заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2. С. 29–42.

Матвеев А. К. 1996 – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.

Материалы 1941 – Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.

Меркулова В. А. 1967 – Очерки по русской народной номенклатуре растений: Травы. Грибы. Ягоды. М., 1967.

Мещерский Н. А. 1963 – К изучению русских народных говоров на территории Карельской АССР // Уч. зап. Карельского пед. ин-та. Т. 13. Петрозаводск, 1963. С. 113–126.

Муллонен И. И. 1993 – О «святых» топонимах и некоторых следах древних верований в вепсской топонимии // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 4–12.

Муллонен И. И. 1994 – Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Муллонен И. И. 1995 – «Святые» гидронимы в контексте вепско-русского топонимного контактирования // Ономастика Карелии. Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 17–27.

Муллонен И. И. 1997 – Вепско-карельские контакты в топонимии Северного Присвирья // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении. Петрозаводск, 1997. С. 152–163.

Муллонен И. И. 2000 – Вырозеро // Кижский вестник. № 5. Петрозаводск. 2000. С. 157–165.

Муллонен И. И. 2001a – История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 11–38.

Муллонен И. И. 2001b – Топонимия древнего новгородского пути в Беломорье // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Междунар. науч. конф. «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли». Великий Новгород, 2001. С. 27–29.

Муллонен И. И. 2002a – Еще раз об интерпретации древней топоосновы ухт- // Русская диалектная этимология. Екатеринбург, 2002. С. 70–71.

Муллонен И. И. 2002b – Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен И. И. 2003 – Карельская топонимия Валаама // Прибалтийско-финское языкознание: Сборник статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта. Петрозаводск, 2003.

Мызников С. А. 2002 – Лексика прибалтийско-финского происхождения в былинах (по записям П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга) в русских говорах Обонежья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 1999). СПб., 2002. С. 88–89.

Мызников С. А. 2003a – Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.

Мызников С. А. 2003b – Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

НОС – Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.

Образование... 1970 – Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии). М., 1970.

Пименов В. В. 1965 – Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

ПКК – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Природный парк «Заонежский»: Препринт доклада на заседании Президиума КарНЦ РАН. Петрозаводск, 1992.

ПФГЛК – Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СГС – Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / Под редакцией А. С. Герда. СПб., 1997.

СНМ 1873 – Список населенных мест Российской империи. Олонецкая губерния. СПб., 1876.

СНМ 1933 – Список населенных мест Карельской АССР (по сведениям 1933 г.). Петрозаводск, 1935.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1. СПб., 1994.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л., 1965.

Срезневский И. И. – Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Тома 1–3. СПб., 1893–1912.

Уляшев О. И. 1999 – Цвет в представлениях и фольклоре коми. Сыктывкар, 1999.

Фасмер М. – Этимологический словарь русского языка. I–IV. М., 1986.

Хакулинен Л. 1955 – Развитие и структура финского языка. 2. М., 1955.

Черепанова О. А. 1983 – Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

Чистов К. В. 1958 – Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахкое из Рагнозера // Славянская филология. М., 1958. Вып. 3. С. 358–388.

Щепанская Т. Б. 1995 – Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Anttonen V. 1994 – Erä- ja metsäluonnon pyhyys // Metsä ja metsänvilja. Kalevalaseuran vuosikirja 73. Pieksamäki, 1994.

Forsman A. V. 1894 – Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla. I. Helsinki, 1894.

Hakulinen, Lauri 1968 – Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.

Itkonen T. I. 1948 – Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Porvoo; Helsinki, 1948.

Itkonen, Terho 1968 – Itämerensuomalaisen liudennuksen fonologinen paradoksi // SUST. 4. osa. Helsinki, 1968.

IW – Inarilappisches Wörterbuch. I–IV. Herausgegeben von Erkki Itkonen. LSFU, XX. Helsinki, 1986–1991.

Juvelius, Einar W. 1925 – Sismän pitäjän historia. Lahti, 1925.

Kalima, Jalo 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im russischen. Helsinki. SUST XLIV.

Kettunen, Lauri 1955 – Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Helsinki, 1955.

Kirkinen, Heikki 1990 – Juuria etsimässä // Karjalani. Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö. Joensuu, 1990. S. 18–23.

Kiviniemi, Eero 1971 – Suomen partisiippinimistöä. Ensimmäisen partisiipin sisältävät henkilön- ja paikannimet. Helsinki, 1971. S. 95–98.

Kiviniemi, Eero 1977 – Väärät vedet. Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa. Helsinki. SUST 337.

Kiviniemi, Eero 1990 – Perustietoa paikannimistä. SKST 516. Helsinki, 1990.

KKLS – Itkonen T. I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. LSFU XV. 1958.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. I–V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.

KMS – Nirvi R. E. Kiihtelysvaaran murteen sanakirja. I–XIII. Lappeenranta, б/г.

Korhonen, Mikko 1981 – Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.

Lehtiranta, Juhani 1989 – Yhteissaamelainen sanasto SUST 200. Helsinki, 1989.

LMS – Lyydiläismurteiden sanakirja. Toimittanut ja julkaissut Juho Kujola. Helsinki, 1944.

Lönnrot, Elias – Suomalais-ruotsalainen sanakirja.

Nielsen, Konrad – Lapp Dictionary. Vol. 1–5. Oslo, 1979.

Nissilä, Viljo 1939 – Vuoksen paikannimistö. I. SKST 214. Helsinki, 1939.

Nissilä, Viljo 1975 – Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

Nissilä, Viljo 1967 – Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes Helsinki. 1967.

Rapola, Martti 1966 – Suomen kielen äänehistorian luennot. Helsinki, 1966.

Räisänen, Alpo 1995 – Kainuun saamelaisperäisiä paikannimiä // Virittäjä. 1995. N 4. S. 532–544.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981.

SMS – Suomen murteiden sanakirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. Osa 1. Helsinki.

Sukunimet – Mikkonen Pirjo, Paikkala Sirkka. Sukunimet. Keuruu, 2000.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki 1992–2000.

Nielsen K. – Lapp Dictionary. Vol. 1–5. Oslo, 1979.

Suvanto, Seppo 1972 – Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere, 1972.

Tunkelo E. A. 1946 – Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.

Turunen, Aimo 1946 – Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit. Helsinki, 1946.

Vuorela, Toivo 1979 – Kansanperinteen sanakirja. Porvoo, 1979.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Шунгский район:

Выр	Вырозерский сельский совет
Дериг	Деригузовский сельский совет
Кажем	Кажемский сельский совет
Карас	Карасозерский сельский совет
Косм	Космозерский сельский совет
Кузар	Кузарандский сельский совет
Паян	Паяницкий сельский совет
Толв	Толвуйский сельский совет
Фойм	Фоймогубский сельский совет

Великогубский район:

Велик	Великогубский сельский совет
Великон	Великонивский сельский совет
Киж	Кижский сельский совет
Сенн	Сенногубский сельский совет
Типин	Типиницкий сельский совет
Яндом	Яндомозерский сельский совет

Кондопожский район:

Униц	Уницкий сельский совет
------	------------------------

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

РЕГИСТР ТОПООСНОВ

А(г)ин- 136	Вол- 160	Ен- 75
Ал- 48	Волок 83	Ерм- 162
Аргово 147	Вонг- 23	Ерн- 137
Бабий 42	Восточный 42	Еряумя 24
Береза 53	Выгородок 124	Железные Ворота 12
Большой Двор 115	Выр- 67	Журавина 54
Бочага 11	Габ- 55	Задний 43
Братья 42	Гайж- 73	Заживка 116
Буй 11	Гал- 137	Займище 127
Бука- 106	Гангас- 74	Заколье 127
Бунч- 61	Ганжак 147	Западный 43
Бус- 61	Гарьюс- 23	Заполек 127
Вабл- 160	Гиж- 23	Запор 128
Валгом- 91	Глад- 63	Зарод 128
Вар- 21	Голова 43	Зимн- 85
Ват- 22	Гом- 137	Золотой 64
Великий 61	Горб- 12	Зыбун 13
-вер- 48	Городок 12	Зябл- 128
Верес 54	Гречинница 124	Иготецкий 147
Веретя 12	Гумно 124	Ил- 49
Верт- 137	Денник 125	Иматов мох 148
Ветхий 63	Дербина 125	Кабак- 78
Вехк- 58	Долгий 64	Казеный 129
Виганд- 73	Дорога 84	Кайв- 24
Вид- 23	Дровник 125	Кайд- 79
Вил- 63	Дружинница 126	Кайн- 162
Вирем- 23	Дыбун 12	Кал- 24
Войг- 73	Ез- 127	Кар- 25

Карас- 164	Ламбас- 138	Нот- 139
Каргачево 148	Лап- 50	Нутро 44
Каск- 137	Лей- 79	Нюра 15
Кет- 138	Лема 14	Нюхч- 164
Кив- 26, 79	Леп- 56	Обельный 131
Кижж- 59	Летний 44, 86	Обод 131
Кижкожей 49	Лехт- 29	Общий 132
Ким- 138	Лиг- 138	Озр- 139
Кирвез- 79	Лит- 29, 80	Ойб- 164
Кислый 64	Ловги 30	Орга 31
Китовина 129	Лог 14	Осек 132
Клепальницы 129	Лом 14	Остожье 132
Клин 129	Луда 14	Остреч 132
Клоч- 13	Лукша 130	Острог 133
Ковер- 79	Луч- 130	Палеостров 139
Койв- 55	Лющик 87	Палтега 31
Конда 121	Лядина 130	Пальяк 81
Конец 43	Маймас- 139	Педей- 56
Корб- 27	Мандера 14	Пелд- 144
Коржаево 149	Мар- 80	Пенняк 133
Кортгеа 57	Масельга 30	Пень- 81
Котел 64	Матка 91	Пепел 65
Котк- 27	Мел- 94	Пер- 50
Кохт- 49	Мерд- 139	Перевоз 88
Кошачий 43	Мехкель 151	Перемена 88
Край 44	Мигуры 152	Переход 88
Красивый 64	Микково 152	Песок 15, 65
Креж 13	Мост 87	Пет- 164
Крест- 86, 105	Мох 15	Печка 65
Куз-/Куж- 55	Мочало 131	Пиг- 107
Кук- 28	Муда- 80	Питьк- 81
Куковская 149	Мур(ой)- 57	Плавник 89
Кулига 129	Муст- 80	Плаха 89
Кульпега 28	Мустово 152	Плешивый 65
Кумб- 29	Мыза 116	Повежа 15
Кургеницы 150	Мяг- 30	-пога 32
Курица 44	Мягкий 64	Погост 117
Кярзино 150	Наволоч 15	Подол 45
Ладв- 29	Нем- 30	-поле 50
Лакша 29	Нива 131	Половина 89
Ламба 13	Новинка 116	Порты 65

Посад 117	Сарь- 38	Толвуя 95
Поскотина 133	Свин- 66	Толстый 66
Поч- 165	Северный 45	Тонкий 66
Починок 116	Селище 120	Тережье 82
Пурд- 32	Сельг- 38	Треста 53
Пустоша 120	Сельга 16	Тур- 145
Райда- 60	Сестры 45	Угол 45
Рамбачево 153	Синий камень 102	Ужилище 136
Рамень 16	Сит- 82	Узкий 66
Ранд- 32	Смол- 134	Улица 90
Рахк- 153	Соломя 17	Умп- 82
Ред- 81	Солон- 19	Ур- 39
Репный Посад 154	Сорд- 144	Ушкальнаволок 154
Ригач(а) 133	Спорный 134	Хвост 47
Рид- 144	Средний 45	Чарка 39
Рим- 32	Стаи 135	Челм- 166
Римб- 33	Стан 134	Чища 136
Рог- 60	Страда 135	Чол- 167
Розм- 81	Студенец 19	Чужм- 39
Рокса 33	Суй- 51	Чупа 51
Руж- 144	Сукром 135	Чур- 20, 40, 66
Рускет- 82	Сьпун 20	Шелом 20
Рюга 122	Сюрьга 38	Шляпа 67
Рябяз- 36	Сявн- 144	Щелье 21
Рядег- 36	Тага- 51	Южный 47
Садам- 94	Тайбола 39, 95	Юльм- 41
Сал- 36	Таровская 154	Ютева Гора 156
Салма 16	Терв- 145	Якорьядина 157
Сапог 66	Тереб 135	Ян- 168
Сара 37	Тережье 82	Яр- 41

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК ТОПОНИМОВ

- Авдеевщина 121
Агиностров 136
Ажеб 73
Ажебнаволок 58, 73,
74, 211
Айнаволок 136
Айннаволок 136
Айностровская луда
136
Акинфина Сторона 50
Артельное поле 126
Артово 147
Артовские Стаи 135
Артовы Нивы 147
Бабий наволок 42
Бабкинская пристань
42
Бабкинский остров 42
Бабнаволок 42
Бабье болото 42
Бабьи Орги 42
Бабья Голова 43
Бабья Гора 42
Бабья губа 42
Бабья река 42
Базов остров 186
Балтега 31
Балтига 31
Барансельга 16, 21, 179
Баргостров 177
Бездонное 203.
Белая сельга 16
Белый Хвост 47
Березики 53
Березник 53
Березники 53
Березов Бор 53
Березов наволок 53
Березов Угол 53
Березовая пожня 53
Березовая поляна 53
Березовая Сельга 16,
53
Березовец 53
Березовицы 53
Березовщина 53
Березовый остров 53
Березья Губа 53
Бесовец 106
Бесовка 106
Бесово 106
Бесовщина 106
Ближние Смольки 134
Ближний Волок 83
Ближняя Гладь 63
Ближняя Ламба 14
Боевня 11
Болото 80
Большая ледина 131
Большая Рюга 122
Большой Волок 84
Большой Двор 115
Большой обод 132
Большой Пальяк 81
Большой Перевозник
88
Большой Студенец 20
Борковицы 193
Боровуха 187
Боровушный Креж 13
Бочага 11
Братаны 42
Братья Фофаны 42
Брусничные Нивы 55,
61
Бувещина 11
Букин Мох 106
Букин Порог 106
Бунчик 61
Бурда 215
Бурднаволок 32, 215
Бурта 32
Бусники 61
Бусничные нивы 61

- Бусьевщина 61
 Бутова Конда 121
 Бутсельга 179
 Буянострв 11
 Ваблок 160
 Вавлокостров 160
 Вадгуба 22
 Вадыгуба 22
 Важмарь 170
 Вазатгуба 173
 Вайнаволок 136
 Вайнострв 136, 212
 Валгомозеро 91
 Валемоны 48
 Валесельга 48, 172
 Вальгеостров 177
 Вальестров 177
 Ваннагуба 136
 Ванная Губа 136
 Ваннойгуба 136
 Ванькина Матка 92
 Ваньостров 136, 212
 Вараки 21
 Варгуба 21
 Вардокорба 27, 179
 Варезмох 174
 Варисельга 172, 180
 Варнаволок 21, 175
 Ватгуба 22
 Ватлекша 22, 29, 212
 Ватнаволок 22
 Вачуево 158
 Вегорукская дорога
     85
 Великая Грязь 63
 Великая губа 168
 Великая ледина 131,
     194
 Великая лядина 62, 131
 Великая нива 62
 Великая орга 62
 Великая щельга 62, 63,
     194
 Великий бор 62, 194
 Великий камень 62, 63
 Великий мох 62, 194,
     198
 Великий Олонецкий
     зимник 100
 Великий ручей 63
 Великое болото 63
 Великозеро 198
 Вениш 78
 Верговичи 183, 191
 Веренгуба 23
 Вересник 54
 Вересняги 54
 Вересова Щельга 54
 Вересовая Голова 43,
     54
 Вересовник 54
 Вересье 54
 Веретей 12
 Вертисельга 137
 Верхнее Волозеро 162
 Верхняя Тагама 51
 Ветехинщина 186
 Ветошь 63
 Ветхая Матка 63, 92,
     93
 Вехкальник 59
 Вехкозеро 59, 172
 Вехламба 59
 Вехручей 59, 178
 Вехтой 151
 Виганды 73
 Виднаволок 23, 175
 Видсельга 179
 Вижематка 99
 Вилемгуба 23
 Вилисельга 179
 Виловатая нива 63
 Виловатый мох 63
 Вилозеро 63, 176
 Вилока 63
 Виремгуба 23
 Виренгуба 23
 Вирозеро 67, 148, 212
 Витсельга 23
 Витчельга 179
 Вихлевщина 148
 Вицейгуба 173
 Вместежное Остожье
     132
 Внутресек 132
 Вожма 109, 110
 Вожмарь 111
 Вожмозеро 111
 Возрица 184, 198
 Возрицы 184
 Войбозеро 164
 Войги 51, 73, 183
 Войгуба 173
 Войлакша 29, 173, 210
 Волозеро 160
 Волочек 83
 Волочская поляна 84
 Волчерга 179
 Вонги 23
 Воронская дорога 85
 Воронье озеро 176
 Восточное поле 43
 Выгачино 148, 185
 Выгород 124
 Выгородок 124
 Вымоченицы 148
 Вырозеро 67, 68, 69,
     71, 73, 148, 212
 Вырозерская Матка 92
 Высокая Матка 92
 Высокие Валгумы 91
 Высокий мост 87
 Вышгуба 173

- Вяниш 78
 Вянешполе 50, 148, 168
 Габежа 55
 Габики 55
 Габлуда 178
 Габнаволок 55, 57, 175, 181
 Габорга 179
 Габорги 31, 55, 179
 Габостров 55, 172, 177
 Габсельга 208
 Гавдоя 170
 Гайжеги 73, 211
 Галайгуба 94, 137, 211
 Галайболото 137
 Галайбор 137
 Галайостров 137, 177
 Галайское болото 137, 211
 Галая поляна 137
 Галгостров 177
 Галгуба 137, 211
 Галово болото 211
 Галостров 211
 Гангасболото 75
 Гангасгуба 75
 Гангасозеро 75
 Гангасы 177
 Ганжак 147
 Гаплуда 55
 Гарьюсनावолок 23
 Гарьюсница 23
 Гарьюсручей 23, 96, 172
 Гаумозеро 137
 Гауनावолок 175
 Генарская речка 76
 Генарье 76
 Генорга 31
 Геностров 177
 Гижезеро 24, 172
 Гладкая Дорожка 85
 Гладкая Конда 121
 Гладкие Дороги 85
 Гладкие нивы 63
 Гладкие Щельги 21
 Гладкое болото 188
 Гладкое поле 63
 Гладуха 63
 Глубокие Валгомы 91
 Головка 43
 Голый 142
 Голяши 142
 Гомсельга 137, 179
 Гонгостров 177
 Гонсельга 137
 Гончельга 137
 Горбачиха 12
 Горбунья 12
 Горбуха 12
 Горбуша 12
 Горелая Матка 93, 99
 Горелая орга 31
 Горелые Сельги 16
 Горелый тереб 136
 Горние Стаи 135
 Горняя Дорога 85
 Городец 12
 Городок 12, 188
 Городюха 12
 Гречинница 124
 Грызнаволок 144
 Гулярный 81
 Гуменное поле 125
 Гуменцы 125
 Гуморга 137, 179
 Гутарनावолок 15
 Гютева Гора 156
 Гютनावолок 156
 Дальние Денники 125
 Дальние поляны 48
 Дальние Смольки 134
 Дальний Волок 84
 Дальняя Ламба 14
 Дейник 125
 Демидово 185
 Денник 125, 197
 Дербина 125
 Дербинка 125
 Дербино 125
 Дербины 125
 Диановы горы 168
 Добыжий Мост 12
 Долгая Веретия 12
 Долгая нива 64
 Долгая щельга 64
 Долгие мостки 88
 Долгий мост 64, 88
 Долгий остров 64
 Долгое болото 64
 Долгуша 64
 Дристорозеро 76, 107
 Дровник 125
 Дровники 125
 Дровнинская 125
 Дровняги 125
 Дровяник 125
 Дровяники 125
 Дросковщина 107
 Дружинница 127
 Дружинницкая поляна 127
 Дружинщина 127
 Дружковщина 127
 Дубостров 54
 Дудनावолок 175
 Дыбун 12
 Дяновы горы 168
 Дярбина 125
 Евалуда 178
 Еглов Хвост 47
 Ежгуба 127
 Ежевец 127

- Ежовица 127
 Езевец 127
 Езинская губка 127
 Езовая губа 127
 Елчина 198
 Ельное поле 90
 Енарская речка 76
 Енарье 76
 Еремеева Сельга 16
 Ермостров 162, 177
 Ерна/пала 137
 Ерницкий остров 137
 Ершанимох 174
 Еряйма 24
 Еряума 171
 Еряума 24
 Ефремов Станок 134
 Жабнаволок 74
 Железные Ворота 13, 188
 Жилище 136
 Житницкая 181
 Журава 54
 Журавий остров 54
 Журавница 54
 Журавщина 54
 Журавье болото 54
 Журавья Щельга 54
 За Кондой 121
 За Лядиной 131
 За Остожьем 132
 Заболоцкая Улица 90
 Забор 128
 Загладье 63
 Загумейница 125
 Загумельница 125
 Загуменницы 125
 Загуменное поле 125
 Загумнище 125
 Заднее поле 43
 Задний Город 12, 43
 Задний ручей 43
 Займище 127
 Заколье 127
 Закрайны 44
 Заламбина 13
 Заледины 131
 Заломье 14
 Замошье 15
 Заосечье 132
 Западница 43
 Западное поле 43
 Запертище 128
 Заполек 127
 Заполье 128
 Запольки 127
 Запор 121, 128
 Запоры 128
 Заригачье 133
 Зародница 128
 Зародницы 128
 Зародня 128
 Зародняя поляна 128
 Зарядежье 36
 Засележная поляна 16
 Засележье 16
 Затереб 136
 Затресенник 54
 Затресье 53
 Заушова орга 155
 Звягсельга 171
 Земляной мост 87
 Зимковщина 86
 Зимнее болото 85
 Зимнее озеро 86
 Зимник 85, 86, 87, 99, 105, 165, 203
 Зимники 85
 Зимницкий Мох 99
 Зимницы 99
 Зимняя гора 86
 Зимняя Губа 86
 Зимняя дорожка 86, 87
 Золотая губа 64
 Золотая поляна 64
 Золотая тоня 64
 Золотник 64
 Золотницкая губа 64
 Золотое поле 64
 Золотой Куст 64
 Золотой остров 64
 Золотуха 64
 Зубово 185
 Зыбун 13
 Зяблая Сельга 129
 Зяблица 128
 Зяблое 128
 Зяблое поле 128
 Зяблехи 128
 Зяблуха 121
 Зяблущина 129
 Зяблущинное поле 128
 Зяблые Нивы 129
 Ивановщина 48
 Ивкуева 158
 Ивнаволок 175
 Игатецкий остров 147
 Игосельга 172
 Иготецкий остров 147
 Игримый Креж 24
 Ижгора 24, 58, 173
 Ижезеро 172
 Избушечный остров 134
 Избушка 134
 Избушки 134
 Илайгуба 49
 Илайнаволок 49
 Илемгуба 49
 Иленьгуба 49
 Ильнейгуба 49, 174
 Ильнейнаволок 49
 Иматов мох 148

- Иматово мох 148
 Имоченицы 148
 Ихлевщина 148
 Ихновщина 186
 Ишукостров 177
 Йижезеро 172
 Кабак 78, 210
 Кабацкая луда 79, 210
 Кабач 79, 210
 Кавзома 170
 Кадьостров 79, 212
 Кажма 109, 110, 205
 Казенщина 129
 Каин наволок 143, 163
 Кайба 24
 Кайбиницы 183, 184
 Кайбостров 24
 Кайда 79
 Кайдболото 174
 Кайдово 79
 Кайдуша 79
 Кайн 203
 Кайнеострова 163
 Кайнос 160, 162, 200
 Кайостров 79, 212
 Каларека 177
 Калгосгуба 173
 Калейгуба 25, 123
 Калейнаволок 25
 Калейручей 24, 178
 Калий наволок 24
 Калий нос 25, 174
 Калийнос 174
 Калийполяна 179
 Кальезеро 24, 25
 Кальнаволок 25, 175
 Кальяга 25
 Кальяка 25, 172
 Кальяки 24, 25
 Каля 24
 Каменки 121
 Каменная Матка 92
 Каменный мост 87, 88
 Каменный ручей 79
 Каменный Угол 46, 102
 Каменуха 187
 Канестров 163
 Каньяволок 163
 Каняостров 163
 Кара 25, 215
 Карагуба 25
 Карасозеро 164
 Каргачево 148, 149
 Каргополе 50, 148
 Каргуба 25, 98, 199
 Карзососна 179
 Карнаволок 25, 26, 98, 175, 199, 215
 Карнежгуба 173
 Карьяка 25, 172
 Каскеснаволок 138
 Каскосельга 138, 179, 180
 Каскоснаволок 138
 Каткос 171
 Катнаволок 175
 Катучий Креж 23
 Кейн 203
 Кеммох 174
 Кердей 171
 Керкостров 177
 Кетовина 129
 Кетовинье 129
 Кетовская поляна 138
 Кетсельга 138, 179
 Кефтеницы 191
 Кехтеницы 183
 Кибитка 27, 79, 171
 Кибре/колье 25
 Кибручей 27, 79, 178
 Кивдук 171, 202
 Кивисельга 79, 123
 Кивлуда 79
 Кивручей 27, 79, 96, 178
 Кивсельга 27
 Кидалакша 29, 210
 Кидасельга 179
 Кизи 59, 171
 Кижимлахта 60
 Кижимох 60
 Кижкожей 49
 Кийостров 79
 Кильостров 177
 Ким/бор 138
 Киматка 92
 Киматки 138, 171
 Кимбереги 178
 Кимболото 174
 Кимкалка 138
 Кимкалька 138
 Киммох 138
 Кимозеро 138
 Киндасполе 178
 Кирвасозеро 79
 Кирилкин Угол 46, 102
 Кислая губа 64
 Кислая Ламба 13
 Кислохи 64
 Кислуха 64
 Кислухи 64
 Кислуша 64
 Китовинка 129
 Китовское поле 129
 Китовщинье 129
 Клапино 172
 Клапино болото 107
 Клементьевская 131
 Клепальники 129
 Клепальницы 129
 Клепозеро 56, 107
 Клещевая губа 76
 Клим 171

- Клим/бор 138
 Клим/нос 138
 Климатки 138, 171
 Климгора 173
 Клименицы 183, 191, 193
 Климнос 171, 178
 Клин 129
 Клинмох 138, 171
 Клинки 129
 Клины 129
 Клочиха 13
 Клочницкий остров 13
 Клочняг 13
 Клочняги 13
 Клочняк 13
 Клочуха 13
 Клочья 13
 Ковгуба 173
 Ковера 79
 Ковкозеро 46, 47
 Ковручей 178
 Ковшозеро 76, 176, 177
 Ковырой ручей 79
 Коднаволок 175
 Кодосельга 179
 Койгуба 55, 173, 208
 Койкиницы 184, 185, 187, 193, 200
 Койлакша 210
 Койнаволок 55, 175
 Койострова 55
 Кокостров 177
 Конгора 173
 Конда 121, 122
 Кондасельга 122
 Кондейгуба 173
 Кондобережская 121
 Кондоболото 174
 Кондуша 122
 Кондушка 122, 186
 Конец Ободья 43
 Конец Улицы 43, 90
 Конещугубе 43
 Конещулица 43
 Конещелье 43
 Коннаволок 122
 Кончезорье 43
 Кончезорье 43
 Корба 27
 Корбинская нива 27
 Корбозеро 11, 27
 Корежи 170, 214
 Корежий 214
 Корежручей 178
 Кореховщина 186
 Кореший Нос 214
 Коржаево 149
 Корзяга 58
 Корба 25, 205
 Корбина 25, 205
 Корбушка 25
 Кортегуба 58
 Кортежгубское болото 58
 Кортенаволок 58
 Кортеха 214
 Кортехгуба 214
 Кортехматка 58, 214
 Кортечная губа 58
 Кортешник 58
 Кортешница 48
 Кортнаволок 58
 Кортюхгуба 58
 Кортяха 58
 Корытоостров 58
 Косельга 55, 179
 Косозеро 205
 Косое Остожье 132
 Котельный порог 64
 Коткиламбы 27
 Котков мост 27, 89
 Коткостров 27, 123, 177
 Котняги 58
 Хохтяжная поляна 49
 Кошачья Губа 44
 Кошенинская ель 90
 Кошечий Городок 44
 Кошкина Матка 92
 Краемошек 44
 Крайборы 44
 Крайняя поляна 44
 Красава 64
 Красавский ручей 64
 Красная Сосна 90
 Красные Ворота 13
 Красуха 64
 Креж 13
 Крежевуха 13
 Крестик 86
 Крестов обод 86
 Крестовка 86
 Крестово 86
 Крестово поле 86
 Крестовое поле 86
 Крестовуха 86
 Крестовый Мох 105
 Крестовый наволок 86
 Кресты 86, 105
 Кривая Матка 93
 Кривое озеро 176
 Крутая Веретья 12
 Крутой Креж 13
 Кувкары 98
 Кугаматка 99
 Кудлакша 29
 Куднаволок 175
 Кудростров 177
 Кужнаволок 56
 Кузаранда 32, 56
 Кузеостров 56
 Кузерка 56

- Кузнецкая река 182
 Кузьгуба 56, 173
 Кузьостров 56
 Куйкостров 177
 Куйозеро 79
 Кукая гора 28
 Кукоевская 149
 Кукуево 185
 Кулатка 171
 Кулежи 130
 Кулига 130, 201
 Кулида 130
 Кулижье поле 130
 Куличье поле 130
 Кульпега 28, 32, 171
 Кумбовинья 29, 209
 Кумбово поле 29, 209
 Кумбушка 29, 209
 Кумбыша 29
 Кумбыши 29
 Куннаволок 122, 175
 Кургеницы 150, 183, 184, 187, 191
 Кургилово 185
 Кургово 150
 Кургополе 50, 148, 150
 Курицын остров 44
 Куричий остров 44
 Курнаволок 175
 Курнейостров 174, 177
 Кушнаволок 175
 Кябисельга 179
 Кяменицы 184
 Кяписельга 179
 Кярзино 150, 185
 Лавашбор 178
 Ладгуба 29, 173
 Ладмозеро 29, 109, 112
 Ладнаволок 29
 Лазнаволок 175
 Лайноостров 137
 Ламба 13
 Ламбазнаволок 138
 Ламбазник 138, 186
 Ламбаследина 131
 Ламбасгуба 173
 Ламбаслуда 138, 178
 Ламбаслядина 138
 Ламбасостров 138
 Ламбач 170
 Ламбина 13, 76, 171
 Ламбинские острова 138
 Ламбич 138
 Ламбостров 138
 Ламбушка 13
 Ламбушкино болото 13
 Ланестров 212
 Ланьгора 173
 Ланьбостров 212
 Лапилакша 50, 210
 Лапина пожня 172
 Лапино болото 107
 Лапостров 50
 Лаптево 185
 Лахново озеро 186
 Лахта 210
 Лахтопога 29, 32, 122
 Лебежья Матка 91
 Лебнаволок 56
 Левгора 173
 Легачевщина 133
 Легкова Матка 93
 Леговщина 133
 Лединный остров 131
 Лейнаволок 79, 175
 Лейрека 177
 Лельрека 177
 Лема 14
 Лепай 56
 Лепайгуба 56, 173
 Лепмошок 56
 Лепнаволок 56, 175, 208
 Лепозеро 56, 107
 Лепостров 177
 Лепручей 56, 178
 Летелакса 30, 80, 182
 Летнее поле 44, 86
 Летник 87
 Летняя Дорога 87
 Летняя дорожка 86, 87
 Летняя Нива 86
 Лехкостров 29
 Лехостров 29, 210
 Лехтостров 210
 Лешие Матки 93
 Лещева губа 76
 Лигайгуба 139
 Лигайнаволок 174
 Лигачевщина 33, 133
 Лиго 139
 Лигой 171
 Лигойгуба 139
 Лигойнаволок 175
 Лигопашня 139
 Лигопожня 178
 Лигостров 139, 177
 Лижма 109
 Лимбозеро 33
 Линдома 109
 Липовский мох 182
 Липовский ручей 182
 Липостров 56
 Липручей 56, 178
 Липручевская дорога 85
 Литеги 30, 32, 80, 214
 Литеренда 30, 32, 80
 Литнаволок 70
 Литяги 212
 Ловги 30, 171
 Лога 14

- Ложина 14
 Ложинка 14
 Локречка 177
 Лома 14
 Ломовая нива 14
 Ломовица 14
 Ломы 14
 Лопаково 151
 Лопатка 171
 Лопская Матка 99
 Лудуша 14
 Лудыша 14
 Лукова Губа 54
 Лукова Щельга 54
 Луковцы 54
 Лукостров 54
 Лукса 130
 Лукша 130
 Лутчева яма 130
 Лучкинские пеняги 133
 Лыково 185
 Любосельга 179
 Люмбогуба 173
 Лющик 87, 201
 Мадогуба 173
 Маймас 139
 Маймасгуба 139
 Маймаснаволок 175, 181
 Маймукса 139
 Максова Сторона 51
 Малая Конда 121
 Малая Рюга 122
 Малая соломя 17
 Малек 139, 181
 Маленький остров 81
 Малля 211
 Мальйй Перевозник 88
 Мальяха 172, 211
 Мальяшка 211
 Мандера 11, 14
 Мандерское поле 14
 Маньера 14
 Маренник 80
 Маренница 80, 181
 Марина 198
 Марковская Присталь 134
 Марнаволок 175
 Марьяха 172
 Масельга 30
 Масельгская Гора 30
 Матгуба 165, 173
 Матигора 173
 Матка 92, 93, 171, 203
 Маткозеро 99
 Маточка 93
 Мегостров 160
 Мегрежка 186
 Межевая сельга 102
 Межевой Колодец 46, 102
 Межевой ручей 102
 Межевуха 102
 Межники 102
 Мелойгуба 94
 Мелпески 178
 Мельницкая Дорога 85
 Мельничная река 123
 Мендостров 212
 Мергостров 139
 Мердегуба 139
 Мердостров 139
 Мернаволок 139
 Мехкель 151
 Мехтель 151
 Мигуры 152
 Микково 152, 185
 Моисеев Лом 14
 Мокрая ледина 131
 Мох 15
 Моховое болото 15
 Моховое озеро 15
 Мочалище 131
 Мочальная губа 131
 Мочальник 131
 Мочальня 131
 Мочильное озеро 131
 Мочники 131
 Мошок 15
 Мудайгуба 80
 Мудалакша 29, 80
 Мудач 171
 Мудлакша 80, 171
 Мудростров 177
 Музгуба 80
 Муна 177
 Мунарека 177
 Муныматка 99
 Мурайгуба 57
 Мураймох 57
 Мурайнаволок 57
 Мурнаволок 57
 Муров мох 186
 Мурово 57, 186
 Мурово болото 57
 Муровское 57
 Муроймох 57
 Муромох 58, 140, 174
 Мурий мох 140, 145, 174
 Мустиново 152
 Мустнаволок 80
 Мустово 80, 185
 Мустоевское 152
 Мустуево 152
 Муталакша 80, 210
 Мушгуба 80
 Мхи 15
 Мыза 116
 Мызник 116
 Мягкая полоса 65

- Мягкая Сельга 65
 Мягкий Бор 65
 Мягозеро 30
 Мягостров 30, 177
 Мягра 177
 Мягрека 177
 Мягреник 186
 Мягрозеро 70
 Мякоти 65
 Мяндино 70
 Мяндоостров 212
 Мянъгора 173
 На Клину 129
 На Крежу 13
 Наволок 15
 Наволоки 15
 Неверьгуба 173
 Нелгозеро 212
 Немежа 30
 Немежа 30
 Немецкая губа 31
 Немецкий бор 30
 Немецкий мыс 31
 Немеш 30
 Немина 198
 Нёра 15
 Нива 131
 Нивища 131
 Нивище 131
 Нивья 131
 Нижние Орги 47
 Нижний Обод 47
 Нижний Терев 47
 Нижняя Тагама 51
 Низкие Волочки 84
 Никитинская дорога 84
 Никольские запольки 127
 Новая Заживка 116
 Новинка 116
 Новинка Гольшеева 116
 Новочисть 136
 Новый Починок 116
 Нот/калье 139
 Нот/калья 24, 25
 Нулица 33
 Нурица 33
 Нутренний бор 44
 Нутренник 44
 Нутренники 44
 Нутренница 44
 Нутренницы 45
 Нутрище 45
 Нутро 44
 Нюккозеро 164
 Нюра 11, 15
 Нюргуба 173
 Нюсгуба 173
 Нюсьгуба 164
 Нюхча 164
 Нюхчаозеро 164
 Нючнаволок 164
 Обельная пожня 131
 Обельные ободы 131
 Обельское поле 131
 Обельщина 131
 Обильщина 131
 Обод 103, 121, 129, 132
 Ободец 132
 Ободки 132
 Ободная поляна 132
 Ободский родник 132
 Ободцы 132
 Общая лядина 132
 Общая поляна 132
 Общие нивы 132
 Общие поляны 132
 Общий обод 132
 Община 132
 Общинная полянка 126
 Ожематка 58, 172
 Ожяматка 58
 Озорнаволок 139
 Озрнаволок 139
 Ойбозеро 164
 Онежская Матка 92
 Онежское озеро 168
 Орга 31
 Орги 31, 121
 Орловец 27
 Орожки 31
 Орожьяма 179
 Осек 132
 Осека 132
 Осечевское поле 132
 Осинник 57
 Осиновый наволок 181
 Осоки 54
 Остожье 132
 Острадная луда 103
 Острадный остров 135
 Остречкое 198
 Остречево 132, 203
 Остречевская 132
 Остречевское 203
 Остречевское озеро 132
 Остречевцы 203
 Остречица 132
 Остречь 132, 198
 Остричь луда 203
 Острог 133
 Остроги 133
 Отримох 174
 Отримошь 33
 Очесной Угол 183
 Ошков остров 155
 Ошовый мост 155
 Павловицы 193
 Падма 109
 Падомох 174

- Падорги 31
 Падьма 109
 Палеостров 140, 143
 Палий остров 140
 Палляк 210
 Палляка 210
 Палनावолок 175
 Палозеро 176
 Палойनावолок 174
 Палтега 31
 Палтегский мост 87
 Палтегское озеро 176
 Пальяк 142
 Пальяка 81
 Папики 152
 Папоротники 54
 Пароева 158
 Парчема 215
 Пастба 133
 Пастьба 133
 Патрово 151
 Паханичи 183, 184
 Пахиничи 183, 184, 191
 Паякорба 179, 182
 Паяницы 183, 187, 191
 Певдуновой 181
 Пегрема 109
 Педасельга 56, 179
 Педейनावолок 56
 Пейनावолок 123
 Пекома 170
 Пёлгуба 144
 Пелдожа 144
 Пелдожи 144
 Пелдожнаволок 155
 Пелдужа 144
 Пелдуша 144
 Пелдушнаволок 144
 Пелनावолок 144
 Пендукса 201
 Пенняг 133
- Пенняк 133
 Пень 81
 Пеньгуба 81
 Пеньки 81
 Пепелуха 65
 Пепельник 65
 Пепельный Бор 65
 Пергуба 50, 173
 Перевоз 88
 Перевозник 88
 Перевозница 88
 Перейки 50
 Перейनावолок 50, 175
 Перекнива 178
 Перемена 88
 Перехнива 214
 Переход 203
 Переходская щельга 88
 Переходы 88, 99
 Пертнос 178
 Перхनावолок 175
 Перый наволок 140, 145
 Перыйгуба 94
 Перяхнива 178
 Пески 16, 30, 65, 80, 182
 Песочная Губка 16, 65
 Песочная поляна 80, 181
 Песчаная гора 40, 181
 Песчуха 16, 65
 Песьяница 16, 65
 Песьянка 15, 65
 Петрека 165
 Петры 152
 Пеудушка 144
 Печка 65, 202
 Пигма 109, 111
 Пигмозеро 109
 Пидейская губа 56
- Пидесельга 56, 179, 180
 Пидия 56, 171
 Пидостров 177
 Пидяйгуба 173
 Пижей 90
 Пижиницы 200
 Пижиничи 184, 193
 Пиндера 210
 Пинег 133
 Пинейनावолок 81
 Пинनावолок 212
 Пиньनावолок 32
 Письяницы 16, 65
 Письяха 15, 65
 Питишный Нос 81
 Питьягуба 81
 Питьянаволок 81
 Пичеха 15, 65
 Пичуева 158
 Плавник 89
 Плавники 89
 Плавницкая губа 89
 Пламбина 76, 171
 Плашья поляна 89
 Плешатая щельга 65
 Плешивиза 65
 Плешивый бор 65
 Плешки 152
 Повежий остров 16
 Погаченицы 183, 184, 191
 Погост 117, 190
 Под Кондой 121
 Подберезье 53
 Подол 45
 Подольнище 45
 Подсыпунское болото 20
 Подчерверье 165
 Подшеленица 21

Список топонимов

- Подъянское озеро 168
Полгуба 173
Полевская дорога 85
Полнаволок 15
Половина 89
Половинная гора 89
Половинная Ель 89
Половинная луда 89
Половинный бор 90
Половинный крест 89, 105
Поньгора 173
Поростров 177
Портки 65
Порточница 65
Порточное озеро 65
Порты 65
Посад 117, 119, 190, 202
Поскотина 133
Посторонница 47
Потаповщина 131
Потыков Острамок 132
Пóчеверье 48, 165
Почनावолок 175
Почтовая дорога 84
При мельнице 123
Привальи Зароды 128
Проездная Салма 16
Пролгуба 171
Противница 47
Пуныгуба 173
Пурдега 32, 214, 215
Пустоша 120
Пустоши 120
Путкалакша 29
Путкнаволок 175
Путсельга 179
Пырейгуба 50, 123, 174
Пяжгуба 173
Пяхта 151
Равкуевская 153
Рад/колье 25
Райдаконда 60
Ракуевская 153
Рамбачево 153
Раменники 16
Рамполе 32, 50, 148, 168
Рахкоева поляна 153, 154
Ребеже 36
Ребязник 36, 186
Региматка 92, 99
Редайгуба 81
Ремболото 71
Репный Посад 117, 154
Репонварская гора 21
Риганды 171
Ригачевщина 33, 133
Ригачино 133
Ригачное поле 133
Риднаволок 144, 175
Ридобор 144
Ридсельга 180
Рим 33, 71, 212
Римская 71
Римский мох 71
Римское 71
Ристозеро 107
Рифта 171
Ричнаволок 144
Ровгуба 173
Ровкачевская 153
Рогостров 60, 177
Рогсоломя 60, 179
Розмега 81, 214
Розный Мох 81, 174
Рокпорог 179
Рокса 33, 34, 36
Росковщина 107
Рохкачевская 153
Рудаматка 91
Рудники 20
Рудница 20
Ружематка 92, 99
Ружематки 144
Ружеостров 144
Ружматка 36
Ружостров 36
Руйжгуба 173
Рупосельга 179
Рускетнаволок 82
Рыдручей 96, 144, 178
Рымбозеро 33
Рюга 122
Рюча 144
Рючнаволок 144
Рябовское озеро 176
Рядеги 214
Рядемох 36, 174
Рямега 71
Рямик 71
Рямода 71
Рямручей 71
Ряпостров 177
Ряпуснаволок 175
Савручей 178
Садамгуба 94, 210
Сайгомы 137
Сайпелда 144
Саймега 51
Салагматка 92
Салажья Матка 92
Салма 11, 16, 109
Салоостров 36, 209
Салоостровская Салма 16
Сало/салмский пролив 16, 36
Сальная луда 36
Сальная Луда 209
Сапог 66

- Сара 38
 Саража 37
 Саранда 37
 Саранжа 37, 38
 Сараручей 178
 Сарекса 37
 Саренда 37
 Сароручей 37
 Саруй 38
 Сарусье 37
 Сарый ручей 174
 Сарьостров 38
 Сато 171
 Свинуха 66
 Свиные тереба 66
 Святое озеро 112
 Святозеро 112
 Святуха 109, 112
 Святуха 197
 Себостров 177
 Северные Денники 125
 Селицкие пожни 121
 Селище 120, 121
 Сельга 16
 Сельгостров 38, 177
 Сельский наволок 16
 Семяручей 178
 Сергозеро 32, 212
 Серед осека 132
 Середки 45
 Серстренки 45
 Сидостров 82
 Синий Камень 99, 103, 104
 Сипуево 158
 Ситник 54
 Ситовик 54
 Ситозеро 82
 Ситомох 82, 174
 Ситостров 82, 177
 Смолев 134
 Смолевые Ямы 134
 Смолек 134
 Смоливая Яма 134
 Смоливые Ямы 134
 Смолокурня 134
 Смолюха 134, 187
 Смоляница 134
 Смоляные Ямы 134
 Сморяги 134, 172
 Смытный тереб 136
 Собачьи Головы 43
 Солодежка 19
 Соломени 17
 Соломенная губа 17
 Соломенное 17
 Соломенное озеро 17
 Соломенские острова 17
 Соломя 17, 195
 Соломялахта 17
 Солонуха 19
 Сорды 144
 Сосарь 51
 Сосенское поле 90
 Сосновая лядина 131
 Спорная нива 134
 Спорная поляна 134
 Спорные поляны 134
 Среднее поле 45
 Среднее Стожье 132
 Средние запольки 127
 Средний мост 87
 Средняя Ляга 45
 Средняя Орга 45
 Средняя поляна 45
 Стаи 135
 Стайный обод 135
 Стайный остров 135
 Становой остров 134
 Становые острова 134
 Станок 134
 Старая дорога 85
 Старинная Конда 121
 Старый Зимник 86
 Стоостровки 48
 Сторонница 93
 Сточное поле 43
 Страдний остров 135
 Страдные острова 135
 Страдня 135
 Страшная лядина 131
 Студенец 20
 Студенцы 20
 Суда 110
 Судма 109
 Судочья 110
 Суйнаволок 51, 79
 Сукромный бор 135
 Сукромы 135
 Сукронный бор 135
 Супорница 134
 Супорницы 134
 Сусарь 51
 Сыпун 20, 23
 Сыпунгора 20
 Сыпуха 20
 Сюдаряга 11, 31
 Сюръя 39
 Сявनावолок 144
 Сявнега 144, 170
 Сявнеги 214
 Сявручей 144
 Сямпикозеро 144
 Сярболото 174
 Сяргозеро 32, 70, 212
 Тагама 51
 Тазгуба 173
 Тайбола 39, 95, 101, 113
 Тайболки 95
 Тайгиницы 184, 185, 193, 200

Список топонимов

- Тамбица 184, 198
Тамбицы 184
Таржеполь 51
Таровская 154
Таруевская 154
Тельпозеро 172
Телячий Наволок 15
Тереб 136
Тереба 136
Теребки 136
Теребова гора 136
Теребок 136
Теребы 136
Тережская речка 82
Тережье 82
Терентьева Избушка
134
Тер/калье 25, 145
Тернаволок 145
Терпозеро 172
Тигоницы 200
Тикиницы 193
Тиконицы 184
Типиницы 183, 187,
191
Тобий 210
Токо/гом 137
Толвуй 96, 205
Толвуя 96, 97, 98, 99,
205
Толстый наволок 66, 80
Толстый Нос 66
Толстяк 66
Тонкойгуба 66
Тонкуха 66, 187
Тресливый мох 54
Треста 53
Трестеники 54
Трестеницкая губа 54
Трестенка 54
Трестенники 54
Трестняк 54
Трестянки 54
Трестянка 53, 54
Три Березы 48
Три Ивана 48
Тристозеро 107
Тройницкие острова 48
Трясливая луда 53
Трясливица 53
Трясневый мох 53
Тупой мыс 66
Турий остров 140, 145
Туройостров 145
Тягостров 177
У Березы 53
У Вереска 54
У Глади 63
У Ели 90
У Зарода 128
У Зародов 128
У Зяблого 129
У Камени 99
У Креста 105
У Крестика 86
У Литяга 30, 80
У Остожья 132
У Перевозу 88
У Плахи 89
У Ригача 133
У Ригачи 133
У Сосны 90
У Сосоны 90
У Сосоньев 90
У Студенца 20
У Шалаша 135
Углеватка 46
Угол 46, 47, 102, 183
Угольный бор 46, 102
Угольская нива 45, 102
Ужилище 136
Ужняя Губа 47
Ужный Обод 47
Узгирь 66
Узкая Салма 16
Узкири 66
Узкиряк 66
Узкое Солومه 17
Уйма 171
Уличка 90
Умпога 32, 82
Урания 39
Урбаж 171
Урома 39
Уромы 39
Усолонье 19
Устожье 132
Ушкальнаволок 154
Ушков бор 155
Ушков мост 89
Ушков остров 155
Ушковая поляна 89
Ушкова речка 155, 156
Ушково 155
Ушковская Губа 155
Ушковский обод 155
Ушковый мост 87
Ушовый мост 155, 156
Фересье 54
Фиш/наволок 24
Фоймогуба 173
Хашезеро 73, 211
Хвостовые поляны 47
Хвосты 47
Хедостров 177
Хижгора 24
Хижгуба 24
Хмелезеро 76, 176, 177
Ходарилская 185
Хрыль 76, 171
Царевка 38
Царьостров 38
Цилополе 50

Цилополь 50	Шапка 67	Янишполе 51
Цуйнаволок 51	Шапочный бор 67	Янская гора 168
Цыплатник 44	Шары 37, 38	Ярनावолок 41
Чалька 39, 171	Шелом 21	Ярпукса 41
Чальканаволок 39, 172	Шеломки 21	Яручей 178
Частый Зарод 128	Шеломские болота 21	Яраймя 24
Чебина 198	Шидрозера 176	
Челмужгуба 166	Ширий наволок 140	Dyrmäkkö 190
Челмужи 166	Шляпа 67	End'ärv 169
Челмужская губа 166	Шляпиха 67	Hallaksi 211
Черемховая поляна 54	Шляповы горы 67	Hallalaksi 211
Черная соломя 17	Шошин Станок 134	Hallasuari 211
Черные Сапоги 32	Штаны 66	Hallasuo 211
Чертов ручей 107	Щелейка 21	Halloja 211
Чертовы Ворота 13	Щелейное поле 21	Jylmäkkä 189
Чиуканива 178	Щельги 21	Jylmäkkö 190
Чища 136	Щельговатый остров	Jyrmäkkä 190
Чищеница 136	21	Jyrmäkkö 190
Чищеницы 136	Щельостров 21	Kapustajärvi 76
Чищи 136	Щупа 51, 52	Kižiďärv 60
Чолозеро 167	Щупник 51, 73, 183	Kižiso 60
Чудсельга 179	Южное поле 47	Loški 151
Чужмозера 39	Юлмаки 41, 188	Lyttä 151
Чужмукса 40	Юльма 41	Miina 151
Чупа 51	Юрговичи 183	Pappized 152
Чупник 73	Юрема 24	Pyhäd'ogi 112
Чура 20, 40, 67	Юрьевичи 191	Pyhäjoki 107
Чургора 20, 40, 67, 173, 181	Ютева Гора 156	Pyhäjärv 112
Чургуба 20, 40, 67, 173	Ютевщина 156	Pyhäjärvi 107
Чурное поле 20, 40, 67	Ютеева Гора 156	Ryhjä 122
Чуроватица 20, 40, 67	Ютнаволок 156	Röksä 36
Шайдома 109	Язевец 127	Röksänd'ogi 36
Шалаша 135	Язжевица 127	Röksändärv 36
Шалашная поляна 135	Якорьбор 178	Sysmä 40
Шалашница 135	Якорьядина 157, 178	Sysmis 40
Шалашный бор 135	Яндома 109, 168	Tikku 151
Шалица 198	Яндомозера 168	Turha 151
	Янежполе 168	Vožmajärv 111
		Änine 168

Научное издание

И. И. Муллонен

ТОПОНИМИЯ ЗАОНЕЖЬЯ:
СЛОВАРЬ
С ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫМИ КОММЕНТАРИЯМИ

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН*

Редактор *Л. В. Кабанова*
Оригинал-макет *Г. А. Тимонен*

Сдано в печать 08.10.08 г. Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 14,1. Тираж 400 экз.
Изд. № 94. Заказ № 748.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50